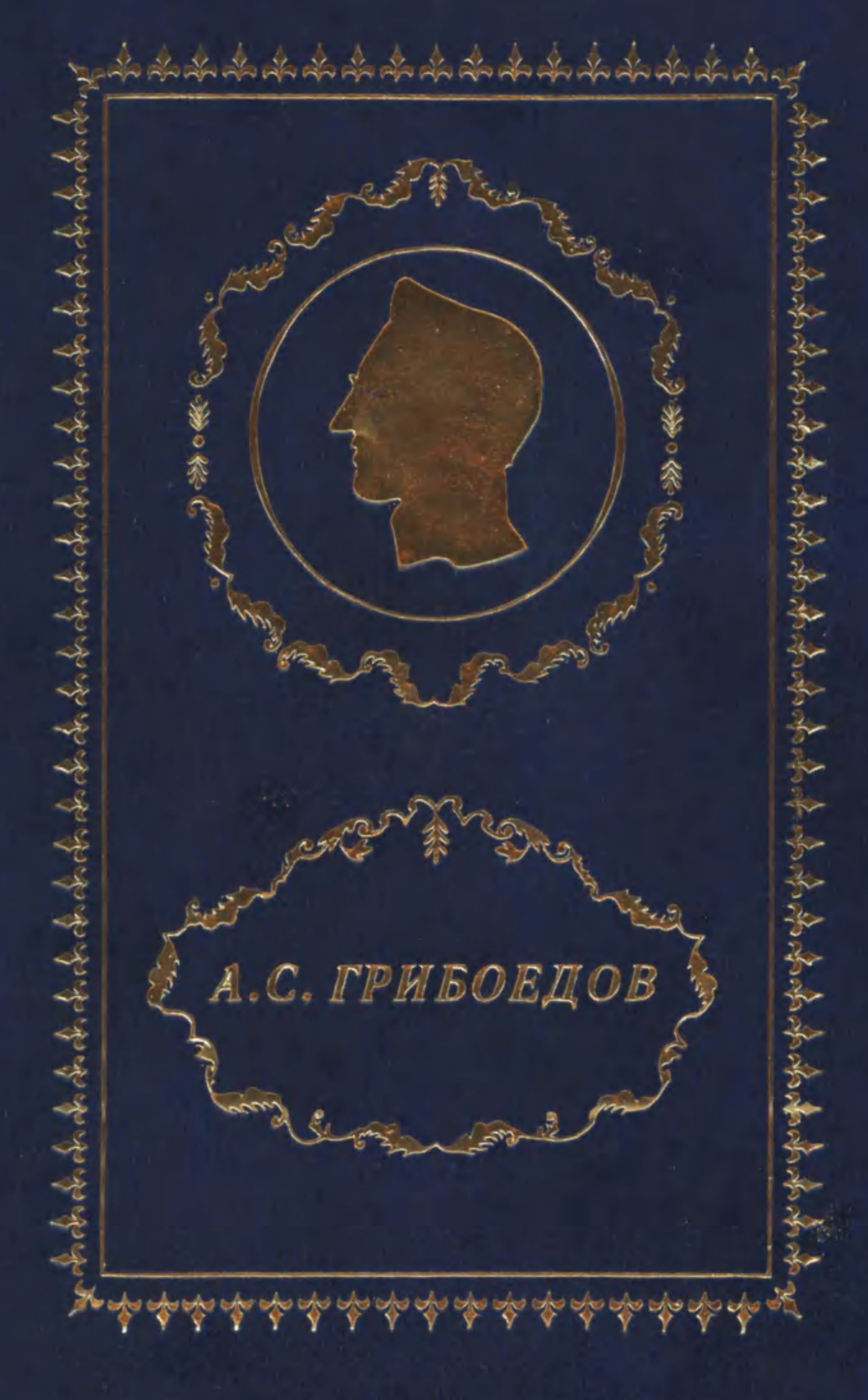
А.С. ГРИБОЕДОВ

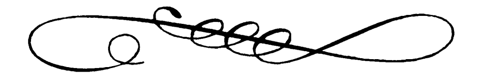
I

А. С. Грибоедов. Миниатюра М. И. Теребенева,
вделанная в переплет Булгаринского списка. 1824.
Гравюра Ф. А. Брокгауза.

1795 – 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Санкт-Петербург
1995

А. С. ГРИБОЕДОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОРЕ ОТ УМА

Санкт-Петербург
Издательство «Нотабене»
1995

**Печатается по постановлению
Совета Министров —
Правительства Российской Федерации
№ 1010 от 7 октября 1993 года
«О двухсотлетии
со дня рождения А. С. Грибоедова»**

**Издание осуществлено за счет средств
Комитета Российской Федерации по печати**

Подготовка текста и комментарии
А. Л. Гришунина

Научный редактор
С. А. Фомичев

Редактор
Д. М. Климова

Том утвержден к печати
Ученым советом
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

ISBN 5-87170-043-8
ISBN 5-87170-044-6 (том I)

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, выпускаемое Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, является вторым изданием сочинений писателя, включающим все известные его художественные произведения и письма, подготовленным на основе критического изучения всех выявленных печатных и рукописных источников текста. Первым научным изданием сочинений А. С. Грибоедова, по сию пору не потерявшим своего значения, было Полное собрание сочинений в трех томах, вышедшее в 1911—1917 годах под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова (издание Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, «Академическая библиотека русских писателей», вып. 7—9). Со времени выхода в свет этого издания выявлен ряд неизвестных ранее грибоедовских текстов (художественных произведений, деловых бумаг и писем), обнаружены новые рукописные источники, помогающие более точно, чем ранее, установить дефинитивный текст некоторых его произведений, а главное — накоплен огромный материал для комментирования его сочинений.

Необходимость в новом академическом издании Грибоедова была осознана достаточно давно. Академия наук СССР намечала его издание еще в 1935 году (см.: *Оксман Ю. Г.* Академическая библиотека классиков // Известия. 1935. 23 ноября. № 272). Постановление о выпуске такого издания было вынесено СНК СССР в 1945 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения драматурга (Постановление это было опубликовано во всех центральных газетах 15 января 1945 года). После этого дважды (4 февраля 1969 года и 6 февраля 1975 года) Отделением литературы и языка АН СССР принимались решения о подготовке академического издания сочинений Грибоедова.

Само обилие перечисленных выше нереализованных постановлений не могло быть, очевидно, случайным.

Художественное наследие Грибоедова, дошедшее до нас, невелико по объему, но большинство его произведений до сих пор представляет собою достаточно сложную текстологическую проблему. Прежде всего потому, что мы зачастую не обладаем вполне достоверными источниками грибоедовских текстов: автографы насчитываются единицами, первые же издания большинства произведений появились после смерти писателя. К тому же издавна установился (по сути дела, неверный) взгляд на Грибоедова как на «автора одного произведения». Тем самым усилия нескольких поколений издателей и историков литературы сосредоточивались, в основном, на установлении «канонического» текста «Горя от ума»: здесь — что и справедливо — представлялось ответственным

каждое слово и чуть ли не каждое слово вызывало споры. В других же произведениях писателя критика текста совершенно отсутствовала. При новых переизданиях его сочинений, за редким исключением, найденные решения и эдиционные принципы не подвергались перепроверке. До поры до времени отсутствовал научный коллектив исследователей жизни и творчества Грибоедова. После долгого перерыва первая научная конференция, посвященная автору «Горя от ума», состоялась лишь в 1974 году в Пушкинском Доме и была посвящена 150-летию великой комедии. Вслед за ней Пушкинским Домом были организованы Первые (1986) и Вторые (1989) Грибоедовские чтения в Вязьме на базе Музея-усадьбы Грибоедова «Хмелита», а также Всесоюзная Грибоедовская конференция 1990 года. Результаты этих научных заседаний получили отражение в трех сборниках: «А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции» (Л., 1977), «А. С. Грибоедов. Материалы к биографии» (Л., 1989), «Творчество А. С. Грибоедова» (Смоленск, 1994). В ходе научных дискуссий не только были прояснены многие спорные проблемы жизни и творчества Грибоедова, но и сформировался коллектив исследователей, усилиями которого была завершена подготовка Полного собрания его сочинений, настоятельная потребность в котором осознана давно.

В состав данного издания входит все известное к настоящему времени наследие писателя: его художественные произведения, статьи, путевые записки, письма и деловые бумаги. Наряду с законченными произведениями в издание входят планы и наброски незавершенных произведений драматурга. С сожалением приходится констатировать, что полный корпус деловых бумаг, вышедших из-под пера Грибоедова, который был не только великим писателем, но и выдающимся дипломатом, на стадии подготовки издания оказался недоступным его редакции (особенно в той части, которая хранится в Грузии). Остается надеяться, что со временем они будут изданы особым томом.

Издание состоит из трех томов.

В первом томе печатается комедия «Горе от ума» в окончательной и ранней редакциях.

Во втором томе сосредоточены остальные художественные произведения писателя: комедии и трагедийные замыслы, стихотворения, статьи, а также путевые заметки.

В третьем томе помещаются письма и деловые бумаги Грибоедова.

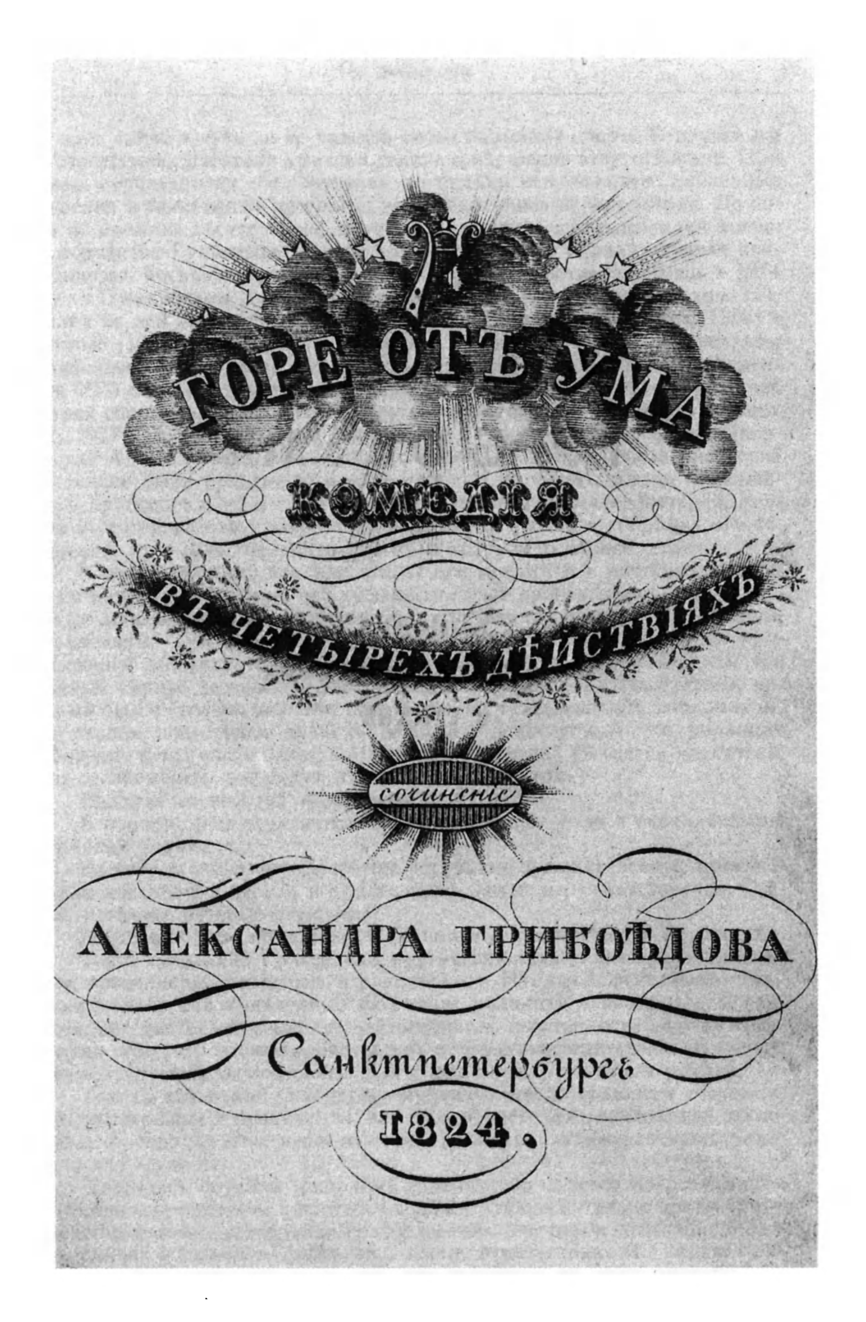
Текст сочинений Грибоедова критически проверен по всем доступным источникам, печатным и рукописным. Наряду с основными текстами даются все выявленные их ранние редакции и варианты. В примечаниях дается обоснование дефинитивных текстов, освещаются творческая история произведения и его историко-литературное значение, комментируются затемненные для современного читателя реалии.

Тексты сочинений Грибоедова публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, где отклонение от современных норм выполняет важные художественно-стилистические функции.

Пользуясь случаем, редакция издания обращается ко всем лицам в России и за рубежом с просьбой сообщить документально достоверные сведения о новых источниках грибоедовских текстов, а возможно, о произведениях и письмах Грибоедова, доселе неизвестных. Мы заранее выражаем благодарность всем тем, кто отзовется на нашу просьбу.

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия
в четырех действиях
в стихах

«Горе от ума». Титульный лист списка. 1824.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее } Горичи.

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с шестью дочерями.

Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка } Хрюмины.

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают.

Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел.

(Утро, чуть день брезжится.)

Лиза *(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)*

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга».— Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за ночь.
Вы глухи?— Алексей Степаноч!
Сударыня!..— И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенной,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лиза

Всё в доме поднялось.

София *(из своей комнаты)*

Который час?

Лиза

Седьмой, осьмой, девятый.

София *(оттуда же)*

Неправда.

Лиза *(прочь от дверей)*

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю, будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??..

Л и з а

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Ф а м у с о в

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так, верно, с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Ф а м у с о в

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Л и з а

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф а м у с о в

Почти.

Л и з а

Ну кто придет, куда мы с вами?

Ф а м у с о в

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Л и з а

Сейчас започивала.

Ф а м у с о в

Сейчас! А ночь?

Л и з а

Ночь целую читала.

Ф а м у с о в

Вишь, прихоти какие завелись!

Л и з а

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Ф а м у с о в

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Л и з а

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Ф а м у с о в

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Л и з а *(как можно громче)*

Да полноте-с!

Ф а м у с о в *(зажимает ей рот)*

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Л и з а

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Ф а м у с о в

Чего?

Л и з а

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышут...

Ф а м у с о в

Всё ты лжешь.

Г о л о с С о ф и и

Эй Лиза!

Ф а м у с о в *(торопливо)*

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Л и з а *(одна)*

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Л и з а, С о ф и я со свечкою, за ней М о л ч а л и н

С о ф и я

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Л и з а

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

С о ф и я

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

С о ф и я

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я *(Молчалину)*

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Л и з а

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ 4

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н, Ф а м у с о в

Ф а м у с о в

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

М о л ч а л и н

Я-с.

Ф а м у с о в

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свел?

С о ф и я

Он только что теперь вошел.

М о л ч а л и н

Сейчас с прогулки.

Ф а м у с о в

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!

Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София *(сквозь слезы)*

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.

Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин;
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом, и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чем однако случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

София

По смутном сне безделица тревожит.
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса.—
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Кто-то говорит:

Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон, как погляжу
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу.—
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас;— добро еще со мной;
А то, помилуй Бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет;
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду,—
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы?— Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.—
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь —
А он в ответ:—«Недаром, Лиза, плачу,
Кому известно, что найду я воротясь?

И сколько, может быть, утрачу!»—
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!..
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать, и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни чай, от скуки,— повольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, всегда застенчиво, несмело,
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,

Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому?

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла.
Как молодой француз сбежал у ней из дому,
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить,
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София *(с огорчением)*

Вот так же обо мне потом заговорят.—

Лиза

Простите, право, как Бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий

Чацкий

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется этак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.—

София

Всегда, не только что теперь.—
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен кто верует, тепло ему на свете!—
Ах! Боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,

Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.

А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья!—

А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?—

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме!..— Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?—

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

Лиза

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.
Вот новости!— я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София *(в сторону)*

Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..—
И всё-таки я вас без памяти люблю.—

(Минутное молчание.)

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов *(ей вслед вполголоса)*

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(Обнимаются.)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(Садятся.)

Чацкий *(рассеянно)*

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов *(один)*

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!

Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уходит.)

Конец I действия

Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов.

5 Июня 1828

Горе отъ ума.

«Горе от ума». Булгаринский список.
Титульный лист с автографом А. С. Грибоедова. 1828.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, Слуга

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же.— На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;

Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему!—
Что за тузы в Москве живут и умирают!—
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторше, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.—

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов *(Слуге)*

Поди.

(Слуга уходит.)

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.—

Чацкий

Вы что-то не веселы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, Господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере, искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом:
Век при дворе, да при каком дворе!

Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа в случае, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние,— нутка! —

Чацкий

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом;
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:

Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.—

Фамусов

Ах! Боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Ч а ц к и й

Кто служит делу, а не лицам...

Ф а м у с о в

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Ч а ц к и й

Я наконец вам отдых дам...

Ф а м у с о в

Терпенья, мочи нет, досадно.

Ч а ц к и й

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Ф а м у с о в

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Ч а ц к и й

Я досказал.

Ф а м у с о в

Добро, заткнул я уши.

Ч а ц к и й

На что ж? я их не оскорблю.—

Ф а м у с о в *(скороговоркой)*

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Ч а ц к и й

Я перестал...

Ф а м у с о в

Пожалуй, пощади.

Ч а ц к и й

Длить споры не мое желанье.

Ф а м у с о в

Хоть душу отпусти на покаянье! —

ЯВЛЕНИЕ 3

Слуга *(входит)*

Полковник Скалозуб.

Ф а м у с о в *(ничего не видит и не слышит)*

Тебя уж упекут.
Под суд, как пить дадут.

Ч а ц к и й

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Ф а м у с о в

Не слушаю, под суд!

Ч а ц к и й

К вам человек с докладом.

Ф а м у с о в

Не слушаю, под суд! под суд!

Ч а ц к и й

Да обернитесь, вас зовут.

Ф а м у с о в *(оборачивается)*

А? бунт? ну так и жду содома.

С л у г а

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов *(встает)*

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

(Слуга уходит.)

Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста, при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем, власть Господня.
Пожало-сто, при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!..
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвернем поскорее.

Скалозуб *(густым басом)*

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Садятся все трое, Чацкий поодаль.)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо научил двоюродный ваш брат;
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;

Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок;
Имеет, кажется, в петличке орденок?—

Скалозуб

За третье августа, засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват;
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!..— читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого Господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.—

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу;
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай Бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохинький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,—
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать,— изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички??— Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,—
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что, если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны вводили,— никогда,
Спаси нас Боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело.—
А дамы?— сунься кто, попробуй овладей;
Судьи всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай Бог терпение, ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!

Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли кряхтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов *(Чацкому)*

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу.)

Позвольте, батюшка. Вот-с Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют все песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!

Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,—
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!!—
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Ф а м у с о в *(про себя)*

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

С к а л о з у б, Ч а ц к и й

С к а л о з у б

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;

Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски.—

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, Софья, Лиза

София *(бежит к окну)*

Ах! Боже мой! упал, убился! —

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза *(хлопочет около барышни)*

Кому назначено-с: не миновать судьбы,
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

С к а л о з у б

Поводья затянул, ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он, грудью или в бок?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Т е ж е без Скалозуба

Ч а ц к и й

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Л и з а

Там в комнате вода стоит.

(Чацкий бежит и приносит.
Всё следующее вполголоса, до того как Софья очнется.)

Стакан налейте.

Ч а ц к и й

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Л и з а

Вот опахало.

Ч а ц к и й

Гляди в окно,
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Л и з а

Да-с, барышнин несчастен нрав.
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София *(с глубоким вздохом)*

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды для вас забавы,
Отец родной убейся, всё равно.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза *(отводит ее в сторону)*

Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(София в окошко высовывается.)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.—

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, все фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради Бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали.—
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София *(не глядя ни на кого)*

Ах! очень вижу, из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий *(про себя)*

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так бывает,
Карета свалится, подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, до этого нет дела.

Чацкий *(про себя)*

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух;
Жоке не поддержал, считал он, видно, мух.—
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот,
Явитесь вы вполне великодушны,
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил,
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем,
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья,
Потанцевать под фортопияно,
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб *(жмет руку Молчалину)*

Ваш слуга.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех того гляди подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.—

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгнуть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно?— пусть шутят их; досадно?— пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:

Когда нам скажут, что хотим,
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах,
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен, на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда Бог Чацкого принес!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Л и з а

От скуки.
Прошу подальше руки.

М о л ч а л и н

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа;
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор:
Игольничик и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами скляночки: резеда и жасмин.—

Л и з а

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

М о л ч а л и н

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13

С о ф и я, Л и з а

С о ф и я

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Л и з а

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя они въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали: вдругъ
На нихъ онъ выменилъ борзыя три собаки!!!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостный балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей?!
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:—
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгие цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется: врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ богъ возбудитъ жаръ
Къ искуствамъ творческимъ, высокимъ и прекрасны
Они тотчасъ:— разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ! опаснымъ!!—

«Горе от ума». Страница Булгаринского списка с правкой.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие маневров и мазурки!
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

(Входит София.)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София *(про себя)*

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий *(держит ее)*

Постойте же. *(В сторону.)* Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может он не то, что три года назад;
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы? вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы;
Бог знает в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее;
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос;
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,

Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься.

София *(про себя)*

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но может истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! Боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий *(с жаром)*

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, Бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел;
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит;
И между прочим
Веселостей искать бы мог;
Ничуть; от старичков не ступит за порог;
Мы резвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль, смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Ч а ц к и й *(в сторону)*

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

С о ф и я

Не моего романа.

Ч а ц к и й

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Ч а ц к и й, С о ф и я, Л и з а

Л и з а *(шепотом)*

Сударыня, за мной, сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

С о ф и я

Простите, надобно идти мне поскорей.

Ч а ц к и й

Куда?

С о ф и я

К прихмахеру.

Ч а ц к и й

Бог с ним.

С о ф и я

Щипцы простудит.

Ч а ц к и й

Пускай себе...

С о ф и я

Нельзя, ждем на вечер гостей.

Ч а ц к и й

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух, всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

(София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Ч а ц к и й, потом М о л ч а л и н

Ч а ц к и й

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(Входит Молчалин.)

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная,— притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах, я от веселий прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь;
А смешивать два эти ремесла —
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец,
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий *(почти громко.)*

С такими чувствами! с такой душою
Любим!.. Обманщица, смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся; один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

(Расходятся, остается один Чацкий.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако, кто смотря на вас не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;

Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж, прелестный муж, вот он сейчас войдет.
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна,
Платон Михайлович

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь; к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ох! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович *(хладнокровно)*

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, Бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович *(глаза к небу)*

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, Бог тебя суди;
Уж точно стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович *(со вздохом)*

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Князь Тугоуховский
и Княгиня с шестью дочерьми

Наталья Дмитриевна *(тоненьким голоском)*

Князь Петр Ильич, княгиня, боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

*(Громкие лобызания, потом усаживаются
и осматривают одна другую с головы до ног.)*

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели, мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin* мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый.

5-я княжна

Ах прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий Чацкий.

Княгиня

От-став-ный?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стый?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда.— Живее.

Князь *(к ней оборачивает слуховую трубку)*

О! хм!

---

* Кузен (*франц.*). — *Ред.*

Княгиня

К нам на вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки;
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет..

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О! нет!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины:
бабушка и внучка

Графиня внучка

Ах! grand'maman!* Ну, кто так рано приезжает?
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

* Бабушка (*франц.*). — *Ред.*

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж Бог ее простит.

Графиня внучка *(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет.)*

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся, и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente*.

* А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания *(франц.)*.— *Ред.*

З а г о р е ц к и й

На завтрашний спектакль имеете билет?

С о ф и я

Нет.

З а г о р е ц к и й

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору — он мне приятель,—
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног;
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

С о ф и я

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какие,
тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.)

З а г о р е ц к и й

Платон Михайлоч...

П л а т о н М и х а й л о в и ч

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им, и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат *(Чацкому)*, рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее?— человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд;
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец, у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

(Загорецкий мешается в толпу.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку.—
Вели их накормить, ужо, дружочек мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!
Черт сущий, в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Х л ё с т о в а

Представь: их как зверей выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоноч Загорецкий.

(Загорецкий выставляется вперед.)

Лгунишка он, картежник, вор.

(Загорецкий исчезает.)

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай Бог ему здоровье!

Ч а ц к и й *(с хохотом Платону Михайловичу)*

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Х л ё с т о в а

Кто этот весельчак? Из звания какого?

С о ф и я

Вон этот? Чацкий.

Х л ё с т о в а

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Т е ж е и Ф а м у с о в

Ф а м у с о в *(громогласно)*

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там в портретной.

Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет; кажется, что нет.— Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова *(сидя)*

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

Скалозуб *(басом)*

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.—

(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова *(Софии)*

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец;

Дался ему трех сажень удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин *(подает ей карту)*

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц, прелестный шпиц; не более наперстка;
Я гладил всё его; как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все народ сердитый;

Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давеча его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — Да?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом Г. Н.

София *(про себя)*

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. Н. *(подходит)*

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. Н.

Как его нашли, по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел?

София *(помолчавши)*

Не то чтобы совсем...

Г. Н.

Однако есть приметы?

София *(смотрит на него пристально)*

Мне кажется.

Г. Н.

Как можно в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А, Чацкий! любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г. Н., потом Г. Д.

Г. Н.

С ума сошел!.. Ей кажется, вот на!
Недаром? Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Об Чацком?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

С ума сошел!

Г. Д.

Пустое.

Г. Н.

Не я сказал, другие говорят.

Г. Д.

А ты расславить это рад?

Г. Н.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г. Д., потом Загорецкий

Г. Д.

Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. Д.

С ума сошел!

Загорецкий

А! знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут;
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Г. Д.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. Д.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом Графиня внучка

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.—
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком? —

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума!

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и Графиня бабушка

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило;
Ск*аши* покромче...

Графиня внучка

Время нет!
Il vous dira toute l'histoire...*
Пойду, спрошу...

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, Графиня бабушка

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? Кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в *п*усурманы!

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он *пе*ш*ит, все в страхе, впопыхах.

* Он расскажет вам всю историю *(франц.)*. — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка
и Князь Тугоуховский

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по *п*алам, сам чуть *т*ышит!
Князь, слышали? —

Князь

А! хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть мо*ш*ет видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э, хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И, хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В сол*т*аты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов *(входя)*

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий *(с жаром)*

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи,
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий *(с кротостию)*

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль,
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин,
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.—

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста, уж чужих имений мне не знать!

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О Господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знаки Софии.)

Гм, Софья! — Не глядит!

София *(Чацкому)*

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал и нашел, что ласкам нет конца;

Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция.— Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон:
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою возжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев;
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным, странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то...
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.

«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня.—
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург, во всей России то,
Что человек из города Бордо;
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье;
И в Петербурге, и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается,
все в вальсе кружатся с величайшим усердием.
Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец III действия

А. С. Грибоедов. Рисунок А. С. Пушкина на полях рукописи главы II «Евгения Онегина». 1823.

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение.
Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка *(покуда ее укутывают)*

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Пое*т*ем, матушка, мне, пра*ф*о, не под силу,
Когда-нибу*т*ь я с *п*ала *т*а в могилу.

(Обе уезжают.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один Лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович *(хладнокровно)*

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

Лакей *(с крыльца)*

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович *(со вздохом)*

Иду, иду.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и Лакей его впереди

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит.)

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое;
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мертво;
Досадно мочи нет, чем больше думать станешь.

(Лакей возвращается.)

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

(Лакей опять уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах, мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..

Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!*
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня Господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье! —

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час? —

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

---

* Мой милый *(франц.)*.— *Ред.*

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что ночь одна, не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.

Пожалосто молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья,
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!.. уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи! —

Чацкий

Бог с ними, и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы! у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим, подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг;
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но»[*].
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать;
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь нечто?— обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:

---

* «A! non lasciar mi, no, no, no»—«Ах, не оставь меня, нет, нет, нет!» *(итал.).— Ред.*

Ночной разбойник, дуэлист.
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд,
Ну, между ими я конечно зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу,
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером глядь водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями Бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру, простят.—

Лакей *(у подъезда)*

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы

Репетилов *(к нему навстречу)*

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов *(Скалозубу)*

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы? *(Ищет Чацкого глазами)*
Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, та́м ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда,
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что Боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?

Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты, души мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов *(с досадой)*

Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другова.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, Киязь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.—

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов, что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов *(затыкает себе уши)*

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова *(с лестницы)*

Княгиня, карточный должок.

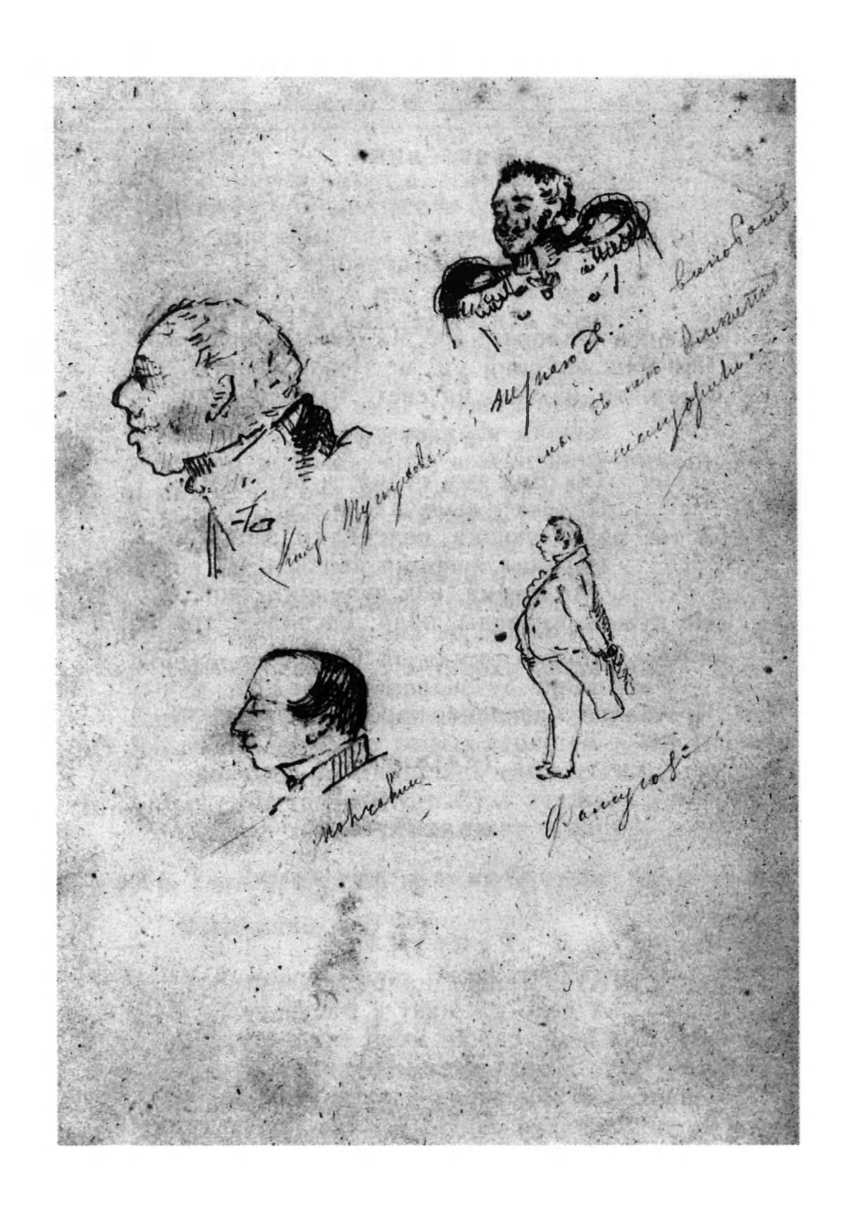
Княгиня

За мною, матушка.

Все *(друг другу)*

Прощайте

(Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.)

«Горе от ума». Рисунки на последнем листе одного из списков.

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так Бог ему судил; а впрочем
Полечат, вылечат, авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться!—
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, Господь с тобой.

(Молчалин уходит к себе в комнату.)

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

(Последняя лампа гаснет)

Чацкий *(выходит из швейцарской)*
Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?

Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют,
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли?— Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок? беспамятство откуда??—
Нерв избалованность, причуда,
Возбудит малость их, и малость утишит,
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки,
Она конечно бы лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София *(над лестницей во втором этаже, со свечкою)*

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его *(с крыльца)*

Каре...

Чацкий

Сс!.. *(Выталкивает его вон)*
Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется. *(Прячется за колонну.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, Бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает). София (крадется сверху)

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволочим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай Бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.

Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь и простыну.

София *(в сторону)*

Какие низости!

Чацкий *(за колонною)*

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

(Лиза не дается)

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София *(почти шепотом, вся сцена вполголоса)*

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себе я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради Бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин *(бросается на колена, София отталкивает его.)*

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин *(ползает у ног ее)*

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окроме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.

(Молчалин встает.)

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите.— Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людях, и въяве,
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий *(бросается между ими)*

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

*(Лиза свечку роняет с испугу;
Молчалин скрывается к себе в комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!

Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд:
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич!—
Молчалины блаженствуют на свете!

София *(вся в слезах)*

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! Боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов,
толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять, она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь:— уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся Бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий *(Софии)*

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в избу, марш за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий *(после некоторого молчания)*

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!

А вы! о Боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей.—
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами, наконец,
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой, и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,

Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!—
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Инв. Ист. муз. № 40855

от
Горе Ума

1.

Комедія въ стихахъ въ 4х Актахъ.

(Происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Павла Афанасьевича
Фамусова)

Актъ 1й

Гостиная, въ ней большіе часы, съ права
дверь въ спальню Софіи, откуда слышно фортепіано
съ флейтою, которые потомъ умолкаютъ. Лизанька среди
комнаты спитъ свѣсившись съ кресел.

(Утро чуть день брезжится.

Лизанька

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ,
оглядывается)

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!

Вчера просилась спать — отказъ.

„Ждемъ друга", — нуженъ глазъ, да глазъ;
Не спи,
Покуда не скатишься со стула.

Теперь вотъ только что вздремнула,

Ужъ день!... Сказать имъ,

(стучится къ барышнѣ)

Господа,

Эй! Софья Павловна, бѣда.

«Горе от ума». Музейный автограф. 1824.

МУЗЕЙНЫЙ АВТОГРАФ

(Ранняя редакция)

ГОРЕ ОТ УМА[1]

Комедия в стихах в 4-х актах

(Происходит в Москве, в доме Павла Петровича Фáмусова)

АКТ I

Гостиная[2], в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, оттудова[3] слышно фортепияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел.
(Утро, чуть день брежжется)

(СЦЕНА 1-ая)

Лизанька[4]

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах, как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать —
отказ[5].
«Ждем друга».— Нужен глаз да глаз,
Не спи[6], покудова покатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. Сказать им,

(Стучится к Софье.)

Господа,
Эй, Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за ночь.

---

[1] *Заглавие сначала было*: Горе Уму. [2] *Было*: Гостиная комната [3] *Было:* откудова [4] *Было:* Лизынька [5] *Было*: Жизнь! жизнь! вчера просилась спать:— отказ. [6] *а.* Крауль *б.* Не спи

Вы глухи? Алексей Степаноч,
Сударыня!..— И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет.
Прошу служить у барышне влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро.— Что-с?

Голос Софьи

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София *(из своей комнаты)*

Который час?

Лизанька

Седьмый, осьмый, девятый.

София *(оттудова же)*

Неправда.

Лизанька *(прочь от дверей)*

Ах! Амур проклятый!
Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать.
Ну что бы ставни им отнять?[1]
Переведу часы, заставлю бить их звонко,
И музыку пущу.

(Лезет на стул, передвигает стрелку[2], часы бьют и играют.)

---

[1] *а.* Хоть ставни бы на ум пришло отнять. *б. Как в тексте.*
[2] *а.* часовую стрелку *б.* стрелку

СЦЕНА 2-ая[1]

Л и з а, Ф а м у с о в.

Л и з а

Ах! барин!

Ф а м у с о в

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопияно:
Для Софьи слишком было б рано??.

Л и з а

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Ф а м у с о в

Вот то-то невзначай, за вами примечай,
Так верно с умыслом. *(Жмется к ней и заигрывает.)*
Ох! зельи, баловницы.

Л и з а

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Ф м с в

Скромны, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Л и з а

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Ф м с в

Почти.

Л и з а

Ну кто придет, куда мы с вами?

[1] *См. прим. 2 на стр. 133.*

Фмсв

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сей час започивала.

Фмсв

Сей час! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фмсв

Вишь прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фмсв

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-та невелик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фмсв

Чего будить? сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза *(как можно громче)*

Да полноте-с.

Фмсв *(зажимает ей рот)*

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь.

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок,
У девушек сон утренний так тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Всё слышут...

Фамусов

Всё ты лжешь.

Голос Софии

Эй, Лиза!

Фамусов *торопливо*

Тс! *(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)*

Лиза *одна*

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

СЦЕНА 3-я

Лиза, София со свечкой, за ней Молчалин.

София

Ну что ж ты, Лиза, хлопотала?

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах! в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Л и з а

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла,
Вертелась перед ним, не помню что врала,
Насилу вынес Бог. Для нашей, сударь, чести,
Ступайте, сердце не на месте,
Смотрите на часы, повыгляньте в окно,
Валит народ по улицам давно,
А в доме стук, ходня, метут и убирают.

С о ф и я

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я *(Молчалину)*

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Л и з а

Бог с вами-с, прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

СЦЕНА 4-ая

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н, Ф а м у с о в.

Ф а м у с о в

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

М о л ч а л и н

Я-с.

Ф а м у с о в

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свел?

Софья

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сей час — с прогулки.

Фамусов

Брат Молчалин,
Гуляешь возле женских спален!
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы;
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы.
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их, чепцов, и шпилек, и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испугу дух перевожу едва,
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.—

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, и сам встревожен очень,
И без того уж многим озабочен:
По должности, по службе хлопотня,
Друг, недруг ли, всем дело до меня,
Но ждал ли худшего? Что был тобой обманут...

София *(сквозь слезы)*

Как, батюшка?

Фамсв

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.

Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать,
Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин —
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фмсв

Молчать.
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки,
Берем же побродяг и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам, и пенью, и нежностям, и вздохам,
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? Ты, сударь, здесь к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари,
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть.
Шел в комнату, попал в другую.

Ф м с в

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя чтобы случайно.—

С о ф и я

Вот в чем, однако, случай весь.
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног.

Ф м с в

Пожалуй, на меня вину еще всю сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!

С о ф и я

По смутном сне безделица тревожит,
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Ф м с в

Что за история?

С о ф и я

Вам <рас>сказать?[1]

Ф м с в

Ну да[2].

Фамусов садится.

С о ф и я

В саду была, цветы бессчетно там пестрели,
Искала я, мне чудилось, траву
Какую-то, не вспомню наяву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,

[1] *Очевидная ошибка переписчика, потому что в наполовину отрезанном листе 6 об. рукой Грибоедова написано:* расказать. [2] *Текст:* Сцена 2-ая ∽ Ну да.— *первоначально был записан рукой Грибоедова на л. 15, 16, 17 и 6 и затем срезан наполовину поперек текста и заменен публикуемым. Сохранившийся текст обрезанных листов см. ниже.*

Приподнялась: вдруг кем-то поневоле
Из саду выхвачена в поле.
Передо мной откуда ни взялся
Премилый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы.,
Был робок он сперва, потом в любви клялся,
Потом... невзвидела я света.

Фмсв

Какая небылица эта!
И милый человек, кто он?

София

Я вам докладываю: сон!
Вот после этого: сад, поле, всё пропало.
Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
Нам очень грустно[1], горько стало,
Тужили мы Бог ведает о чем.
И тут[2] к приумноженью скуки
От фортопиян и флейты издали
Печальные к нам прорывались звуки,
От них унынье...

Фмсв

Неужли?
Я тоже слышал, и как ярко.

(Указывает на Лизу.)

К рассвету я не спал, а всё она, штукарка.

София

Так[3] будто бы середь тюрьмы
И я, и друг мой новый
Грустили долго, долго мы.
Он всё роптал на жребий свой суровый,
Что не к добру любовь его манит,
Что[4] небогат и вам не угодит.

---

[1] *а.* И будто смерть нам грустно *б.* Нам очень грустно [2] *а.* И тут еще *б.* И тут [3] *а.* И *б.* Так [4] *а* Он *б.* Что

Ф м с в

Ах! матушка, не довершай удара,
Кто беден, тот тебе не пара.

С о ф и я

Всё это сон. Дослушайте, каков.
Как между дум и между слов
Забылись мы, и шли часы, покуда
Пол вскрылся, встали вы оттуда:
Смерть на щеках, и дыбом волоса.
Тут разное смешенье! чудеса!
Полк всяких лиц, раздался шум побоищ,
Свирепые друг друга рвали, жгли,
Вы в пропасть за собой меня влекли,
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!..—
Проснулась.— Вот здесь кто-то говорит:
Прислушалась: ваш голос, что так рано!
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Ф м с в

Да. Дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и флейты, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

М о л ч а л и н

Я слышал голос ваш.

Ф м с в

Забавно!
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил за чем же? — говори.

М о л ч а л и н

С бумагами-с.

Ф м с в

Да, их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным[1] делам!

(Встает.)

[1] *а.* тяжебным *б.* письменным

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,
Не занимайся этим чадом.
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем[1] бумаги разбирать.

Молчалин

Я только к вам их нес с докладом,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фмсв

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множества не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело.
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.[2])

СЦЕНА 5-ая

София П<авло>вна, Лиза.

Лиза

Ушли они. Тоскуйте на досуге,
Вот вам и друг, толкуйте-ка об друге:
В глазах темно, и замерла душа,
Грех не беда, молва нехороша[3].

---

[1] *а.* Идем, сударь *б.* Идем [2] *а.* прежде себя *б.* вперед

[3] *Было:*

Ушли они. Ах! всю меня коробит!
В глазах темно и замерла душа,
История вам ваша не пособит,
Грех не беда, молва нехороша.

София

Предвижу я, достанется терпеть!
Мне не страшна людская слава,
Да как теперь успеть[1]
Укрыть себя от батюшкина нрава??
Несправедлив и недоверчив, скор,
Таков всегда, а с этих пор,
Ты можешь посудить, уж будут нам гоненья[2].

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы он звезду на зяте,
А кто в звездах, не все богате,
Так, видите ль, к тому б
Доходцы были чтоб немалы.
Вот, например, полковник Скалозуб.
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда хорош! Толкует всё про честь,
Про шпаги и кресты, крестов не перечесть,

---

[1] *а.* суметь *б.* успеть

[2] *Первоначально было:*

Ты можешь посудить...

Лиза

Охти-с не по рассказам:
2 1
Изволит вас он запереть со мной,
Молчалина же разом
С двора долой.

София

Меня к монастырю скорее заохотят,
Ах нет! куда его, и я за ним же вслед.

Лиза

А ежели-с поймают, да воротят!

София

Да полно Лизынька. Какой несносный бред!
Знать мне не от тебя дождаться утешенья.

А слова умного не выговорил сроду,—
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, правду молвить, не хитер.
Но будь военный, будь он статский,
Кто ж весел и умен, и ловок, и остер,
Как Александр Андреич Чадский?
Теперь другий вам больше мил,
А помнится, он не противен был.

София

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?
А мне оно забавно?
Делить со всяким можно смех.

Лиза

А чем был плох ваш прежний вкус-то?

София

Чем? Прежде я не знала никого,
С кем сердце не бывает пусто.
Теперь... Молчалин мой! как не любить его?
Как будто свыклись с малолетства.—
Грустна — он без ума помочь мне ищет средства,
Смеюсь, тужу нипочему:
Посмотришь, в том и жизнь и смерть ему.
Беспечна я: он за меня боится,
Задумаюсь — он прослезится.

Лиза

Что ж? Александр Андреич нет?
Не та ж любовь, хоть разного покроя?
Вот с ним-то прямо с малых лет
Росли, резвились, вечно двое.

София

Спроси его, привязан он к чему,
Окроме шутки, вздора?
Всех в прихоть жертвует уму,
Что встреча с ним у нас, то ссора.

Лиза

Где носится из края в край?
Лечился на водах от груди,
От скуки, чай...

София

И верно, рад, где посмешнее люди.
Кого люблю я — не таков:
Не оскорбит, враг острых слов,
Без хитрости, он промолчит день целый,
И словно девушка несмелый.
Мы ночи с ним, как ни на есть,
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Проходит час, другий проходит,
Чуть слова два произнесет,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.—
Смеешься ты? с ума сошла?
Пора ли хохоту такому!

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодый француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София *(с огорчением)*

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как Бог свят,
Пыталась[1] я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

СЦЕНА 6-ая

София Па<вло>вна, Лиза, Слуга, за ним Чадский.

Слуга

К вам-с Александр Андреич Чадский.

(Уходит.)

СЦЕНА 7-ая

София П<авло>вна, Лиза, Чадский.

Чадский

Чуть свет, уж[2] на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Вы от меня не ждали этой прыти?
Что ж, раде? Нет? В лицо мне посмотрите,
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто бы не далее недели,
Как будто бы вчера, вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели.
Ни на волос любви! страх милы! хороши!
И между тем не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Чрез седьмсот верст пронесся, ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда.

София

Ах! Чадский, я вам очень рада.

---

[1] *а.* Хотела *б.* Пыталась [2] *а.* Так рано *б.* Чуть свет уж

Чадский

Вы раде? В добрый час.
Однако[1] искренно, кто ж радуется эдок,
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лизынька

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут,
Сударыня, скажите сами.—

София

Не только что теперь,
Я никогда не стоила упрека.
Кто только в дверь
Являлся к нам заезжий из далёка:
С вопросом я тотчас, будь он моряк,
Что не встречал ли где вас в почтово́й карете?

Чадский

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете...—
Ах! Боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям, по столам.
Или ваш батюшка с мадамой за пикетом,
Мы[2] в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, чуть скрипнет столик, дверь

София

Ребячество.

Чадский

Да-с, а теперь
В седмнадцать лет вы расцвели прелестно,

[1] *а.* Однакож *б.* Однако [2] *а.* Я *б.* Мы

Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, чуть смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ
Без думы, полноте смущаться.

София

Как не смутиться мне? От вас нет оборон,
Вы обзираете меня со всех сторон.

Чадский

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался: успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет![1]
Где ж лучше?

Чадский

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клуба
Миритель спорщиков, и спорит так, что любо?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек,
Известен всем, живет на рынках?
Князь? или граф? Кто он таков?[2]
Опустошитель[3] всех столов
На свадьбах и поминках?
А трое из бульварных лиц?
Которые с полвека молодятся,
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, наш клад,[4]
На лбу написано: Театр и Маскерад,
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,[5]
Сам толст, его артисты тощи.

---

[1] *а.* Знаком вам прочий свет *б.* Что значит видеть свет [2] *а.* Кто он таков? *б.* Князь? или граф? Кто он таков? [3] *а.* Распорядитель *б.* Опустошитель [4] *а.* А толстый жизни друг? для нас бывало клад *б.* А наше солнышко, наш клад [5] *Последние два стиха переставлены.*

На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами в одной из комнат
Был спрятан человек и щелкал соловьем
В знак, что зимою лето помнят.
А тот чахоточный, родня вам[1], книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой.
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем[2] пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чадский

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем,
Что нынче так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки
Числом поболее[3], ценою подешевле?
В своей земле истопники,
В России под великим штрафом
Нам[4] каждого признать велят
Историком и географом.
Я не могу забыть учительский халат,
Перст указательный, сияние гуменца,
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что ничего нет выше немца[5].

---

[1] *а.* знак<омый> *б.* родня [2] *а.* сищут *б.* сищем [3] *а.* побольше бы *б.* поболее [4] *а.* Нам *б.* В них [5] *Текст:* Воспитанниц и мосек полон дом∾Что ничего нет выше немца.— *вписан. Вместо него было:*

С ней доктор Фациус? он вам не рассказал?
Его прилипчивой болезнью я пугал,
Что будто бы Смоленск опустошает,
Мы в Вязьме съехались, вот он и рассуждает:
Хотелось бы в Бреслау, да вряд ли попадет,
Когда на полпути умрет,
Сюда назад давай Бог ноги.

А Гильоме? француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?[1]

С о ф и я

На ком?

Ч а ц к и й[2]

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

С о ф и я

Танцмейстер! можно ли!

Ч а ц к и й[2]

Ну он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме, куда глаза ни обратит,
Кто против легкости волшебной устоит?
Живем мы так давно, так дружно, так семейно
Со всяким вертуном залётным из-за Рейна[3]
Чтоб не забыть. Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков
Французского с нижегородским?

С о ф и я

Смесь языков?

Ч а ц к и й[2]

Да двух, без этого нельзя ж.

С о ф и я

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

София
Смеялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объехать бы ему.
Чадский
Как будто есть у немца две дороги!

[1] *а.* не женился ли? *б.* не женат еще? [2] *а.* Чадский *б.* Чацкий

[3] Первоначально было:
А Гильоме куда глаза ни кинь;
На наших дам, госпож княгинь,
Под пару все ему подделаться успели,
Мадам достойнейших питомицы, мамзели.

Ч а ц к и й[1]

По крайней мере, не надутый.
Вот новости! — Я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен
И говорлив, а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее. Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, скажет тут: «Пожалуйте списать».
А впрочем, быть ему у нас в людях известных,
Ведь нынче любят бессловесных.

С о ф и я *(в сторону)*

Не человек! змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам?

Ч а ц к и й[1]

На что же так давно? Вот доброты черта вам:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..—
И все-таки[2] я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте: ужли мои слова все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

С о ф и я

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий [2] *а.* все *б.* все-таки

СЦЕНА 8-ая

София П<авло>вна, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка! сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов *(ей вслед вполголоса)*

Проклятый сон.

СЦЕНА 9-ая

Фамусов, Чацкий[1] (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фмсв

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий[1] *(рассеянно)*

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, молодым людям, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Е-чай, надеждами занесся, заколдован!

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий

Чацкий[1]

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий[1]

Я? — ничуть.

Фмсв

О ком ей снилось? что такое?

Чцк[2]

Я не отгадчик снов.

Фмсв

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий[1]

Я верю собственным глазам,
Век не встречал, подписку дам,
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Фмсв

Он всё свое. Да расскажи подробно.
Где был? Скитался столько[3] лет?
Откудова теперь?

Чацкий[1]

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте. Через час

[1] *а.* Чадский *б.* Чацкий [2] *а.* Чдск. *б.* Чцк [3] *а.* сколько *б.* столько

Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уход<ит>.)

СЦЕНА 10-ая

Фамусов *один*

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват. Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель,
Отъявлен мотом, сорванцом.
Что за комиссия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уход<ит>.)

Конец первого акта

АКТ II

СЦЕНА 1-ая

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь,
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Пожди-ка. На листе черкни на записном
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится,
Великий пост, и вдруг обед!
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки в ста горшках.
Отметь: *в четверг я зван на погребенье,*
А вынос у Николы в сапожках.
Ох, род людской! Пришло у нас в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать ни сесть.
Не хочет кто пути[1] пред Господом исправить,
Вот благочестия пример
Покойник был. Почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,
Скончался: все о нем прискорбно[2] поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему,—
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше крестить.
Она не родила, но по моему расчету
Должна родить.

[1] *а.* пути свои *б.* пути [2] *а.* с прискорбьем *б.* прискорбно

Актъ II.

сцена 1-я

Фамусовъ Слуга

Фамусовъ

Петрушка вѣчно ты съ обновой
съ разодраннымъ локтемъ достань ка календарь
Читай не такъ какъ пономарь
а съ чувствомъ съ толкомъ, съ разстановкой,
Позди ка. на листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли
Къ Прасковьѣ Федоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ
Пофилософствуй, умъ вскружится
Великой постъ и вдругъ обѣдъ
Ѣшь три часа и въ три дни не сварится!
Грибки да кулебяки или кашка въ сто горшкахъ
Отмѣть въ четвергъ я званъ на погребенье
а выносъ у Николы въ Сапожкахъ.
Охъ родъ людской! пришло ужъ въ забвенье
Что всякой самъ туда же долженъ лѣзть
Въ тотъ ларчикъ гдѣ ни стать ни сѣсть,
но можетъ кто то тамъ придетъ честно оставить
вотъ малочестной примѣръ
Покойникъ былъ почтенной камергеръ
съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить
богатъ и на богатой былъ женатъ
Переженилъ дѣтей, внучатъ
Скончался; всѣ о немъ прискорбно поминаютъ
Кузьма Петровичъ миръ ему
что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ
пиши въ четвергъ одно ужъ къ одному
а можетъ въ пятницу а можетъ и въ субботу
Я долженъ у вдовы у докторши крестить.

«Горе от ума». Бехтеевский список.

СЦЕНА 2-ая

Фамусов, Слуга, Чадский.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чадский

Вы заняты?

Фамус. *(слуге)*

Поди.

Слуга уход.

Да разные дела на память в книгу вносим,
Забудется, того гляди.

Чадск.

Вы что-то невесёлы стали,
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамус.

Ах! батюшка, нашел загадку:
Невесел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку?

Чадский

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова.

Фамус.

Тьфу, Господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чадский

А вам на что?

Фамус.

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом меня недаром называли.

Чадск.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамус.

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чадск.

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамус.

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя,
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине!
А в те поры всё важный люд,
Раскланяйся, тупеём не кивнут.
Вельможа — господин тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя, что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
Сгибался вперегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не прошиб;
Старик заохал, голос хрипкой;

Был Высочайшею пожалован улыбкой,
Изволили смеяться, как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругореть — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? Как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович. Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы, нынешние, нутка! —

Чадский

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши,
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший;
Свежо предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея,
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век любви и страха,
Когда всё красилось усердием к царю,
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Не возмутим его мы праха.
Однако кто теперь дворцовый Донкишот,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Решится, чтоб смешить народ,
Отважно жертвовать затылком!
А сверстники, а старички,
Глядя на смелые скачки,
Уж разрушаясь в ветхой коже,
Чай, молвили еще: ах, если бы нам тоже!
Хоть есть охотнички поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамус.

Ах! Боже мой! он карбонари!

Чадск.

Нет! нынче дурно для дворов.

Фамус.

Опасный человек!

Чадск.

Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамус.

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чадск.

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамус.

Он вольность хочет проповедать!

Чадск.

Теперь кто странствует, в деревне кто живет.

Фамус.

Властей не признает!

Чадск.

Кто служит делу, а не лицам.

Фамус.

Строжайше б запретил я этим языкам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чадск.

Я наконец вам отдых дам.

Фамус.

Не слушаю, терпенья нет, досадно.

Чадск.

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:

Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Ф а м у с.

Знать не хочу, разврата не терплю.

Ч а д с к.

Я досказал.

Ф а м у с.

Добро, заткнул я уши.

Ч а д с к.

На что ж? Я их не оскорблю.

Ф а м у с.

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них тут толку жди.

Ч а д с к.

Я перестал...

Ф а м у с.

Пожалуй, пощади.

Ч а д с к.

Длить споры не мое желанье...

Ф а м у с.

Хоть душу отпусти на покаянье! —

СЦЕНА 3-я

С л у г а *(входит)*

Полковник Скалазуб.

Ф а м у с о в *(ничего не видит и не слышит)*

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Ч а д с к.

Пожаловал к вам кто-то на дом.

Ф а м у с.

Не слушаю, под суд!

Ч а д с к.

К вам человек с докладом.

Ф а м у с.

Не слушаю, под суд, под суд.

Ч а д с к.

Да обернитесь, вас зовут.

Ф а м у с. (*оборачивается*[1])

А? бунт? я так и жду содома.

С л у г а

Полковник Скалазуб. Прикажете принять?

Ф а м у с.

Ослы! Сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожалуй-ста, сударь, при нем остерегись.
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам, и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожалуй-ста, при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А, впрочем, власть Господня.

[1] *а.* оборачиваясь *б.* оборачивается

Пожалуй-ста, при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно ух<одит>.)

СЦЕНА 4-ая

Чадский

Как суетится! Что за прыть!
А Софья? — видно, нездорова[1],
С которых пор меня дичатся как чужова!
Как здесь бы ей не быть!![2]
Кто этот Скалазуб? Отец им сильно бредит;
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

СЦЕНА 5-ая

Чадский, Фамусов, Скалазуб.

Фамус.

Сергей Сергеич, к нам, сюда-с,
Прошу покорно, здесь тепле́е,
Прозябли вы, согреем вас,
Отдушничек отвернем поскорее.

Скалазуб *(густым басом)*

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамус.

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич, дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

---

[1] *Вместо этого стиха было:*
а. А дочь его? Как здесь бы ей не быть?
б. А Софья? давиче была она здорова,

[2] *Этот стих вписан.*

Скалаз.

Куда прикажете, лишь только бы[1] усесться.

Фмсв

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальными, наследства не делить,
Я сам узнал недавно,
И то уж научил двоюродный[2] ваш брат.
Как вам доводится Настасья Николавна?

Склзб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фмсв

Сергей Сергеич, это вы ли!
А я так дорожу родством,
Сыщу его на дне морском,
При мне служащие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки,
Один Молчалин мне не свой,
И то затем что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил[3],
Что вами выгод тьму по службе получил!

Склзб

В тринадцатом году мы отличились с братом
В 30-м егерьском, а после в 45-том.

Фмсв

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок[4].
Имеет, кажется[5], в петличке орденок?

[1] *а.* Где ни на есть, лишь бы *б.* Куда прикажете, лишь только бы
[2] *а.* троюродный *б.* двоюродный
[3] *а.* мне тоже говорил *б.* мне друг, и говорил
[4] *Этот стих вписан.*
[5] *а.* Имеет он *б.* Имеет кажется

Склзб

За 3-тье августа, мы брали батарею.
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фмсв

Любезный человек, и посмотреть так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Склзб

Но крепко заражен теперешним[1] столетьем.
Представьте, капитан по списку был он[2] третьим,
В отставку вышел вдруг[3] и книги стал читать.

Фмсв

Вот молодость!.. всё вздор, а после хвать!..[4]
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Склзб

Иным и моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале[5].

Фмсв

Помилосердуйте, в крестах ли недочет?

Склзб

Шесть, седм их[6] у меня, да если б было десять,
Не худо бы еще один привесить.

Фмсв

В погонь ли за одним крестом?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Склзб

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с 809-го служу,

---

[1] *а.* он нынешним *б.* теперешним [2] *а.* по полку был *б.* капитан по списку был он [3] *а.* Вдруг вышел вон *б.* В отставку вышел вдруг [4] *а.* Что значит молодость терять, *б.* Вот молодость!.. все вздор, а после хвать!.. [5] *Слова:* У нас в пятнадцатой ∾ бригадном генерале.— *вписаны.* [6] *а.* Их девять *б.* Шесть, седм их

Да ищет кто чинов, отроет к ним каналы,
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Ф м с в

И славно судите, дай Бог здоровье вам,
И генеральский чин, а там,
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше.

С к л з б

Жениться? Я ничуть не прочь.

Ф м с в

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

С к л з б

Дистанции огромного размера[1].

Ф м с в

Вкус, батюшка, отменная манера,
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый книжным чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат, на нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.—
Да это ли одно?[2] возьмите вы хлеб-соль,
Кто хочет к нам пожаловать — изволь,
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных,

---

[1] *а.* Огромного размера *б.* Дистанции огромного размера [2] *а.* Теперь *б.* Да это ли еще? *в.* Да это ли одно?

Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько,[1] про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть[2] особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,—
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их — беда.
Не то чтоб новизны вводили — никогда.
Спаси нас Боже от крамол, но
Когда к словцу, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... полно.
Прямые канцлеры в отставке по уму,
Я вам скажу, знать, время не приспело,
А что без них не обойдется дело.
А наши дамы, ась? речистее мужей,
Судьи всему, везде, над ними нет судей,
За картами к таким способны бунтам,
Мужчины все от них дрожат,
Скомандовать заставьте перед фрунтом,
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна![3]
Настасья Юрьевна![4] Пульхерия Андревна!
А дочки? Кто видал, всяк голову повесь.
Его величество король был прусский здесь,
Дивился непутем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно[5], можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,

---

[1] *а.* равны *б.* равнёхонько [2] *а.* На москвичах *б.* На всех московских есть [3] *а.* Лукерья Апраксевна! *б.* Татьяна Алексевна! *в.* Лукерья Алексевна! [4] *а.* Дмитревна *б.* Юрьевна [5] *а.* И *б.* И точно

К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

С к л з б

По моему сужденью,
Пожар как на заказ пылал.
Способствовал к градскому[1] украшенью,
И образ жизни лучше стал.

Ф м с в

Ох! от пожара нам пришлося было туго.

Ч д с к (*не обращаясь ни к кому*)

Да, был нам черный год, не послужило впрок[2].

---

[1] *а.* ей много к *б.* к градскому

[2] *Было:*

а. Ч д с к. (*не обращаясь ни к кому*)
Не послужило в прок.

Ф м с в

Позвольте-с... Чадского мне друга
Андрея Ильича покойного сынок,
Он в путешествиях покуда вкус находит
И славно пишет, переводит.

Ч д с к.

Вы правы, что в Москве всему своя печать
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: все ныньче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
И прежде им плелись победные венки
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные.—
Коли теперь соборы всех седых
Бранят чего не разумеют,

А редко путное затеют
Всегда готовые к журьбе:
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,
Военная броня красавицам прельщенье,
И камер-юнкерский узорчатый кафтан,
Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали;
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.

6. Чдск. *(не обращаясь ни к кому)*
Да, был нам черный год, не послужило в прок

Фмсв

Позвольте-с... Чадского мне друга
Андрея Ильича покойного сынок,
На месте не сидит, всё по миру он бродит
И славно пишет, переводит.

Чдск.

Как истинно в Москве всему своя печать.
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: всё ныньче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
Вам нравится в сынках отцовское наследство
И прежде им плелись победные венки
Людьми щитались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные.—
Коли теперь соборы всех седых
Бранят чего не разумеют,
А редко путное затеют
Всегда готовые к журьбе:
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Теперь гром сабель, шпор, султан,
И камер-юнкерский кафтан
Узорчатый красавицам прельщенье,

Ф м с — (*Чацкому*)

Эй, завяжи на память узелок,
О чем тебя просил?..

(*Полковнику.*)

Вот-с: Чадского, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит;
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит,
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Ч а ц к и й

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
С меня уж будет.

Ф м с

Не я один, а всякий так же судит.

Ч а ц к и й

А судьи кто?!— За древностию лет
В отставке, вечный толк их о придворных штатах,
Сужденья черпают из забытых газет
Годов семьсот осьмидесятых,
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Нам укажите: где отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не этот ли? грабительством богатый,
Защиту от суда в друзьях нашел, в родстве,
Великолепные соорудил палаты.

Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали;
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.
в. Ч а ц к и й
Да, был нам черный год, и приходилось туго;
Не послужило в прок.

И далее — как в тексте.

Где разливается в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
(Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?)
Не тот ли? вы к кому меня еще с пелён
Дитёй возили на поклон;
Тот Нестор негодяев старых,
Туда же в самых знатных барах
И повелитель многих слуг:
Они несчастные в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостный балет согнал толпы детей,
От матерей, отцов отторженных и сирых!!
Сам погружен умом в Амурах и Зефирах,
Заставил и Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:—
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши старики! взыскательные судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется не служащий
И не зависимый от повышенья в чин,
От мест и должностей, иным огнем горящий,
В науки ум вперит иль воспитает жар
В душе к высокому, к искусствам благородным —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прокричат его мальчишкою негодным...
Мундир! один мундир! в летах он молодых
Когда-то прикрывал пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту, пороки, глупость их,
И нам за ними путь счастливой!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?![1]
Теперь в ту суетность мне более не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?

[1] *Над этим стихом, оставленным в неприкосновенности, приписано:* Ах!

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали,—
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали?

Ф м с в *(про себя)*

Уж втянет он меня в беду[1].

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Ух<одит>.)

СЦЕНА 6-ая

С к а л а з у б, Ч а д с к и й.

С к а л а з у б

Мне нравится при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам,
Ведь согреваются шитьем их будто солнцем!
А в Первой армии как выправлен солдат!
Мундиры пригнаны по тальям, все в обхват,
И платья нижние облеплены, так узки,
В шагу доходит как ни в чем,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят иные по-французски.

СЦЕНА 7-ая

С к а л а з у б, Ч а д с к и й, С о ф ь я П а в л о в н а, Л и з а.

С о ф и я *(бежит к окну)*

Ах! Боже мой! упал! убился!

(Теряет чувства.)

[1] *а.* Терпеть нет мочи, как в бреду. *б. Как в тексте.*

Ч д с к.

Кто?

Кто это?

С к л з б

С кем беда?

Ч д с к.

Она мертва со страху!

С к л з б

Да кто? откудова?

Ч д с к.

Ушибся обо что?

С к л з б

Уж не старик ли наш дал маху?

Л и з а *(хлопочет около барышни)*

Кому назначено-с, не миновать судьбы;
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он óб землю и прямо в темя.

С к л з б

Поводья затянул. Ну жалкий же ездок[1].
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-ая

Те же без Скалазуба.

Ч д с к.

Помочь ей чем?[2] Скажи скорее.

Л и з а

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Все следующее вполголоса
до того[3], как Софья очнется.

Стакан налейте.

[1] *а.* Знать затянул поводья. Плох ездок. *б. Как в тексте.* [2] *а.* как *б.* чем [3] *а.* покуда *б.* до того

Чдск.

Уж налит,
Дай грудь ей распущу вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чдск.

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав,
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чдск.

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София *(с глубоким вздохом)*

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чадск.

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чдск.

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чдск.

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ для вас забавы,
Отец родной убейся, всё равно.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза *(отводит ее в сторону)*

Опомнитесь, куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко[1] высовывается.

Чадск.

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чадск.

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?[2]

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

---

[1] *а.* окно *б.* окошко

[2] *Вместо последних двух реплик было:*

Чадск.
Желал бы с ним убиться для компаньи.

СЦЕНА 9-ая

София Павловна, Лиза, Чадский, полковник Скалазуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Плк. Скалазуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, всё фамильная[1] тревога.

Молчалин[2]

Я вас перепугал, простите ради Бога[3].

П. Скалазуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали.—
Мы вздрогнули.— Вы в обморок упали,
И что ж?— весь страх из ничего.

София *(не глядя ни на кого)*[4]

Я чувствую, что из пустого,
А всё еще теперь дрожу.

Чадский *(про себя)*

С Молчалиным ни слова![5]

София *(по-прежнему)*[6]

Я просто вам скажу,
За самое себя не трушу, лошадь скинет,
Убьюсь ли: раз со мной и было я опять

---

[1] *а.* фальшивая *б.* фамильная [2] *Зачеркнуто: (Софии)* [3] *а.* Простите, ради Бога *б.* Я вас перепугал. Простите, ради Бога. *Далее зачеркнуто:*
а. Что я причиной был вам стольких беспокойств.

Лиза *(на ухо Софье)*

Не бросьтесь вы к нему на шею

София *(по некотором молчании обращается к Скалазубу)*

Стыжусь моих трусливых свойств
Преодолеть их не умею —
б. Простите, ради Бога,
Причиной был я стольких беспокойств.— *И далее как в а.*

[4] *а. к нему же б. не глядя ни на кого* [5] *а.* С ним говорит, а с тем ни слова! *б.* С Молчалиным ни слова! [6] *а. (к Скалаз.) б. (по прежнему)*

Потом отважилась скакать,
Но за других во мне души нет,
Из ничего,
И приключится, что хоть вовсе мне[1] чужому[2].

Чадск. *(про себя)*

Прощенья просит у него,
Что раз добра была к другому.

П. Скалазуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух,—
Жоке не поддержал, считал он, видно, мух.—
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах! Александр Андреич, вот,
К ее искателям кобы себя причли вы?—
Ведь вы на помощь торопливы.

Чадск.

Да-с, опыт давича я показал на вас
Смиренник погубил[3], а я от смерти спас.

(Берет шляпу и уходит.)

---

[1] *а.* хотя совсем *б.* хоть вовсе мне [2] *Вместо текста*: Я просто вам скажу∽И приключится что хоть вовсе мне чужому.— *было*:

Вам странность об себе скажу,
По дням и по часам, по прихоти я словно,
То с страхом вижу всё, то слишком хладнокровно.
Сама не берегусь верьхом,
Скачу, лечу, мой конь с огнём.
Раз в сторону ударился с разбегу,
Долой я под гору, по снегу,
Не охнула, привстала и опять
На нем отважилась скакать.
В другий же раз во мне души нет,
Кого-нибудь, как лошадь скинет,
И не случится ничего,
Готова я бежать из дому.

[3] *а.* Эндимион сгубил *б.* Смиренник погубил

СЦЕНА 10-ая

Те же, кроме Чадского.

София

Вы вечером к нам будете?

П. Скалаз.

Как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья,
Потанцовать[1] под фортопияно,—
Мы в трауре[2], так балу дать нельзя.

П. Скалаз.

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался[3],
Откланяюсь.

София

Прощайте.

П. Скалаз. *(жмет руку Молчалину)*

Ваш слуга.

(Уходит.)

СЦЕНА 11-ая

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался![4]
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!

---

[1] *а.* Мы станем танцовать *б.* Потанцовать [2] *а.* Великий пост *б.* Дом не велик *в.* Мы в трауре [3] *Вместо этого стиха было:*

Явлюсь, а между тем забыл я в эту смуту,
Что к батюшке зайти был должен на минуту;

[4] *Вместо этого стиха было:*

а. Ушли. Ах! скучные, лепечут, как сороки.
б. Молчалин, вы ко мне жестоки!

Зачем же ей играть, и[1] так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно[2].

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор
И, если б не к лицу, не нужно перевязки,
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чадский вас,
И Скалазуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит![3]

София

А кем из них я дорожу?[4]
Хочу люблю, хочу скажу,
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала
При них не смела я дохнуть[5].
У вас спросить, на вас взглянуть,—

Молчал.

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть?!
Готова я была в окошко к вам прыгнуть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно?— пусть шутят их; досадно?— пусть бранят.

---

[1] *а.* Зачем играть ей *б.* Зачем же ей играть и [2] *а.* неможно *б.* недолжно [3] *Вместо текста*: А то не вздор∽ведь ныньче кто не шутит! *было:*

А вот не вздор, что вас лукавый помутил,
Был здесь полковник, Чадский был,
Не побоялись вы огласки.

[4] *а.* Ни на кого я не гляжу, *б.* А кем из них я дорожу? [5] *а.* Не смела я при них дохнуть *б. Как в тексте.*

Молч.

Чтоб дорого не заплатить за это.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчал.

Ах! злые языки страшнее пистолета[1].

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кобы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим[2],
Куда как верится охотно!
Таков и Чадский, вы бы[3] с ним
Особнячком подсели: между
Невинных ласок[4], милых слов...

---

[1] *Вместо текста:* Молчал. Нет! Софья Павловна ∽ страшнее пистолета.— *было:*

И что же, наконец, в моей любви худова?
Кому я неверна? кому давала слово?

Лиза

И в нашем говорят быту,
Одна вина, сто оправданий.
Мою простите-с простоту,
Да только бы без дальных разбираний,
На смех не поднял Чадский вас,
А Скалазуб как ус закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас,
Шутить и он горазд, ведь ныньче, кто не шутит?
Дойдет до батюшки, который вдруг, в жару...
Припомните, что было по утру.

София

Уж разувериться теперь их не принудим,
Да что за дело нам, что Чадский говорит?
Смешно? пусть шутит он, досадно?— пусть бранит.
А мы мой друг смотреть на них не будем.

[2] *а.* Когда нам скажут то, что именно хотим *б.* Когда нам скажут что хотим [3] *а.* кабы *б.* вы бы [4] *а.* шуток *б.* ласок

Ему бы подали надежду[1],
А кто влюблен, на всё готов[2].

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ее руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез,
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда Бог Чадского принес!

(Уходит.)

СЦЕНА 12-ая

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее.
По должности, тебя...

---

[1] *а.* Подайте вы влюбленному надежду *б.* Ему бы подали надежду
[2] *а.* Топиться он за вас готов. *б.* А кто влюблен, на все готов. *Далее зачеркнуто:*

София
Не стану лгать, не уважаю света.—
Молчалин
Чтоб дорого не заплатить за это.

Л и з а

От скуки.
Прошу подальше руки.

М о л ч а л и н

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа:
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота,
Подушечка, из бисера узор,
И перламутровый прибор:
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами скляночки: резеда и жасмин.

Л и з а

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

М о л ч а л и н

Сегодня болен я, обвязки не сыму;
Приди в обед, побудь со мною,
Я тайну всю тебе открою.

(Уход<ит> в боковую дверь.)

СЦЕНА 13-ая

С о ф и я, Л и з а.

С о ф и я

Была у батюшке, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уход<ит> к себе.)

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Л и з а

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!—

К о н е ц 2-г о а к т а

Изъ библіотеки Артиллеріи-Поручика
Александра Сергѣевича Чацкаго.
С. П., Б. 18 IX/27 38.

№ книги 14.

Горе отъ ума

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ

въ стихахъ.

Соч. Г-на Грибоѣдова.

Эпиграфъ къ сей комедіи:

Судьба насмѣшница, шалунья,
Распредѣлила [illegible] сама:
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума,
А глупымъ — щастье отъ безумья!

«Горе от ума». Титульный лист списка
с владельческой надписью А. С. Чацкого.

АКТ III

СЦЕНА 1-ая

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконец, ей мил? Молчалин! Скалазуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки.
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

Вход<ит> София.

Вы здесь? Я очень рад,
Я этого желал.

София *(про себя)*

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Вот спросы пречудны́е.

Чацк.

Все более меня?

София

Иные.

Чацк.

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацк.

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да, грозный взгляд и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А за собой смотреть куда не бесполезно.

Чацк.

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож,
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы,
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы,
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацк. *(держит ее)*

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
С Молчалиным мирюсь я, виноват,
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за простяков,
Известных по газетам,
Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Не в этом подлежит Молчалин укоризне;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему всё в жизни
Казалось прах и смех? дым, мелочь и тщета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою вы? вам угожденье?..
Я это чувствую, сказать вам не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Я б не желал и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, тих, безгласнее травы,
Бог знает, в нем какая мудрость скрыта,
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита,
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не на его душе, весь грех на вашей шее...
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;

Потом[1]
От сумасшествия могу я остеречься.
По-прежнему пущусь во все края глядеть[2],
Искать хоть не любви, но буду я уметь
Теряться по свету[3], забыться и развлечься.

София *(про себя)*

Вот нехотя с ума свела.

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору.
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть? скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так не скрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. Чего?
Нельзя назвать его:
Тотчас град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!—

Чацк.

Ах! Боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

Соф.

Напрасно. Это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацк. *(с жаром)*

Зачем же вы его так коротко узнали?

---

[1] *а.* Потом подумайте *б.* Потом [2] *а.* слоняться в свет глядеть *б.* во все края глядеть [3] *а.* Теряться в новизнах *б.* Теряться по свету

София

Я не старалась, Бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел.
При батюшке три года служит,
Тот часто бе́з толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков[1] не ступит за порог.
Мы ре́звимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацк.

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В стор<ону>.)

Она его не уважает.

Соф.

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацк.

Сатира и мораль?[2] смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец, уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,

[1] *а.* стариков *б.* старичков [2] *а.* Мораль и сатира? *б.* Сатира и мораль

Чужих и вкривь и вкось не рубит,—
Вот я за что его люблю.

Чацк. *(в сторон<у>)*

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье,
Оставьте мне на попеченье.
Но Скалазуб? вот человек с душой,
Люблю я рост его большой,
Геройский голос — бас, звучнее барабана.

София

Герой!.. не моего романа.

Чацк.

Не вашего? кто разгадает вас?

СЦЕНА 2-ая

Чацкий, София, Лиза.

Лиза *(шепотом)*

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацк.

Куда?

Соф.

К прихмахеру.

Чацк.

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пусть студит их.

София

Нельзя, ждем на вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой,
Однако дайте мне зайти хотя украдкой
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Взойду, не засижусь, вздохну минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалазуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

СЦЕНА 3-я

Чацкий, потом Молчалин

Чацкий

Ах! Софья!.. Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами,
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаноч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчал.

По-прежнему-с.

Чацк.

А прежде как живали?

Молчал.

День за день, нынче как вчера.

Чацк.

К перу от карт? и к картам от пера?

Молчалин

Могу назвать себя счастливым,
По мере ревности и сил,
С тех пор как числюсь[1] по архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчал.

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчал.

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацк.

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молч.

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацк.

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

[1] *а.* занят *б.* числюсь

Молчал.

Как удивлялись мы!

Чацк.

Какое ж диво тут?

Молчал.

Жалели вас.

Чацк.

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Дмитревна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота!

Молчал.

Татьяне Дмитревне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчал.

С Татьяной Дмитревной!!

Чацк.

С ней век мы не встречались,
Слыхал, что вздорная.

Молчал.

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Дмитревна!!!— Ее известен дом,
Живет по старине, и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве,
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
Притом отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышит,

Она прикажет, он подпишет.
К Татьяне Дмитревне вы съездите.

Ч а ц к.

Зачем!

М о л ч а л.

Затем
Что часто пользу мы находим, где не метим.

Ч а ц к.

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

М о л ч а л.

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Ч а ц к.

Когда в делах, я от веселий прячусь,
Когда дурачиться, дурачусь.
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

М о л ч а л.

По-нашему, тут нету преступленья,
Вот вам Фома Фомич известен, верно?

Ч а ц к.

Что ж?

М о л ч а л.

При трех министрах был начальник отделенья,
Сюда же перешел.

Ч а ц к.

Хорош!
Ничтожный человек, из самых бестолковых.

М о л ч а л.

Как можно! слог его здесь ставят в образец.
Читали вы?

Ч а ц к.

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

М о л ч а л.

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Ч а ц к.

Да, по всему заметно.

М о л ч а л.

Не смею вслух мое сужденье произнесть.

Ч а ц к.

Зачем же так секретно?

М о л ч а л.

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Ч а ц к.

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

М о л ч а л.

Ведь надобно ж зависеть от других.

Ч а ц к.

Зачем же надобно?

М о л ч а л.

В чинах мы небольших.

Ч а ц к. *(почти громко)*

С такими чувствами! с такой душой дренною!
Любим!.. обманщица смеялась надо мною!

СЦЕНА 4-ая

Вечер.
Раскрывается в перспективе ряд освещенных комнат.
Слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей,
Столы для карт, мел, щеток и свечей.

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне[1] скорее, Лизавета:
Наталья Юрьевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

СЦЕНА 5-ая

Чацкий, Наталья Юрьевна.

Нат. Юрь.

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу.
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацк.

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Нат. Юрь.

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацк.

Нынче лишь...

Нат. Юрь.

Надолго?

Чацк.

Как случится,
Однако кто, смотря на вас, не подивится!

[1] *а.* барышня. *б.* барышне

Полнее прежнего, помолодели страх.
Как свежи! как здоровы!
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Натл. Юрьв.

Я замужем.

Чацк.

Сказали бы давно вы.

Нат. Юрь.

Мой муж, прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите ль?

Чацк.

Прошу.

Нат. Юрьв.

Он не спесив, а как себя ведет!
Супружних должностей строжайший исполнитель.

Чацк.

Иных особенно, да с вами было б грех.

Натл. Юрьв.

Нет-с, не особенно, а всех, всегда и всех.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный,
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

СЦЕНА 6-ая

Чацкий, Наталья Юрьевна,
Платон Михайлович.

Нат. Юрьв.

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацк.

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

Плат. Мих.

Здорово, Чацкий, брат.

Чацк.

Платон, любезный, славно.
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

Плат. Мих.

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацк.

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Плат. Мих.

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацк.

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже.

Плат. Мих.

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацк.

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Нат. Юрьевн.[1]

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь, к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

[1] *а.* Плат Мих. *б.* Нат. Юрьевн.

Чацк.

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
Во фрунт. Ступай. Охота лишь была б.

Нат. Юрьевн.

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацк.

Здоровьем слаб! давно ли?

Нат. Юрьев.

Всё рюматизм и головные боли.

Чацк.

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Почаще на конь. Мчись, порскай.

Нат. Юрьевн.

Платон Михайлоч город любит,
Москву, за что в глуши он дни свои погубит.

Чацк.

Москву и город... Ты чудак.
А помнишь прежнее?

Плат. Михайл.

Да, брат, теперь не так...

Натал. Юрьев.

Ах! мой дружочек.
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Плат. Мих.

Теперь, брат, я не тот.

Натал. Юрьевн.

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Плат. Мих. *(хладнокровно)*

Сейчас.

Натал. Юрь.

Да отойди подальше от дверей,
Сквозный там ветер дует сзади.

Плат. Мих.

Теперь, брат, я не тот.

Натал. Юрь.

Мой ангел, Бога ради,
От двери дальше отойди.

Плат. Мих. *(глаза к небу)*

Ах! матушка!

Чацк.

Ну, Бог тебя суди.
Уж точно стал не тот в короткое ты время,
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Плат. Михайл. *(со вздохом)*

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

СЦЕНА 7-ая

Те же и Князь и Княгиня Тугоуховские
с 6-тью дочерьми.

Натал. Юрьевн. *(тоненьким голоском)*

Князь Петр Ильич, княгиня, Боже мой!
Княжна Зизи! Княжна Наталья!

Громкие лобызания, потом усаживаются.

1-я Княжна

Ах! что это на вас?

2-я Княжна

Прелестнейший покрой!

Натал. Юрьев.

Нет, если б видели, себе купила шаль я.

3-я Княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я Княжна

Ах! да, барежевый.

5-я Княжна

Ах! прелесть!

6-я Княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! Кто это в углу? взошли мы, поклонился.

Натал. Юрьевн.

Приезжий, Чадский.

Княгиня

Отставный?

Натал. Юрьевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И холостый?

Нат. Юрьев.

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда пожалуй.

Князь *(к ней обращает слуховую трубку)*

О! хм!

Княгиня

Пошел бы ты да пригласил бы к балу
Натальи Юрьевны знакомого: вон он.

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?..

Нат. Юрьев.

Нет.

Княгиня

Богат?

Нат. Юрьев.

О! нет!

Княгиня *(громко, что есть мочи)*

Князь, князь, назад.

СЦЕНА 8-ая

Те же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman, ну кто так рано приезжает!
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж Бог ее простит.

Графиня внучка
(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы опять в России?

Чацк.

Как видите.

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком!
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

СЦЕНА 9-ая

Те же и множество других гостей. Между прочим, Загарецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и пр. София от себя выходит. Все к ней навстречу.

Графиня внучка *(к ней же)*

Eh! bon soir! comment vont les rubans? les guirlandes?

Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent!

Загарецкий *(Софье)*

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загарецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другий вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору, он мне приятель,
С зарей в седьмом часу, и! кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он милой,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома посидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загарецкий отходит.

Загарецкий

Платон Михайлоч.

Платон Михайл.

Прочь.
Поди ты к женщинам, им лги и их морочь.
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чадскому)

рекомендую,
Как эдаких людей зовут?

Помягче-то? по-светски?
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоноч Загарецкий.
При нем остерегись, переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загарецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Плат. Мих.

Ох нет! братец, Москва! ругают
Везде, а всюду принимают.

Загарецкий мешается в толпу.

СЦЕНА 10-ая

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье.
Час битый ехала с Покровки, силы нет.
Ночь — светопредставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку,
Вели их накормить ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте.

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!

Ведь создал же Господь такое племя!
Там, в девичьей она;
Позвать ли?

С о ф и я

Нет-с, в другое время.

Х л ё с т о в а

Представь: их, как зверей, выводят напоказ,
Я слышала, в земле турецкой,
А знаешь ли, кто мне припас?—
Антон Антоноч Загарецкий.

Он выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загарецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор,
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмонке достал,
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал,
А мне подарочек, дай Бог ему здоровье.

Ч а ц к и й *(с хохотом Платону Михайловичу)*

Не[1] поздоровится от эдаких похвал,
И Загарецкий сам не выдержал, пропал.

Х л ё с т о в а

Кто этот весельчак? из звания какого?

С о ф и я

Вон этот? — Чадский.

Х л ё с т о в а

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? какий тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его трепала, только мало.

---

[1] *а.* Да, *б.* Не

СЦЕНА 11-ая

Те же и Фамусов.

Фамусов

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там в портретной.
Где Скалазуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет, он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалазуб.

Хлёстова

Ах, батюшка, да ты отправился к нему б.

СЦЕНА 12-ая

Те же и Скалазуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова *(сидя)*

Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском?

Скалазуб *(басом)*

В его высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалазуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь.

(Уводит их с собою.)

Хлёстова *(Софии)*

Ух! я точнехонько избавилась от петли,
Ведь полоумный твой отец,
Дался ему трех сажен удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам? нет ли?

Молчалин *(подает ей карту)*

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его, как шелковая шерстка.

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

СЦЕНА 13-ая

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацк.

Чем вас я испугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацк.

Сказать вам, что я думал? — Вот:
Старушки часто ведь сердиты,
Кобы всегда такий услужник знаменитый
Тут был, как громовый отвод.
Как он искусно всё уладил!
Рушитель ссор, смиритель гроз[1]
Как кстати карточку поднес!
Как моську вовремя погладил!
В нем Загарецкий не умрет,
Чего не ожидать при этом нраве кротком,
При свойстве угождать племянницам и теткам,

(ей на ухо)[2]

О! давишнее вам так даром не пройдет.

(Уходит.)

СЦЕНА 14-ая

София, потом г. N*

София

Грозит и тешится, и рад бы что есть силы
Молчалина при всех унизить, как он зол!

Г. N* *(подходит)*

Вы в размышлении.

София

Об Чацком.

Г. N*

Он премилый.

[1] *Этот стих вписан.* [2] *Вписано.*

София

Он не в своем уме.

Г. N*

Ужли с ума сошел?

София

Не то чтобы совсем...

Г. N*

Однако есть приметы?

София *(смотрит на него пристально)*

Мне кажется.

Г. N*

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А! Чадский, любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

СЦЕНА 15-ая

Г. N*, потом г. Д*

N*

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром!.. Повод есть, с чего б взяла она!
Ты слышал?

Д*

Что?

N*

Об Чацком?

Д*

Что такое?

N*

С ума сошел.

Д*

Пустое...

N*

Не я сказал, другие говорят.

Д*

А ты расславить это рад?

N*

Пойду осведомлюсь, чай кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

СЦЕНА 16-ая

Г. Д*, потом Загарецкий.

Д*

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загарецкий

Ну?

Д*

С ума сошел.

Загарецкий

А, знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел,
Его в безумные упрятал дядя, плут,
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Д*

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загарецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Д*

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Известен обо всем, да жаль, что веры нет,
Пойду к другим. Авось поменьше знают.

(Уходит.)

СЦЕНА 17-ая

Загарецкий, потом Графиня внучка.

Загарцк.

Которого ж они тут Чацким называют!
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Згрцк.

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был...

Графня внучка

Знаю.

Я говорила с ним.

Загарецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Гр-ня внучка

Что?

Згрцк.

Да, он сошел с ума.

Грф-ня внучка

Представьте, я заметила сама,
Была пари держать готова.

СЦЕНА 18-ая

Те же и Графиня бабушка.

Грф-ня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Грф-ня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило,
Ска*ш*и погромче...

Грф-ня внучка

Время нет.
Il vous dira toute l'histoire.
Пойду, спрошу.

(Уходит.)

СЦЕНА 19-ая

Загарецкий, Графиня бабушка.

Граф-ня бабушка

Что? Что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загарецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Граф-ня баб.

Как Чацкого? кто свел в тюрьму?

Згрцк

Чтоб не свели его, сошел с ума заране.

Грфн. баб.

Пошел он в бусурмане!

Згрцк.

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоноч. Ах!
И он бежит, все в страхе, впопыхах.

СЦЕНА 20-ая

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Грфня б.

Князь, князь. Ох! этот князь, по балам, сам чуть дышит.
Князь, слышали?

Князь

А! хм.

Графиня бабушка

Он ничего не слышит.
Хоть, мо*ш*ет[1], видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э-хм!

Графня б.

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм!

Графиня б.

Е-чай, ему на*т*енут[2] лямку, ранец,
Да ничто, шутка ли, переменил закон!

---

[1] *а.* может *б.* мо*ш*ет. *Вариант а не зачеркнут.* [2] *а.* наденут *б.* на*т*енут. *Вариант а не зачеркнут.*

Князь

У-хм!

Графиня б.

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец, достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

СЦЕНА 21-ая

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Юрьевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерями, Загарецкий, Скалазуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Натал. Юрьевн.

Ах! друг мой, все.

Плат. Мих.

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов *(входя)*

О чем? О Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл,
Давно дивлюсь я: как никто его не свяжет!
Попробуй о властях — и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в архивах!

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Натал. Юрьевн.

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загарецк.

Безумный по всему.

Графн. внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила осемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно.

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Натал. Юрьевн.

Бутылками-с, мы замечали сами.

Загарецк. *(с жаром)*

Наталья Юрьевна[1], ведрами, да-с, ведрами.

[1] *а.* Дмитриевна *б.* Юрьевна

Фамусов

Ну, вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический[1], так кажется зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи,
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалазуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий,
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два.
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет. Уж коли зло пресечь,
Забрать все книги бы да сжечь.

Загарецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег, ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

[1] *а.* Педа-го-гигеский *б.* Пе-да-го-гический

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин:
Был острый человек, имел душ сотни три

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! уж чужих имений мне не знать.

Фамусов

Вместе bis.

Четыреста и... сорок пять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Те же все и Чацкий.

Нат. Юрь.

Вот он.

Графиня внуч.

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Он драться вздумает, ведь с ним плохи разделки.

Фам.

О, Господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший, ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня какой-то скорбью сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! не ужиться мне с Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знак Софии.)

Гм, Софья! Не глядит!

София *(Чацкому)*

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате простейший случай:
Французик из Бордо был окружен зевак
И слушательниц кучей:
К своим приравнивал он нас, что точно так
На всё готовы мы, нет дела до последствий,
Всё только бы шутя, резвясь,
От наших гладеньких он фраз,
От наших кругленьких приветствий
Воображает быть в отечестве своем,
И прочее...— утих, и тут по нем
Об южной Франции, о берегах Гаронны
Заохали, урок из детства натвержен —
Особенно две-три княжны пускали стоны,
(Куда деваться от княжен!).
Я к небу воссылал смиренные желанья,
Однако вслух,
Чтоб удалил Господь нечистый этот дух
Слепого, жалкого, пустого подражанья;
Чтоб воздержал нас крепкою вожжой
От слез и тошноты по стороне чужой.
Неужли у себя для наших нет желаний
Семейных прелестей, родных воспоминаний!
И чем наш Север лучше стал,
Что всё заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какий-то чудный выем!
Короткополые, наперекор стихиям,
Рассудку смех и не краса лицу.
Как платья и умы коротки,
Смешные, бритые, седые подбородки...
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Их отверженья иноземцев.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Помилуйте, как ставить в параллель
Национальное с французским, вот охота!
Ну как перевести *Мадам* и *Мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» — пробормотал мне кто-то...
Представьте, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Хю! хю! хю! хю! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва, столичное в России место: то,
Где человек из города Бордо,
Лишь рот раскрыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье,
И в этой же Москве,
Когда воспитан кто в отечественных нравах,
В чьей голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,—
Глядь...

(Оглядывается,
все в вальсе кружатся с величайшим усердием.
Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец 3-го акта

Ночный разбойникъ, дуелистъ,
~~чортъ~~ ~~носилъ~~ —
Въ Камчатку сосланъ былъ*, вернулся алеутомъ,
хх ~~Съ картишками~~
~~И крепко на~~ руку нечистъ. . . . .

Да умный человекъ не можетъ быть не плутомъ;

Когда жъ объ честности высокой говоритъ
Какимъ то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ и мы все рыдаемъ.

Вотъ люди! — Есть ли имъ подобные! — наврядъ:
Ну между ими, я конечно зауряд.
Немножко поотсталъ, ленивъ, подумать ужасъ!
Однакожъ, я когда умишкомъ понатужась,
Засяду, — часу не сижу,
И какъ то невзначай, — вдругъ каламбуръ рожу,
Другіе у меня мысль эту же подцепятъ,
И въ шестеромъ глядь водевильчикъ слепятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.
Братъ, смейся, а что любо, любо.
Способностями мне меня Богъ не наградилъ,
Далъ сердце доброе, вотъ чемъ я людямъ милъ
Совру, простятъ. —

*ибо сосланъ никогда не былъ.

хх Для сходства портрета сія поправка необходима, чтобъ не подумали, что ворует табакерки со стола. по крайней мере я думал отгадать намереніе Автора.

«Горе от ума». Список, принадлежавший Ф. П. Шаховскому, с пометами Ф. И. Толстого («Американца»).

АКТ IV

У Фамусова в доме парадные сени, большая лестница из второго жилья[1], к которой примыкают многие побочные из антресолей[2], внизу справа (от действующих) выход на крыльцо и швейцарская ложа, слева на одном же плане комната Молчалина.

Ночь.

Лакеи иные в движении, иные спят в ожидании господ своих.

СЦЕНА 1-ая

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка *(покуда ее укутывают)*

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня баб.

Пое*т*ем, матушка, мне пра*ф*о не под силу,
Когда-нибудь я с *п*ала *т*а в могилу[3].

Обе уезжают.

---

[1] *а.* этажа *б.* жилья [2] *а.* верьхних антресолей *б.* антресолей

[3] *а.* Поедем матушка, мне право не под силу,
Когда нибудь я с бала да в могилу.
б. Как в тексте. Вариант а не зачеркнут.

СЦЕНА 2-ая

Платон Михайлович и Наталья Юрьевна. (Один лакей около их хлопочет у крыльца, другий — у подъезда кричит:)

Карета Горича.

Натал. Юрьевн.

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, мой милой,

(целует мужа в лоб)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Мих.

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе угодно, с рожей постной
Пускаюсь по команде в пляс.

Натал. Юрьевн.

Ах, миленький, ты пренесносный,
Охота смертная прослыть за старика[1].

(Уходит с лакеем.)

Плат. Михайл. *(хладнокровно)*

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

Лакей *(с крыльца)*

В карете барыня-с и гневаться изволит.

Плат. Мих. *(со вздохом)*

Иду, иду.

(Уезжает.)

[1] *а.* Педанствуешь, и корчишь старика. *б.* Охота смертная прослыть за старика

СЦЕНА 3-я

Чацкий и лакей его впереди.

Чацк.

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Весь этот чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? Что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! свиделись?! Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, и день, вот начало
Темнеть, час отдыха, ночлег: куда ни взглянешь.
Всё та же гладь и степь, и пусто и голó!..—
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацк.

Пошел, ищи. Не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

СЦЕНА 4-ая

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал.— Ах! мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!

Ну вот, мне часто было пето,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствие, примета;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Какая-то любовь и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
Пусть разразит меня Господь.

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацк.

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацк.

Час ехать спать ложиться.
Коли явился ты на бал,
То можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где все, всю ночь, до бела дня
В приличьях скованы, не вырвутся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацк.

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня Вандалом.
Я это заслужил.
Беспутно век свой погубил![1]
Пустых людей любил!
По ресторациям! по балам!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацк.

Послушай, ври, да знай же меру,
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Постой, поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими, всю ночь не шляюсь напролет.

Чацк.

Вот нынче, например.

Репетилов

Что? ночь одна не в счет,
Зато спроси, где был[2].

---

[1] *Далее зачеркнут стих*: Я это заслужил, [2] *а*. Зато спроси, где ыл? чем ныньче занимаюсь? *б*. Зато спроси, где был? *Далее ıчеркнуто:*

Чацк.

И сам я догадаюсь.
Чай, в Клубе?

Репетилов

В Английском. Что от тебя скрывать?
Сейчас из заседанья,
Пожалоста, молчи, я слово дал молчать,
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз.

Чацк.

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в Клубе?

Чацк.

Неужли книгами?

Репетилов

Да, накупил сот шесть
Вчера еще, ты можешь их прочесть,
Я сам что раз прочту, то повторяю с жаром,
Сто раз везде и всем, поверь
Минуты не теряю даром.
Вот отгадай, откуда я теперь?

Чацк.

Из клуба может статься.

Репетилов

Из Английского? Да, а что я там творил?

Чацк.

Играл, и ел, и пил.

Репетилов

Ты умный человек, а сроден ошибаться:
Играл, по маленькой играл,
Пил, жажду запивал,
Съел, три куска чего-то,
Я знаю у тебя, всё на щету я мота,
[Повесы] Обжоры, игрока, повесы... виноват;
С друзьями в воду рад,
За то грехи свои всем выскажу свободно
Кому угодно.
Сюда однако же был должен опоздать
[Не от игры мой друг,] сей час из заседанья,

Репетилов

Именно.

Чацк.

Вот способ чрезвычайный,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто нас не поймет.
Я сам, как схватятся об камерах, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! У нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы благо на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи,
Что называется: сок умной молодежи! —

Чацк.

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит! Ну полно, без прелюдий[1].
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим, подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

---

[1] *Далее зачеркнуто:*

Дай случай мне, хоть с маленьким умом
Между умнейшими быть так сказать узлом...

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас cо́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же он обстрижен гладко.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другий Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать,
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто.*
Об чем бишь нечто? — обо всем,
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойник, дуэлист,
Был сослан черт знает куда-то к алеутам,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:

Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные, навряд.
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Ленился смолоду, отстал, подумать ужас![1]
Однако ж я, когда, умишком поднатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями Бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей *(у подъезда)*

Карета Скалазуба.

Репетилов

Чья?

СЦЕНА 5-ая

Те же и Скалазуб (спускается с лестницы).

Репетилов *(к нему навстречу)*

Ах! Скалазуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацк.

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

---

[1] *Далее зачеркнуто:*
Негоден ни на что, безграмотный, шальной,
И вовсе притупел с детьми, братец, с женой,

Репетилов *(Скалазубу)*

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория пир, шум и кутерьма[1],
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких не выдумать, конечно, нам с тобой.

Скалазуб

Избавь, с ученостью вы много взяли все-то,
Бог вам премудрость ниспошли.
Дают ли ордена за это?
Давай ученье нам, чтоб люди в ногу шли.
Я школы Фридриха, в команде гренадеры,
Фельдфебеля мои Волтеры.

Репетилов

Что служба, братец? вздор. Вот я, гляди сюда,
Такие огорченья встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что Боже упаси!
Он в Царском жил Селе, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!

[1] *а.* У Князь-Григория все собраны теперь. *б.* У Князь-Григория пир, шум и кутерьма,

Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку?
Боялся, видишь, он упреку
За маленький фавёр к родне!..
Боялся! прах[1] его возьми, да легче ль мне?
Секретари его, род хамский и продажный,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — душе надсада,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что за правительство путем бы взяться надо,
Желудок дольше не варит.

*(Останавливается,
увидя, что Загарецкий заступил место Скалазуба,
который покудова уехал.)*

СЦЕНА 6-ая

Репетилов, Загарецкий.

Загарецкий

Извольте продолжать, поверьте,
Я сам ужасный либерал
И рабства не терплю до смерти,
Чрез это много потерял.

Репетилов *(с досадой)*

Что это от меня все направляют лыжи!
Куда один, другий туды же,
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалазуб.

Загарецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Мне друг, и от него наверх не мог попасть я.

[1] *а.* черт *б.* прах

Сурьезный разговор зашел про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас свои пристрастья.

З а г а р е ц к и й

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Р е п е т и л о в

Какая чепуха!

З а г а р е ц к и й

Об нем все этой веры.

Р е п е т и л о в

Вранье.

З а г а р е ц к и й

Спросите всех.

Р е п е т и л о в

Химеры.

З а г а р е ц к.

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Р е п е т и л о в

Дичь.

СЦЕНА 7-ая

Р е п е т и л о в, З а г а р е ц к и й, К н я з ь и К н я г и н я с ш е с т ь ю д о ч е р я м и, немного погодя Х л ё с т о в а спускается с парадной лестницы. М о л ч а л и н ведет ее под руку. Л а к е и в суетах.

З а г а р е ц к и й

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я К н ж н а

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я Кжна

Про это знает целый свет.

3-я Кжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я Кжна

Ах! вести старые, кому оне новы?

5-я Кжна

Кто сомневается?[1]

Загарецк.

Да вот не верит...

6-я Кжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! вы! Мсьё Репетилов, что вы?
Да как вы! можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов *(затыкает себе уши)*

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора.
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чадский. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова *(с лестницы)*

Княгиня, карточный должок!

Княгиня

За мною, матушка.

[1] *а.* сумневается *б.* сомневается

Все *(друг другу)*

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает, и Загарецкий тоже.

СЦЕНА 8-ая

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Карповна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так Бог ему судил, а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Ночные шатуны! вишь, говорят, женате!
Зачем пожаловал? Чтоб посмотреть небось,
Красив ли Фамусов в халате?
Все, все разъехались.

Репетилов

Браните, бейте, ах!
Амфиса Карповна, я сам себя гнушаюсь,
Пустой я человек, шалун я, вертопрах,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Несчастье Чацкого разительный урок,
Что не в большом уме нам прок.
Детьми займусь, и будет дело глаже,
Вселю в них Божий страх и с завтрашнего дня же
Остепенюсь, моя жена
Уж более не ляжет спать одна.

Хлёстова

Так, видно, никогда бедняжке не ложиться.
Молчалин, вон чуланчик твой,

Не нужны проводы, поди, Христос с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

СЦЕНА 9-ая

Репетилов с своим лакеем.

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

СЦЕНА 10-ая

Чацкий выходит из швейцарской.

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О праздный! жалкий! мелкий свет!
Не надо пищи, сказку, бред
Им лжец отпустит в угожденье,
Глупец поверит[1], передаст,
Старухи кто во что горазд
Тревогу бьют... и вот общественное мненье!
И вот Москва! — Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег в паденьи всё охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
И что оно в сравненьи с быстротой,

[1] *а.* подхватит *б.* поверит

С которой чуть возник, уж приобрел известность
Московской фабрики слух вредный и пустой.
А Софья? знает ли? — Конечно, рассказали,
Она в веселый час, как до нее дошло,
Чай, позабавилась, не то чтоб мне назло,
Ей всё равно, другий ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит,
И обморок я к сердцу принял слишком,
Расстройство, слабость нерв, по прихоти, по вспышкам,
Чтобы придать себе чувствительности вид,
Я признаком почел живых страстей.— Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто нечаянно ступил
На хвост собачки или кошки.

София *(с свечой показывается из боковой двери*[1] *над лестницей во втором этаже)*

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацк.

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась, нет ее, неужели виденье?
Не впрямь ли я сошел с ума?
Нет, нет, к горячке я, конечно, подготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого!
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его *(с крыльца)*

Каре...

Чацк. *(выталкивает его вон)*

Сс!..
Буду здесь, не шевельнусь ни с места
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше с одного присеста,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

[1] *а. из дверей б. из боковой двери*

СЦЕНА 11-ая

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, Бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу,
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)[1]

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

СЦЕНА 12-ая

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчал.

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчал.

Ну кто б сказал,
Что в этих щечках, в этих жилках

[1] *Эта ремарка вписана.*

Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Л и з а

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.
Скорей, пойдемте же, боюсь, не в добрый час
Из дворни кто-нибудь тут выскочит на нас.
Ну вот и барышня.

СЦЕНА 13-ая

Те же и С о ф и я

С о ф и я

Как я перепугалась,
Мой друг, шла давиче сюда, с свечой в руках,
И что-то двигалось, мне показалось,
Что Чацкий здесь...

Ч а ц к и й *(бросается между ими)*

Я здесь, притворщица. Да.

С о ф ь я

Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу, Молчалин скрывается к себе в комнату.

Ч а ц к и й

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть к тому.
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
И знал уж раз! и верить усумнился!
Сходнее б, кажется, сквозь землю провалился.
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд,—
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница! бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

Какая низость! подстеречь!
Подкрасться и[1] потом, конечно, обесславить.
Что? этим думали к себе меня привлечь?
И страхом, ужасом вас полюбить заставить?
Отчетом я себе обязана самой,
Однако вам поступок мой
Чем кажется так зол и так коварен?
Не лицемерила, и пра́ва я кругом.
Ах! Боже мой! стук! шум! сюда бежит весь дом.
Вот батюшка.

Лиза

Сам барин!

СЦЕНА 14-ая

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг с свечами.

Фамусов

Сюда. За мной. Скорей. Скорей.
Свечей побольше. Фонарей.
Где домовые? Ба! Знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна, страмница.
Бесстыдница! Где? с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь — уж где-нибудь с мужчиной.
Побойся Богу, как?[2] чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
И я поверил... Нет! во мне ума не стало!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, я думаю, теперьче маски сбросьте.

Чацк. *(Софии)*

Так этим я еще обязан вашей злости!

[1] *а.* чтоб *б.* и [2] *а.* чем? *б.* как?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеритесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу всех, на поселенье вас.
Вы все закуплены, сгубить[1] меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы,
Там выучилась ты любовников сводить,
Да я тебя заставлю[2]:
Цыплят кормить, коров доить[3].
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни три терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я с нашим домом,
С моей семьей, со мной[4] не быть знакомым,
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта.
Я постараюсь, я; в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий *(Софии)*

Я перед вами виноват.
Не знаю, почему вас с теми ставил в ряд,
Которым, впрочем, здесь найдутся сотни ровных
Искательниц фортун и женихов чиновных,

---

[1] *а.* продать *б.* сгубить [2] *а.* исправлю *б.* заставлю [3] *Вместо этого стиха было начато и зачеркнуто:* На скотный [4] *а.* Со мной, с моей семьёй *б.* С моей семьёй, со мной

Которым красотой едва дано расцвесть[1]
Уж глубоко натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть,
И продавать себя в замужство.
Вы выше этого. По вас такий, что был[2]
Немножко прост и очень мил,
Чтоб вы могли его и в возрасте бы зрелом
Беречь и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей:
Высокий идеал московских всех мужей!
Но Боже мой! кого вы поискали!
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли,
Повергли в бездну зол, мученья и печали!
Я сам, где я искал награду всех трудов?
Спешил? летел, дрожал, вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Не верьте, с вами я горжусь своим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
В дворянской спеси вам желаю быть счастливом.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий тут есть, спокойный, благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами, наконец,
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна
От слепоты своей, от смутнейшего сна.
Теперь мне кстати б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пущусь искать по свету,
Где для рассудка есть и чувства уголок...—
Карету мне, карету.

(Уезжает.)

[1] *а.* процвесть *б.* расцвесть [2] *а.* Вы свыше этого, для вас такий, чтоб был *б.* Вы выше этого. По вас такий, чтоб был

СЦЕНА 15-ая

Кроме Чацкого.

Фамусов

Безумный. Что он тут изволил городить!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так гневно![1]
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

1822—1823

[1] *Первоначально*: Судьба моя еще ли не плачевна.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ

въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Сочиненіе

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ГРИБОѢДОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1833.

«Горе от ума». Титульный лист первого полного издания.

ВАРИАНТЫ

ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

СЦЕНА

Лиза,

Лиз

Ах, ба

Ф

(останавлива

Ведь экая шалунь
Не мог придума
[Мне отзываетс
То флейта слыш.[1], то
Для Софьи сл[2]

Лиза

Нет, Сударь... я...

Фам

Вот то-то невзначай
[Играй себе, играй]
Так верно с умыслом[3]

Лиза

[Да в двух шагах]
Во всякий час, везде

Фмсв

[Молчи! Дочь спит?]

---

[1] *а.* флейтою *б.* флейта слыш. [2] *а.* Ужли [то] Софья мо *б.* Неужто Софья мо *в.* Для Софьи сл [3] *а.* Резвушка, пухл *б.* Все верно с умыслом *в.* Так верно с умыслом

Л и з а

[1]Сей

Ф м с в

Сей час! А ночь?

целую читала[2]

[а вы ее]

ъ

[ы] часы заводишь,

Симфонию гремишь.

(как можно громче)

с о в *(зажимает ей рот)*

й как кричишь

а ты сходишь

[ъ, так кричишь]

(жмется[3] *к ней и заигрывает)*

[*кою нежностью*[4] *треплет ее*

по щеке, жмет руку и прочее)]

баловницы.

а

лицу ль вам эти лицы.

м с в

о кроме

а уме.

з а

енники сами,

старики...

м с в

Почти.

Л и з а

т, куда мы с вами?

---

[1] *Здесь поставлен условный знак для переноса в конец следующей страницы.* [2] *Поставлен знак для указания какой-то вставки.*

[3] *а. теснится б. жмется.* [4] *Конец слова неразборчив.*

Ф м с в

придти?[1]
и?
отселе[2],

Л и з

Ф м.

Сей час легла,

Л

Боюсь, что бы не вы
[Сей час легла,]

Ф

Чего?
[Всю ночь не спа]

Л

Пора, сударь в
У девушек со
Чуть дверью скр
Все слышут

Ф

[Ли]
[Ей Богу-с, вам]

Г о л

Эй, Лиза!

Ф м

Тс! когд

[Л и з а

[*(с трепетом*

[Л и з а

[Ох! сердце как дышать

[1] *а.* войти *б.* придти
[2] *Знаком обозначен перенос с предыдущей страницы.*

Л и з а *одна*

Ушел... Ах! от господ подалей[1]
У них беды себе[2] на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей[3]
И барский гнев, и барская любовь.

чкой за ней М о л ч а л и н.

а

е [Точно] рассвело!

т свечу
к быстры ночи!

ороны нет мочи,
шел[4], я обмерла.
не помню что врала[5]
Для нашей, сударь чести,
на месте,
повыгляньте в окно:
улицам давно,
дня, пол моют, метут и убирают[6]

я

в не наблюдают.
ваша власть[7]
конечно мне попасть

ф и я *(Молчалину)*

нь еще потерпим скуку

и з а

прочь возьмите руку

Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым).

---

[1] *а.* от господской власти *б.* от господ подалей [2] *а.* К бедам себя *б.* У них беды себе [3] *а.* нещастий *б.* печалей [4] *а.* десь был *б.* шел [5] *а.* лгала ему лгала *б.* не помню что врала [6] *а.* дня, пол моют, пыль сметают *б.* дня, пол моют, пыль счищают *в.* дня, пол моют, метут и убирают [7] *Перед* ваша власть *зачеркнуто: а.* жалость Страсть *б.* хоть к людям жалость... Страсть

СЦЕН

София [Пвлвн]

Ф

Что за оказия? М

М

Ф

За чем же здесь
И Софья!.. Здрав
поднялась
Так рано для ка
И как вас Бог
[Ну? немы?]

Соф

бат
[Он сей
Он только, что теперь

Мо

Сей час с прогулки

Ф м

Бр

Гуляешь возле женск
[1] [Да как вы вместе
Одна др[у]ожит, другий
у себя бы
Гулял! [он] ты лежала в
А? как сошлись вы]

София

[Перевести мне дайте[2] д]
голова]
так проворно,

ю покорно
ал!
ал!

---

[1] *Знак для обозначения какой-то вставки.* [2] *а.* мне дайте *б.* позвольте

ам встревожен очень,
им озабочен:
ужбе хлопотня,
сем дело до меня,
его? Чтоб был тобой[1] обманат!..
я *(сквозь слёзы)*

в

от попрекать мне станут,
[кать] всегда
урю.
ворю:
и не радели
ъ колыбели!
мел я приманять
Розье вторую мать.
то в надзор к тебе[2] приставил:
в тихий[3], редких[4] правил.
[вѐдь]
[овлеет сделать ей:]
и служит ей:
За лишних в г
Сманить себя [отсю] други
Да не в мадаме с
Не надобно иного о
Когда в глазах п
Смотри ты на м
Однако бодр и свеж
[Не уступлю в здор]
Свободен, вдов, себе я
Монашеским изве
Ты плакала о чем

Софи

[И смех и слезы]
[Вы гневны на кого]

[Ф м с

[Невинные! Нашл]
[Вы посетитель т]

---

[1] *а.* в семье *б.* тобой [2] *а.* тебе *б.* к тебе [3] *а.* кроткий *б.* тихий [4] *а.* честных *б.* редких

Софи

[Он ничего вам не]
Уж это[1] я скорее разберу
Как с вечеру вас к
Простите батю
Не попадайся вам,
Что ступим шаг,

Фмсв

Какой тут шаг? ни
ти
го у кровати!

Великая напасть:
...случайно.

сть?
Это что ли тайно?
без головы
ась с просонок
нок...

мели с Лизой вы.
ть мой голос может?
делица тревожит;
ймете вы тогда.

с в

ф и я

ъ рассказать?

Фмсв

Ну да.

[1] *а.* Уж *б.* Уж это

БЕХТЕЕВСКИЙ СПИСОК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фамусов Сенатор служащий при архивах
Его дочь София Павловна
Его Секретарь Алексей Степанович Молчалин
Лиза горничная Софьи
Чацкой Молодой человек воспитывавшийся в доме Фамусова и влюбленный в Софью путешествовал и только что воротился
Сергей Сергеич Скалазуб служащий полковник
Репетилов Московский житель

Хлёстова тетка Софьи Павловны		Гости Фамусова
Князь Тугоуховский Жена его 6 дочерей княжон	гости	
Графиня Хрюмина бабушка Ее внучка	гости	
Платон Михайлович Сослуживец Чацкого Его жена Наталья Дмитриевна	гости	
Антон Антонович Загорецкий гость гости без речей и некоторые с речьми	гости	

Слуги Фамусова —

ЖАНДРОВСКИЙ СПИСОК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Дмитриевна, молодая/Дмитревна молодинькая
Горичи/Горичевы

Графиня бабушка }
Графиня внучка } Хрюмины/Графиня бабушка Хрюмина
Графиня Внучка

ДЕЙСТВИЕ I

4 Не спи, покудова не снимут караула. ◇
15 Лизанька / Лизынька
16 Седьмый, осьмый, девятый.
оттуда же / *оттудоваже*
18 Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать. ◇
28 Ой! зелье, баловница. / *а*. Ох! зельи, баловницы. *б*. Ох! зелье, баловница.
29 лица / лицы ◇
53 так / как ◇
54 скрипнешь / скрыпнешь
70 Смотрите на часы, повыгляньте в окно: ◇
85 Подальше где-нибудь повыбрать закоулок? ◇
97 от испуги / от испугу ◇
105 другой / другий
149 Пожалуй на меня вину еще всю сложит. ◇
153 *Садится* / *все садятся* ◇
154—177 *Первоначально рассказ Софьи о сне был изложен в редакции, близкой к Музейному автографу. Грибоедов вырезал лист, на котором переписчиком была передана главная часть рассказа о сне,*

и вклеил новый, так что остались (на предыдущем листе) только начальные шесть стихов (зачеркнуто):

София

В саду была; цветы безщетно там пестрели;
Искала я, мне чудилось траву,
Какую-то, не вспомню наяву.
В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
180 И черти, и любовь, и флейты и цветы. ◇
232—233 Желал бы он звезду на зяте,
А при звездах не все богате. ◇
240—242 Сам на ряду со всеми дураками.

Лиза

Да-с, правду молвить между нами,
Речист, а больно нехитёр; ◇
254 — Что сударь плачете? Бог не оставит вас — ◇
293 Мне-с?.. ваша тетушка на мысли набрела, ◇
294 молодой / молодый
295 Голубушка / Голубошка
306, 318 ради / раде
319 этак / эдок
322 Лиза / Лизынька
341 Или ваш батюшка с Мадамой за пикетом;
350—351 Как не смутиться мне? от вас нет оборон;
Обозреваете меня со всех сторон. ◇
384 сыщешь / с ищем
425 А впрочем, быть ему у нас в людях известным, ◇
426 *бессловесных* / бессловесных
430 Хоть не теперь, а в детстве может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам? — ◇
431—432 На что же так давно? вот доброты черта вам: ◇
456 Вам молодым людям другого нету дела, ◇

ДЕЙСТВИЕ II

29 *у вдовы* / *у вдове*
86 *а.* Упал в другореть — уж нарочно —
б. Упал в другой раз — уж нарочно —

в. Упал в другоредь — уж нарочно —
153—155 Не слушаю, под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут. ◇
172—173 Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой ◇
208—209 *а.* А я так дорожу родством.
Сыщу его на дне морском.
б. Нет я перед родством где встретится, ползком;
Сыщу его на дне морском. ◇
369 Заставил и Москву дивиться их красе! ◇
386 Ничтожность, шалости, пороки, пустоту ◇
408 *Ремарки: (Теряет чувства) — нет.*
535 любезничить / любезничать
559 правду / тайну

ДЕЙСТВИЕ III

15 Есть многие, родные. / *а.* Вот спросы пречудные.
б. Родные. ◇
46 Казался прах и смех? дым, мелочь, суета. ◇
49 Чтоб мыслям были всем, и всем делам ◇
224 Наталья Дмитревна / Наталья Юрьевна ◇
225 дама / дамочка
229 Неужли / Не уж-то
292 Эх! братец! кровь была не та, теперь остыла. ◇
303 *оборачивает / обращает*
305 Дмитревны / Юрьевны ◇
325 Графиня внучка / Графиня внучка *(к ней же)*
325 Eh! bon soir! comment vont les rubans les guirlandes?
Toujours le désespoir de ceux, qui Vous attendent? ◇
378 *(Загорецкий / (Он*
382 на ярмарке / на ярмонке
392 И за уши его знать мало я дирала. ◇
409—410 Пойдемте, батюшка; там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь! ◇
426 громовой / громовый
427 другой / другий
435 завистлив / завидлив

476 покромче / по громче
485 по *п*алам / по балам
*т*ышит / дышит
576 вокруг / округ
584—585 *а.* Ну словом отпустил воз целый многолетствий,
И в восхищении от нас,
От наших округленных фраз,
От наших гладеньких приветствий.
б. Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, мы больше рады. ◇
587—588 Тоска, и оханье и стон
Об южной Франции! Нет в мире лучше края, ◇
595 Слепого, рабского, пустого подражанья; ◇
606—607 Хвост сзади, спереди какий-то выем чудный,
Лишь только в пору нам, чтоб кашель дать простудный; ◇

ДЕЙСТВИЕ IV

В ремарке: от действующих лиц / от действующих
6 другой / другий
87 От пустяков твоих в отчаянье придти. ◇
102 о камерах / об камерах
103 О Бейроне / Об Бейроне
114—115 Э! брось! кто ныньче спит? будь образец Геройства,
Решись, а мы! у нас... решительного свойства. ◇
227—228 Все врознь, не говоря худого
Чуть из виду один, гляди уж нет другого. ◇
246 *а.* Ах! вести старые, кому оне новы?
б. Ах! вести старые, кому оне уж новы?
261 Амфиса Ниловна / Амфиса Карповна ◇
292 другой ли / другий ли
300 *со свечкою / со свечою*
305 Нет, нет, к горячке я конечно подготовлен; ◇

Ч а ц к и й (*выталкивает его вон*)

309 Сс!
Буду здесь, и не смыкаю глазу,
378 *ползает у ног ее / валяется в ногах у нее* ◇
392 Всё батюшке, в моей досаде ◇
394 Подите.— Стойте, будьте раде, ◇
426 врознь / врозь

454—493 *Текст:* За пяльцами сидеть ∾ Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом. *написан рукой Грибоедова на отдельном листе и вклеен взамен вырезанного.*

476 Что память вам давно постыла ◇

483—486 Я тотчас бы бежал, чтоб не при вас тужить,
И сладко с миленьким могли бы вы прожить. ◇

494—496 Пред кем я давиче, так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Но что? наказаны вы горем справедливым.
А вы сударь отец, вы жертвуйте к чинам
Собой и дочерью; желаю быть щастливым ◇

497 Другой / Другий

508 Все гонят! все вредят! Мучительней толпа, ◇

ОТРЫВОК «ПОСРЕДСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ»

Чацкий *(Софии по некотором молчании)*.

Не образумлюсь... Виноват!
Не знаю, как я невпопад
Представил вас себе одной из хладнокровных
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которой красоте едва дано расцвесть,
Уж глубоко натвержено искусство:
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть
И торговать собой в замужство.
Нет, нет! Ошибся я... намечен был у вас
Любезник миленький, которого подчас
Могли бы, несмотря, что в возрасте он зрелом,
Беречь и пеленать и посылать за делом.
Муж мальчик, муж слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей! —
Но, Боже мой, кого себе избрали?
Когда размыслю я — кого вы предпочли!
За что меня взманили, завлекли?
Повергли в бездну зол, мучений и печали...
Слепец! В ком я искал награды всех трудов?
Спешил, летел, дрожал — вот счастье, думал, близко!
Пред кем я давеча так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!..
Но что! Наказаны вы горем справедливым...
А вы, сударь, отец! Вы жертвуйте чинам,—
Собой и дочерью, желаю быть счастливым!
Я сватаньем своим не угрожаю вам!

(Далее, как в общепринятой редакции).

«РУССКАЯ ТАЛИЯ на 1825 год»

ДЕЙСТВИЕ I

302 *Сноски:* София Павловна* — *Дочь богатого московского жителя.

Лиза** — **Служанка. Чацкий*** — ***Молодой человек, возвратившийся из путешествия, воспитанный вместе с Софиею.

304 София / София Павловна

314 седьмисот / семи сот

325 Как поминали мы вас тут.

341 Или ваш батюшка с мадамой за пикетом;

345 седьмнадцать / семнадцать

366 В столовых и гостиных.

370 Со всей *вселенной* породнятся;

380 *Между учеными* который поселился,

384 сыщешь / сыщем

426 *бессловесных* / бессловесных

446 София / София Павловна

447 *Сноска:* Фамусов* — *отец Софии Павловны

Вот и другий / Вот и другой.

456 Вам молодым людям другого нету дела,

ДЕЙСТВИЕ III

6—9 *Текста:* Хрипун∾ А мне...— *нет.* В *«Исправлениях» сказано:* После сей строки поставить ***.

9 *Входит София / София входит*

37 Одежд, и климатов, и нравов, и умов; В *«Исправлениях» — замена:* Народов, климатов... *(и т. д.)*

39 Иной по должности, иной плохим поэтом,

40 Иной... боюсь назвать, но признаны всем светом,
93 Напрасно это вы относите к другим;
103 И между прочим
129 Он за своих стоит горой,
137 К прихмахеру/К прикмахеру
153 *Входит Молчалин / Молчалин входит*
172 Вам не дались чины;
173—174 Не всякому успех. В *«Исправлениях»*: После стиха: Не всякому успех, поставить ***.
175—176 *Этих стихов нет.*
179 С иными важными людьми про вашу связь,
203—204 Отличного ума и поведенья,
Из Петербурга к нам переведен.

Чацкий

Хорош!

217 Ведь надобно ж других иметь в виду.
218 В чинах мы небольших. / Чтоб не попасть в беду.
221 В перспективе раскрывается / В перспективе открывается
229 Неужли / Неуж-то
282 *хладнокровно / равнодушно*
292 *со вздохом / вздыхает*
304 *(обращает к ней слуховую трубку)*
325 Между прочим / Между прочими
349 Известный плут:
378 *Загорецкий / Он*
382 на ярмарке / на ярманке
403 Вы прежде были здесь... В полку... в том... гренадерском?
404 То есть, хотите вы сказать,
405 В Ново-Землянском мушкетерском.
406 полки-та / полки-то
438 Ужли / Уже ль
475—476 Мой друг, мне уши заложило;
Скажи погромче...
478 *пошара* / пожара
481 *В «Исправлениях» вместо* изранен *предложено*: был ранен
482 Пошел он в бусурманы!
484 *п*ешит / бежит
485 по *п*алам сам чуть *т*ышит! / по балам, сам чуть дышит.
487 Хоть может видели, здесь Полицмейстер был?
488 В тюрьму-то, Князь, кто Чацкого схватил?

491 *п*усурманах / бусурманах
502 Попробуй говорить, и ни весть что наскажет!
504 Хоть пред каким ни есть лицом,
522—547 *Этого текста нет, вместо него стоит* ***.
554 Всё врут календари / Все врут календари
560 потребует к разделке! / потребуют к разделке!
582—583 *Эти стихи пропущены. В «Исправлениях» здесь предложен знак* ***.
596—610 *Эти стихи пропущены, вместо них* ***.
619 Ну как перевести: Мадам и Мадмуазель?
632 Во всех девиц вселять участье. *Но в «Исправлениях»:* Во всяком возбуждать участье.

КОММЕНТАРИИ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Рукописные:

Музейный автограф — автограф ранней редакции (1823). ГИМ. 40865 (арх. 2415)/А 819.

Жандровский список — авторизованный писарской список окончательной редакции (1824). ГИМ. Арх. 2566/А 819.

Булгаринский список — писарской список окончательной редакции, авторизованный надписью Грибоедова от 5 июня 1828 г. РНБ. Ф. 221. А. С. Грибоедов. № 2.

Печатный:

Альманах «Русская Талия на 1825 год», содержащий явления 7—10 действия I и целиком действие III (с большим количеством цензурных искажений; см. с. 266).

Автограф окончательной редакции неизвестен.

Впервые полностью (с цензурными купюрами) отдельным изданием: Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В типографии Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии. 1833.

Печатается по тексту Булгаринского списка с исправлением явных описок и унификацией обозначения действующих лиц (типа Лиза — Лизанька и т. п.) в основном тексте.

Дефинитивный текст комедии «Горе от ума» (в дальнейшем — Г. о. у.), несмотря на отсутствие автографа окончательной редакции и прижизненной полной публикации, устанавливается предельно твердо на основании указанных выше источников.

Вполне вероятно, что существовали и другие источники, в частности, рукопись, которую автор мог иметь при себе в Тегеране или в Тавризе. Была ли такая рукопись и какова ее судьба: погибла ли она вместе с Грибоедовым в помещении русской миссии при ее разгроме или была

захвачена и хранится до сих пор в персидских архивах — об этом не имелось и не имеется никаких сведений. Американская исследовательница жизни и творчества Грибоедова Э. Харден в 1973 г. посетила Иран и пыталась получить разрешение на просмотр в архиве бумаг, оставшихся после разгрома русской миссии. Она вернулась с ощущением того, что такие бумаги существовали и были доложены самому шаху в 1829 г., но с тех пор доступа к ним совершенно никому не было.

Неясные и не имеющие надежных оснований предположения о существовании где-то авторизованных списков Г. о. у. возникали неоднократно. По воспоминаниям Д. И. Завалишина, декабристы, собиравшиеся у Одоевского в 1825 г., под диктовку списывали комедию в присутствии самого автора, который тут же вносил в текст те или иные поправки[1]. Однако никаких следов этих поправок в известных источниках не обнаруживается, и совершенно ясно, что текст комедии до мелочей окончательно установился в июне 1824 г.

Тбилисский исследователь И. К. Ениколопов настойчиво добивался пересмотра текста Г. о. у., уверяя, что работа Грибоедова над комедией продолжалась и после 1824 г. и подлинная рукопись Грибоедова, отразившая эту работу, погибла вместе с автором в Тегеране в 1829 г. По этой причине И. К. Ениколопов склонен был ценить прежде всего якобы «авторизованные» рукописи, хранившиеся у кавказских друзей и родственников поэта, в частности список, принадлежавший его деду, М. А. Ениколопову (Эникалопашвили), знавшему Грибоедова лично[2]. Однако никакими свидетельствами авторизованности этот список не обладает, разночтения его с общепринятым текстом незначительны и сводятся главным образом к вариантам написания («седьмсот»—«семьсот») или произношения («ради»— «рады»)[3].

---

[1] Воспоминания 1980. С. 132.

[2] См.: *Ениколопов И.* К истории создания «Горя от ума»//Грибоедов А. С. Горе от ума. Тбилиси: Заря Востока, 1946. С. 117—157; *он же.* Еще о кавказском списке «Горя от ума»//Рус. литература. 1962. № 1. С. 236—237; *он же.* Кто за Лизу, кто за Софью?//Сов. культура. 1967. 17 октября, № 123; *он же.* К проблеме канонического списка «Горя от ума»//Вопросы литературы. 1977. № 4. С. 218—225.

[3] См.: *Гришунин А.* Не считаясь с научными аргументами. (По поводу статьи И. Ениколопова)//Вопросы литературы. 1977. № 4. С. 225—232.

О рукописи «с авторскими поправками», принадлежавшей А. П. Опочинину (1807—1885), которая была утеряна, но восстановлена будто бы владельцем «по памяти», сообщал в 1960 г. В. С. Шадури[4]. В 1964—1966 гг. поиски «подлинной» рукописи Г. о. у., якобы бывшей во владении Р. Эристави, приняли форму сенсационной и шумной кампании, в том числе с участием школьников, но, как и следовало ожидать, никаких результатов не дали[5].

В печати сообщалось о Гомельском списке Г. о. у., принадлежавшем генералу И. Ф. Паскевичу, родственнику Грибоедова, и содержавшем будто бы собственноручные исправления автора[6]. Специальное обследование, произведенное по поручению Н. К. Пиксанова, этого, однако, не подтвердило[7].

Авторитетнейшим источником текста комедии, несомненно восходящим к Жандровскому списку 1824 г., является Булгаринский список. О нем сам Ф. В. Булгарин писал М. А. Дондукову-Корсакову 1 марта 1832 г.: «Грибоедов, уезжая посланником в Персию, дал мне полное право распоряжаться сею комедиею и передал на нее право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагою»[8]. Эта «формальная бумага» никогда не была известна, но надпись Грибоедова действительно имеется на Булгаринской рукописи, которую Булгарин (на что, сколько известно, никто не обращал пристального внимания), между прочим, называет «подлинной комедии».

Н. К. Пиксанов из всего этого заключает: «Изучение Жандровской рукописи незыблемо установило тот важ-

---

[4] *Шадури Вано.* Неизвестные варианты комедии «Горе от ума»//Лит. Грузия. 1960. № 10. С. 76—86; Находки ученых: Неизвестный автограф Горя от ума»//Вечерняя Москва. 1960. 16 июля, № 167.

[5] См.: *Шадури Вано.* Неизвестное письмо Раф. Эристави. О судьбе автографа «Горя от ума» Грибоедова//Вечерний Тбилиси. 1964. 29 апреля, № 102; Где автограф «Горя от ума»?//Литературная газета. 1964. 4 июня, № 66; *Гвелесиани С.* По следам бесценной рукописи//Комсомольская правда. 1965. 31 июля, № 178 (см. также в ее кн.: Мы ищем рукопись: Очерки. Тбилиси, 1966).

[6] См.: *Охрименко П. П.* Уникальный список комедии «Горе от ума». Сов. культура. 1954. 11 февраля, № 18.

[7] См.: *Могилянский А. П.* По поводу Гомельского списка «Горя от ума»//Рус. литература. 1963. № 3. С. 163—164.

[8] Библиографические записки. 1859. № 20. Стлб. 621.

ный факт, что ее текст, правленный рукою самого Грибоедова в 1824 г., почти буквально совпадает с текстом Булгаринского списка, авторизованного в 1828 г. Этот последний так близок к Жандровской рукописи, что если бы не два-три характерных разночтения, можно было бы утверждать, что он с Жандровской рукописи и копирован. В текстуальном отношении Грибоедов не произвел почти ни одного изменения и не убавил ни одного стиха, не переменил ни одной рифмы, не переставил слов,— т. е. оставил текст Жандровской рукописи в новом списке в полной неприкосновенности. В новом списке соблюдены все характерные особенности грибоедовского письма, его орфография и пунктуация; употребляются те же формы живого языка („рюматизм", „три дни", „другий", „иный", „седьмсот" и т. п.). Очевидно, что окончательная редакция „Горя от ума" создана Грибоедовым еще в 1824 и потом вновь подтверждена в 1828 г.»[9].

Можно сказать, что Н. К. Пиксанов прочно выстроил всю текстологию Г. о. у. Подготовленное им Полное собрание сочинений Грибоедова (т. I—III, 1911—1917) в серии «Академическая библиотека русских писателей»), в частности, том II («Горе от ума») и до нашего времени остается образцом эдиционной техники и комментаторского мастерства (далее ссылки на него даются в тексте — том, страница, см. также список сокращений, с. 347). Скептический взгляд на возможность установления текста Г. о. у. его работой рассеивался, так как «*сравнительное изучение трех главнейших рукописей Г. о. у. позволяет установить дефинитивный текст с не меньшей достоверностью, как если бы комедия вся, и без цензурных вторжений, была напечатана при жизни автора.* Колебания теперь возможны только в двух-трех словах изо всего текста, да еще в нескольких случаях с пунктуацией и орфографией»[10].

Музейный автограф — наиболее ранний из всех источников Г. о. у. Рукопись составлена из четырех тетрадей, соответственно числу действий (актов), формата писчей бумаги. Всего в ней 82 листа. III и IV акты написаны на

---

9 *Грибоедов А. С.* Горе от ума/Издание подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. М.: Наука. 1969. С. 330.

10 *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М.: Наука 1971. С. 57—58.

иной, более желтой бумаге, чем акты I и II, в которых эта желтая бумага использована только для некоторых более поздних вставок, одновременных, вероятно, работе над III и IV актами. Большая часть рукописи (около девяти десятых всего текста) писана собственноручно А. С. Грибоедовым. Переписчиком писаны сцены 2, 3 и часть 4-й I акта (ст. 91—153) и сцена 22 III акта; другой переписчик, подписавшийся внизу: «С подлинным верно. Внгрдв.» (Л. 14),— переписал несколько стихов 7-й сцены I акта (ст. 402—415 и 422—425). В первой тетради, на которой записан I акт, состоящей из 21 листа, листы 6, 15, 16 и 17 испорчены: вся правая половина их вдоль каждого листа отрезана, так что написанный на них рукой Грибоедова текст второй, третьей и отчасти четвертой сцен сохранился только в отрывках. Сохранившийся текст этих обрезанных листов воспроизводится в разделе «Варианты». Взамен обрезанных листов вставлены другие, написанные первым переписчиком, но они неправильно подшиты. На листе 67— надпись, скрепленная сургучной печатью,— близкого друга Грибоедова, А. А. Жандра: «Удостоверяю моею подписью, что рукопись сия, за исключением в 1-м акте сцен 2-й, 3-й и 4-й до слов (Фамусов садится) Софии: в саду была, цветы и т. д. в 7-й сцене приписок, означенных знаком*) ## и в 3-м акте последней сцены,— вся писана *собственною рукою Александра Сергеевича Грибоедова.* 28 февраля 1859 года. Сенатор тайный советник Жандр».

Уезжая в 1824 г. из Москвы в Петербург, драматург оставил рукопись у С. Н. Бегичева. Из Петербурга в недатированном письме (от июня или июля 1824 г.) Грибоедов писал Бегичеву: «На дороге пришло мне в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою на лестнице, и перед тем, как ему обличить ее». Эта новая развязка (в 66 новых стихов!) сопровождалась множеством других исправлений в тексте комедии: «...я с лишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм переменил» (там же).

В 1902 г. рукопись поступила от дочери Бегичева в московский Исторический музей, отчего и получила наименование «Музейного автографа». Она была известна и раньше, но воспользоваться ею в должной мере не умели, и большей частью варианты ее включали в состав ком-

пиляций из разных других источников. В 1903 г. текст ее был напечатан под редакцией В. Е. Якушкина (см. ниже, с. 344). К этому времени (с 1901 г.) Исторический музей владел уже и Жандровской рукописью, с которой В. Е. Якушкин в примечаниях сделал несколько случайных сопоставлений.

Хотя рукопись представляет собой черновик (на основе перебеленной первоначальной редакции), значительная часть текста имеется здесь уже в окончательном виде или близка к нему, так что Музейный автограф решает ряд чтений, сомнительных по другим источникам.

Бехтеевский список — единственный известный список Г. о. у., сделанный с Музейного автографа и воспроизводящий его окончательный, верхний слой.

Рукопись дошла до нас не в полной сохранности. От акта IV осталось только два отдельных листа, содержащие две последние сцены. Текст переписан небрежно, с ошибками, искажениями и пропусками слов, фраз и целых реплик. За исключением разночтений, созданных этой небрежностью, текст Бехтеевского списка вполне совпадает с окончательным, верхним слоем Музейного автографа.

Список принадлежал двоюродному брату Бегичевых, Ивану Петровичу Бехтееву (1788—1853), жившему в селе Пружинки Задонского уезда Воронежской губернии. Летом 1823 г. вместе с С. Н. Бегичевым Бехтеев встречался с Грибоедовым и был близким наблюдателем его работы над Г. о. у. Список, однако, сделан не ранее 1824 г., так как на бумаге его — водяные знаки: «ЕЛМ» и «1824». Вероятнее всего, список скопирован летом 1824 г., когда Грибоедов уже уехал в Петербург, но до того момента, когда Бегичев получил от Грибоедова известие, что он переработал комедию и просит его «манускрипта» никому не читать.

Особенность и ценность Бехтеевского списка составляет начинающий пьесу перечень действующих лиц, которого лишен Музейный автограф. Этот перечень имеет существенные разночтения с соответствующими страницами Жандровского и Булгаринского списков. Достоверность этого перечня, впрочем, заподозрена Н. К. Пиксановым[11].

---

[11] Творческая история «Горя от ума». С. 105.

И вообще, доступность Музейного автографа лишает Бехтеевский список того значения, которое он мог бы иметь в иных условиях, как единственный список ранней редакции Г. о. у.

Перечень действующих лиц из Бехтеевского списка воспроизводится в настоящем издании на правах варианта (см. с. 247).

Жандровский список явился результатом переработки Музейного текста в Москве зимой 1823—1824 гг. и на пути в Петербург летом 1824 г. Таким образом, это второй по времени источник текста Г. о. у. после Музейного автографа. Это рукопись, переплетенная в тетрадь из 127 листов (254 с.), на бумаге без водяных знаков с двойной пагинацией и карандашной надписью на форзаце: «В этой рукописи двести сорок четыре (244) писаных страницы, из коих страницы 20, 21, 240 и 241 писаны собственно рукою Александра Сергеевича Грибоедова, а — 4, 5, 6, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 28, 31, 35, 41, 42, 56, 64, 65, 66, 70, 84, 102, 105, 106, 108, 112, 113, 136, 147, 150, 154, 155, 161, 163, 190, 192, 201, 203, 206, 209, 212, 214, 215, 218, 219, 220, 221, 224, 232, 234, 235, 239, 242, 243 — содержат собственноручно сделанные им поправки и изменения списка. Страницы 20, 21, 240 и 241 вклеены взамен вырезанных. Н. Шаломытов. Москва. Сентября 20 дня 1904 года». Основной текст писан одним переписчиком, рукой Грибоедова сделаны поправки по всему тексту и заполнено несколько страниц.

Историю этой рукописи А. А. Жандр рассказал Д. А. Смирнову: «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны (фр. brouillons — черновики.—*Ред.*), что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенной беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала „Горе от ума" и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня»[12].

[12] Из неизданных материалов Д. А. Смирнова к биографии А. С. Грибоедова // Исторический вестник. 1909. № 4. С. 153.

Этот «главный список» получил наименование «Жандровского» и хранился у А. А. Жандра до его смерти в 1873 г., а затем в его семье; в 1901 г. поступил в московский Исторический музей, где он сейчас и хранится в Отделе письменных источников. «Ужасные брульоны», с которых делался список, не сохранились.

В 1912 г. рукопись была обследована и издана Н. К. Пиксановым[13].

Некоторые современные исследователи и публикаторы «Горя от ума» отдают Жандровской рукописи предпочтение перед Булгаринской, кладя ее в основу текста комедии при его установлении, что, однако, в сущности ничего не меняет, за исключением двух-трех мелких разночтений.

Альманах «Русская Талия на 1825 год» — единственная при жизни Грибоедова публикация отрывков Г. о. у., третий по времени авторизованный источник текста комедии — после Музейного автографа и Жандровского списка[14]. Здесь напечатаны явления 7—10 действия I и все действие III, но — со множеством цензурных изъятий и переделок. В конце альманаха дан перечень «исправлений», очевидно, авторского происхождения, из которого можно заключить о небезразличии Грибоедова к этой частичной публикации своего текста. Однако они долгое время не учитывались последующими издателями. Если отвлечься от вынужденных изъятий и переделок, из сличения текста «Русской Талии» с Жандровской рукописью, становится очевидным, что Грибоедов дал в альманах законченный текст, совпадающий в основном с верхним слоем Жандровской рукописи.

Булгаринский список — последний в цепи известных авторизованных источников Г. о. у. Булгаринский список назван так по имени его владельца — Ф. В. Булгарина, которому этот список был поручен Грибоедовым накану-

---

[13] «Горе от ума», комедия А. С. Грибоедова. Текст Жандровской рукописи, хранящейся в Императорском Российском Историческом музее... / Редакция, введение и примечания Н. К. Пиксанова. М.: изд. Л. Э. Бухгейм, 1912.

[14] Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год / Издал Фаддей Булгарин. СПБ.: В типографии Н. Греча. С. 257—316 (цензурное разрешение 15 ноября 1824 г. Цензор А. Бирюков).

не отъезда из Петербурга в Персию. Рукопись заключена в кожаный переплет; на лицевой стороне, в овальной бронзовой рамке, под стеклом,— портрет Грибоедова, выполненный М. Н. Теребеневым. Текст — на плотной бумаге без водяных знаков — выполнен одним тщательным канцелярским почерком, с сетью разнохарактерных поправок поверх первоначального текста. На титульном листе — надпись рукой Грибоедова: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828». Это последний по времени изготовления список окончательной редакции Г. о. у., возможно, просмотренный автором. В орфографии и пунктуации кое-где воспроизводятся индивидуальные признаки грибоедовского стиля (иногда даже исправляются ошибки Жандровского списка). В тексте несколько исправлений, принадлежность которых автору возможна, но не бесспорна. Остальная правка более позднего происхождения и состоит из нескольких слоев, нанесенных, по-видимому, при подготовке рукописи к изданию. В целом текст Булгаринского списка в первом слое (до исправлений) подтверждает редакцию Жандровского списка, иногда возвращается к ранней редакции Музейного автографа и лишь в нескольких местах дает новые чтения, за которыми можно предположить авторскую волю.

Время создания списка в точности нам неизвестно, но можно думать, что он был изготовлен специально к отъезду Грибоедова из Петербурга в Персию 6 июня 1828 г. Об этом писал Булгарин М. А. Дондукову-Корсакову 1 марта 1832 г. (см. выше, с. 261).

Сличение Булгаринского списка с Жандровским и с Музейным автографом обнаруживает, как писал Н. К. Пиксанов, что «Булгаринский список так буквально близок к Жандровской рукописи, что если бы не два-три характерных разночтения, можно было бы утверждать, что он копирован с нее. В текстуальном отношении Грибоедов не произвел почти ни одного изменения, не прибавил и не убавил ни одного стиха, не переменил ни одной рифмы, не переставил слов,— словом, оставил текст Жандровской рукописи в новом списке в полной неприкосновенности»[15]. Однако делался

---

[15] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». С. 151.

Булгаринский список все-таки не непосредственно с Жандровского: между ними был какой-то промежуточный текст, о чем свидетельствуют разночтения — например, в Булгаринском списке отсутствуют некоторые ремарки: в действии I к ст. 56 (Ф а м у с о в): «торопливо», к ст. 303: «уходит», к ст. 448: «ей вслед вполголоса». Эти и подобные разночтения могли возникнуть по небрежности переписчика. Но есть и более существенные, несомненно авторского происхождения. Так, к словам Загорецкого из действия III — о цензуре басен (ст. 544) в Булгаринском списке дана ремарка: «с кротостию», которой нет ни в Музейном автографе, ни в Жандровской рукописи (в тексте «Русской Талии» на этом месте — цензурный пропуск). Лиза говорит в Булгаринском списке про Фамусова (IV, 367): «А иногда и чином подарит»,— тогда как в Жандровской рукописи вместо «подарит» — «наградит». В стихе 15-м действия III на вопрос Чацкого: «Кто более вам мил?»— Софья отвечает (в Булгаринском списке и в тексте «Русской Талии»): «Есть многие, родные», тогда как в окончательном тексте Жандровской рукописи вместо этого значится: «Родные» (а в первоначальном слое: «Вот спросы пречудные»).

Существует несколько разноречивых свидетельств мемуаристов о начале работы Грибоедова над комедией «Горе от ума».

Университетский товарищ Грибоедова В. В. Шнейдер вспоминал: «Литературные занятия будущего автора „Горя от ума“ начались еще в университете. Нередко читал он своим товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды, в начале 1812 года, он прочел <...> отрывок из комедии, им задуманной; это были начатки „Горя от ума“»[16].

Ближайший друг Грибоедова, С. Н. Бегичев, утверждал: «...известно мне, что план этой комедии был сделан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые

[16] Воспоминания 1929. С. 329.

действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены»[17]. Это свидетельство дополняется воспоминаниями Д. О. Бебутова, относящимися к 1819 г. (написанными Бебутовым на склоне лет, в 1861 г.): «От Моздока до Тифлиса мы с Грибоедовым ехали вместе и коротко познакомились; он мне читал много своих стихов, в том числе, между прочим, и из „Горя от ума“, которое тогда еще у него было в проекте»[18].

Но эти свидетельства противоречат собственному признанию Грибоедова:

«Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякого, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи,— так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли и чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком,— но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения,— однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать не всегда кстати декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге,— и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все

[17] Воспоминания 1980. С. 26.
[18] Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. XXIII. С. 51.

таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости» (III, 100—101).

По-видимому, это набросок предисловия к комедии, подготовленного для первого издания пьесы, о котором Грибоедов хлопотал осенью 1824 г. Замысел, приведший к «Горю от ума», вовсе не был сначала комедийным, что кажется само собой разумеющимся всем мемуаристам, которые вспоминали о «начатках комедии». По всей вероятности, повествуя о «делах давно минувших дней», приятели драматурга невольно ошибались.

В 1818 г. Грибоедов, поступивший на службу в коллегию иностранных дел, был назначен секретарем в персидскую миссию. Проездом он останавливается на несколько дней в Москве, впечатлениями от которой делится в письме к Бегичеву от 18 сентября 1818 г.: «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом „несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем". Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию, и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят» (III, 133).

Так мог бы сказать Чацкий, явившийся в Москву после трехлетнего отсутствия. Может быть, здесь мы находим еще не осознанное драматургом зерно замысла его великой комедии.

Но прежде чем этот замысел созреет, пройдет два года.

«Будучи в Персии в 1821 году,— вспоминал Булгарин, со слов драматурга,— Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов бе-

рет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план „Горя от ума“ и сочиняет несколько сцен первого акта»[19].

Это свидетельство подтверждается и уточняется письмом Грибоедова, написанным им в Тавризе 17 ноября 1820 г.[20]

«Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А<лександр> С<ергеевич>? Как переменились! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали.— Дайте мне обещание, что напишете.— Что же вам угодно? — Сами знаете.— Когда же должно быть готово? — Через год непременно.— Обязываюсь.— Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в

---

[19] Воспоминания 1980. С. 342.

[20] В собраниях сочинений Грибоедова это письмо обозначается как «письмо к неизвестному». В качестве возможных адресатов комментаторы указывают Катенина или Шаховского. Но первый из них упоминается в самом этом письме (см. ниже) как посторонний человек, а второй был вовсе не ниже Грибоедова ростом. Весь тон письма позволяет предположить, что оно адресовано женщине.

близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернясь к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился ко мне на шею... дружески меня душит... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (ч. пополуночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; во сне дано, наяву исполнится» (III, 144—145).

На обороте черновика этого письма Грибоедов набрасывает просьбу об отставке или в крайнем случае о переводе в Россию. В конце 1821 г. он попадает в Тифлис, добившись назначения «по дипломатической части» при Главноначальствующем в Грузии генерале А. П. Ермолове; здесь, по-видимому, у Грибоедова складывается наконец план комедии (а не сценической поэмы!).

Итак, зерном «Горя от ума» были московские впечатления Грибоедова, относящиеся к 1818 г. «Сон» потом был, но он потому и имел место, что подспудно с сентября 1818 г. зрел замысел антимосковской, антисветской комедии. Без этого не было бы и «сна». И если справедлив рассказ Ф. Я. Эванса, переданный Новосильцевой,— о том, как сам Грибоедов, подобно Чацкому, пришел в столкновение со светским московским обществом, был там объявлен сумасшедшим и в гневе поклялся «пустить в них комедией»[21],— то это было именно в начале сентября 1818 г. Недаром еще 5 сентября того же года писал он Бегичеву из Москвы: «Ты жалуешься на домашних своих казарменных Готентотов; это — участь умных людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с дураками, а какая их бездна у нас!» (III, 131).

Возможно, в Персии после «сна» Грибоедов и начал

[21] Рус. старина. 1878. Т. 3. С. 546.

какие-то работы по «Горю от ума»,— но наиболее интенсивно писание комедии продолжалось в Тифлисе, где Грибоедов с конца 1821 г. служил при генерале А. П. Ермолове. Там же служил В. К. Кюхельбекер, с которым в те годы драматург постоянно общался. В дневнике Кюхельбекера (правда, уже в феврале 1833 г.) записано, что «Грибоедов писал „Горе от ума“ почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано...»[22]. Это время может быть довольно точно установлено: Кюхельбекер прибыл в Тифлис в декабре 1821 г., а выехал из Тифлиса 5 мая 1822 г. О первом впечатлении (март 1823 г.) от комедии позже рассказал С. Н. Бегичев: «Из комедии его „Горе от ума“ написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял их нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он неодетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт по листу. Я закричал: „Послушай, что ты делаешь?!!“ — „Я обдумал,— отвечал он,— ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в моей голове“. И через неделю первый акт уже был написан»[23].

Уточнить смысл этого свидетельства помогает автограф ранней редакции комедии. Из него действительно вырваны несколько листов, на которых был записан первоначальный вариант 2—4-й сцен первого акта. Текст этот до некоторой степени можно восстановить по оставшимся корешкам вырванных листов, сохранившим части стихотворных строк. Заигрывание Фамусова с Лизой и подозрения его насчет Софьи с Молчалиным были первоначально изображены более откровенно, что, вероятно, и смутило друга Грибоедова. Между прочим, даже в переработанном виде впоследствии эти сцены раздражали многих критиков своим «неприличием», служили предлогом для цензурных придирок к комедии.

---

[22] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 227.

[23] Воспоминания 1980. С. 27—28.

Свежие московские впечатления позволили Грибоедову развернуть многие картины, лишь отдаленно намеченные в Тифлисе.

В то же время московская жизнь мешала сосредоточиться для творческой работы. В конце июля 1823 г. Грибоедов уезжает в тульское имение Бегичева и в селе Дмитриевском Ефремовского уезда заканчивает работу над двумя последними актами «Горя от ума».

В литературе о Грибоедове встречаются утверждения, будто вся комедия была написана Грибоедовым «в Тифлисе, до выезда в отпуск»[24].

Однако невозможно не верить точному свидетельству С. Н. Бегичева: «Последние акты „Горя от ума" написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда; но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены»[25].

Показания С. Н. Бегичева подтверждаются другими свидетельствами. Близкая знакомая Бегичева, Е. И. Раевская, в своих неопубликованных воспоминаниях также утверждает, что Грибоедов «в павильоне его сада, в Ефремовском уезде, написал бессмертную свою комедию „Горе от ума"»[26]. Гостившая у С. Н. Бегичева летом 1823 г. Е. П. Соковнина писала о том же, приводя некоторые подробности, в частности, о том, как драматургу пришла мысль изобразить пререкания супругов Горичей.

В 1868 г. Я. Ф. Березин-Ширяев издал «Материалы для библиографии, или Обозрение русских и иностранных книг...» (выпуск III), где сообщал, что комедия Грибоедова написана была в Тифлисе в 1822 г. С. А. Соболевский исправил эту ошибку, написав на полях: „Горе от ума" вряд ли писалось в Тифлисе: Грибоедов в Москве читал мне кое-что из него по мере и в день написания»[27].

---

[24] *Гачечиладзе А.* Грибоедов в Грузии//Литературная Грузия. 1969. № 5—6. С. 164—167.

[25] Воспоминания 1929. С. 10, 12.

[26] ГЛМ. Ф. 2893. Л. 15.

[27] *Берёзин-Ширяев Я.* Мое знакомство и переписка с С. А. Соболевским//Рус. архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 386.

Исследователи, полагавшие, что вся комедия создавалась в Тифлисе, ссылаются обычно на дневник В. К. Кюхельбекера, где сказано: «...Грибоедов писал „Горе от ума“ почти при мне...» Но Кюхельбекер общался с Грибоедовым не только в Тифлисе в 1821— 1822 гг., но и в Москве в 1823—1824 гг. Примечательно свидетельство Ю. Н. Тынянова (владевшего архивом Кюхельбекера, погибшим во время Великой Отечественной войны), что осенью 1823 г. Кюхельбекер «побывал в деревне Бегичева»[28].

В сентябре, вернувшись в Москву, драматург свою работу продолжил, тем более что новое пребывание в «отставной столице» давало ему много новых бытовых наблюдений. Созданное им произведение он уже читал здесь в литературных кругах. Первое чтение состоялось на масленице у директора московских театров Ф. Ф. Кокошкина, где, кроме хозяина дома, присутствовали В. Л. Пушкин, С. П. Жихарев, Ф. И. Толстой, М. С. Щепкин. «Грибоедов с небольшими перерывами,— вспоминал А. А. Стахович,— прочел всю комедию. Восторг был общий, после чтения сейчас же сели за блины. Понятно, за завтраком только и говорили, что о комедии; разбирались характеры, положения действующих лиц, восхищались верностью языка, мастерством стиха, который казался простою разговорною речью...»[29]. Второе чтение у Кокошкина было уже для более широкого круга, и тоже с большим успехом. По словам Пимена Арапова, Грибоедов познакомил со своей пьесой ведущих московских артистов и, в частности, со Щепкиным проработал роль Фамусова.

Именно к этому времени следует отнести рассказ П. А. Вяземского о том, как он дал драматургу совет разделить одну из реплик комедии между Чацким и Лизой, что и получило отражение в Музейном автографе (см. с. 310).

Однако некоторые москвичи, приняв грибоедовскую сатиру на свой счет, повели борьбу с новой комедией. Генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын заявил, что Грибоедов своим произведением «на всю Москву на-

---

[28] *Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1939. С. XXXIII (Библиотека поэта, Большая серия); Рус. литература. 1974. № 3. С. 200—201.

[29] *Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 144—145.

писал пасквиль» и оскорбил русское дворянство. Сестра Грибоедова, Мария Сергеевна, говорила потом его биографу, Д. А. Смирнову: «Я предупреждала Александра <...> что он с комедией наживет кучу врагов себе, а еще более мне, потому что станут говорить, что злая Грибоедова указывает брату на оригиналы»[30].

Директор московских театров Ф. Ф. Кокошкин, убежденный классицист, от которого зависела постановка комедии на театре, также занял по отношению к ней враждебную позицию. По свидетельству С. П. Жихарева, с его доноса губернатор Голицын и произнес свой приговор «пасквилю»[31]. Кокошкин же поощрял пасквилянтские эпиграммы на «Горе от ума» своего подчиненного А. И. Писарева, которые даже с ведома директора императорских театров произносились в театре со сцены.

При таких условиях рассчитывать на снисходительность московской цензуры относительно его «антимосковской» пьесы драматургу не приходилось, и в июне 1824 г. Грибоедов отправился в Петербург, уповая на покровительство высоких столичных сановников. Раннюю рукопись комедии, очевидно, уже перебеленную, он оставил в Москве у С. Н. Бегичева. На дороге, размышляя о пьесе, он наметил многие переработки, в частности, явилась счастливая мысль усложнить и развить последнюю сцену: когда не только Чацкий из-за колонны (как в ранней редакции), но и Софья со своего верха наблюдают низкое поведение Молчалина в сцене с Лизой; разоблачение Молчалина происходит таким образом и в глазах Софьи и становится сокрушительным, а переживания Софьи трагическими; тем самым значительно усложнился и углубился и ее образ. Сценическая интрига и развязка пьесы получили совершенно иной, драматургически усложненный вид. Вся комедия как бы преобразилась от удачно найденного нового сюжетного хода.

Из Петербурга специальным письмом, посланным с оказией, драматург извещал друга о новых поправках: «Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят

---

[30] Рус. архив. 1874. Кн. 1, № 6. Стлб. 1555.
[31] См.: Рус. литература. 1974. № 3. С. 203.

стихов, или, лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде я читал ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 *чтений*. Нет, обчелся,— двенадцать...»

О дальнейшей судьбе рукописи «Горя от ума» сохранился рассказ А. А. Жандра в передаче Д. А. Смирнова (см. выше, с. 265).

Если бы приведенный рассказ Жандра был точен, можно было ожидать, что при просмотре неавторизованных списков «Горя от ума» обнаружатся такие, в которых позднейших авторских исправлений не содержалось бы (ср.: «она („канцелярия".— *Ред.*) списала „Горе от ума" и обогатилась, потому что требовали множество списков»). Таких списков, однако, нет ни в одном из архивохранилищ страны.

Без помощи автора «брульоны» Грибоедова, очевидно, не могли быть скопированы. Автор же мог работать только с одним переписчиком. Следовательно, с «брульонов» первоначально был сделан только один список. Это и понятно. Приехав в Петербург 1 июня 1824 г., Грибоедов надеялся провести свою комедию в печать и не был поэтому заинтересован в распространении рукописных копий пьесы. Только в середине октября того же года писатель стал поощрять создание списков «Горя от ума». 17 октября 1824 г. он пишет Катенину: «Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. (Жандр.— *Ред.*) везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку» (III, 162).

В северной столице драматург вращается в высочайших сферах, среди вельмож, от которых непосредственно зависит цензура; он представлен великому князю Николаю Павловичу, будущему императору Николаю I... Он читает свою пьесу во многих домах, о ней везде много толков.

Несмотря на все это, хлопоты о продвижении комедии в печать ни к чему не приводят. Автор готов идти на уступки: «Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор,— пишет он Бегичеву,— так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю старое, так что, кажется, работе конца не будет...» (III, 155).

Эта разрушительная работа получила отражение только в изуродованной публикации «Русской Талии», другими источниками она не подтверждается.

Грибоедов впадает в отчаяние. В один из вечеров, вернувшись от М. Я. Фока (начальник Особой канцелярии министерства внутренних дел, ведавший политическим сыском и цензурой), в остервенении Грибоедов рвет всякий листок бумаги, подвернувшийся под руку.

И это понятно: иные друзья драматурга, ознакомившись с произведением, более трезво расценили его шансы пройти сквозь цензурные рогатки: П. А. Катенин, с 1822 г. пребывавший на правах ссыльного в своей костромской деревне, удивлялся даже наивному желанию Грибоедова видеть столь острую вещь напечатанной. «Грибоедов теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии „Горе от ума“,— писал в одном письме актер В. А. Каратыгин,— которой вряд ли быть пропущенной»[32].

«Коли цензура наша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — пишет драматург Н. И. Гречу в октябре 1824 г.— Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в Альманахе» (III, 164).

Видимо, тогда уже намечалась такая возможность: Ф. В. Булгарин собирал в это время театральный альманах «Русская Талия на 1825 год», и ему удалось провести туда явления 7—10 акта I и весь акт III, но в чудовищно общипанном и искаженном виде. Это стало возможным потому, что в порядке исключения цензурование альманаха от Особой канцелярии министерства внутренних дел было передано министерству народного просвещения, попечителю учебного округа.

---

[32] Рус. архив. 1871. Т. 6. С. 241.

Эта частичная и ущербная, к тому же и весьма малотиражная (часть тиража еще и погибла в наводнение 1824 г.) публикация сыграла, однако, важную роль: она как бы легализовала комедию, дала основание и возможность обсуждать ее в печати; причем обсуждению подверглась вся пьеса, уже известная по многочисленным спискам, быстро распространившимся по стране.

Списков, снятых с рукописи комедии до первого ее издания и затем размножившихся, насчитывали до «сорока тысяч» (цифра, несомненно, преувеличенная); эти списки все же намного превышали своим числом самые многотиражные издания того времени.

Первые списки с рукописи Грибоедова стали возникать в Москве зимой 1823—1824 гг. Имеются сведения о списках И. П. Скобелева и кн. В. П. Волконской, до нас не дошедших. Список И. П. Бехтеева возник в 1824 г., но восходит он к ранней редакции комедии. Когда Грибоедов прибыл в Петербург (1 июня 1824 г.) и внес в Жандровскую рукопись свои окончательные доработки, списки стали распространяться и в Петербурге, оттуда — в провинции. Сам Грибоедов так писал об этом С. Н. Бегичеву 10 июня 1825 г.: «Все просят у меня манускрипта и надоедают». С копий снимались новые копии.

Между Музейным автографом и Жандровской рукописью была, по-видимому, еще одна рукопись, с которой Грибоедов приехал в Петербург,— перебеленная с Музейного автографа и обильной правкой превратившаяся в «брульоны», до нас не дошедшая. Потребовалось ее новое перебеление, что и было сделано «канцелярией» Жандра: около августа 1824 г. возникла Жандровская рукопись. Текст «брульонов» Н. К. Пиксанов назвал «посредствующей редакцией». Приметы этой редакции выявляются сличением окончательного текста Музейного автографа с первоначальным текстом Жандровской рукописи. Наиболее характерная особенность этой редакции — другой текст последнего монолога Чацкого. В Жандровской рукописи этот монолог имел сначала иной вид, отличный и от Музейного текста, а затем вырезан и заменен новым, окончательным; однако часть прежнего текста сохранилась. Кроме того, в ряде списков, в остальном совпадающих с Жандровской рукописью, последний монолог Чац-

кого дан не в окончательной редакции, а в иной, средней между ней и Музейным автографом, и совпадает с фрагментами этого монолога, сохранившимися в Жандровской рукописи. Таковы, например, список С. А. Великанова из собрания Н. К. Пиксанова (ИРЛИ. Ф. 496. Оп. 2. № 28), список М. И. Семевского (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 792); список, принадлежавший М. Налбандяну[33]. Эти списки, сохранившие нам «посредствующую» редакцию монолога, свидетельствуют о том, что Грибоедов все же разрешил копирование Жандровской рукописи до того момента, как в нее были вписаны все последующие изменения. Жандровская рукопись была уже переработана, казалось бы, окончательно; но после этого драматург создал новую редакцию монолога. Это была самая поздняя переработка текста комедии Грибоедовым.

Н. К. Пиксанов приводит текст этого монолога в «посредствующей» редакции[34] — по одному из списков, в других списках имеются незначительные разночтения (см. наст. изд., с. 253).

Когда в 1833 г. появилось первое издание пьесы, списки делались и с него, поскольку тираж издания не удовлетворял спроса, а кроме того — не устраивали и цензурные изъятия текста, вследствие чего известно много экземпляров изданий 1833 и 1839 гг. с вписанными в них от руки изъятыми цензурой текстами.

Комедия Г. о. у. распространялась в списках до 1862 г., когда было разрешено печатать ее в относительно полном виде.

Списки комедии неравноценны по качеству и научному значению. Есть много списков, примечательных в том или ином отношении.

Один из списков, поступивший в 1928 г. в ГИМ от М. Бибиковой, имеет надпись: «Верно с подлинным манускриптом, полученным мною от самого Автора. Тайный советник Жандр»[35].

Известен список, принадлежавший декабристу А. И. Черкасову (ГЛМ). Список декабриста Ф. П. Шахов-

[33] См.: Рус. литература. 1972. № 4. С. 105—110.

[34] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 133.

[35] ГИМ. Арх. № 86085/1431. Эту «парадную» рукопись, очевидно 1840-х гг., иногда принимают за «Жандровскую рукопись», что случилось даже с таким знатоком Грибоедова, как И. К. Ениколопов.

ского (РГБ) содержит на полях копии помет Ф. И. Толстого («Американца»), узнавшего себя в образе «ночного разбойника, дуэлиста». Подлинные пометы Ф. И. Толстого — на полях другого списка, тоже хранящегося в РГБ. Декабрист А. С. Гангеблов снял свой список «еще в Петербурге, вскоре после того, как сам Грибоедов читал (как говорили, в первый раз) это свое творение у Федора Петровича Львова»[36]. Этот список не сохранился.

Студент Московского университета А. Г. Ротчев распространял Г. о. у. среди офицеров московского гарнизона.

Уваровский список (ГИМ) снабжен акварельными заставками и иллюстрацией неизвестного художника, изображающей сцену Молчалина с Лизой из действия IV. Эта иллюстрация была воспроизведена потом К. А. Полевым в первом петербургском издании комедии (1839).

Многие списки имеют на полях или специальных листах различные замечания владельцев, стихотворения, посвященные Грибоедову, вольнолюбивые стихи Рылеева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, перекликающиеся своим содержанием с великой комедией Грибоедова[37].

Списки комедии Грибоедова тщательно собираются и изучаются, устанавливается их филиация, особенно если эти списки — прижизненные, т. е. датируются 20-ми годами XIX в. Однако значение их при установлении текста Г. о. у. вполне вспомогательно. По сведениям П. С. Краснова, в основных архивах Москвы насчитывается около 300 списков «Горя от ума». В С.-Петербурге их не меньше (только в ПД — около 100). Немало списков и в других городах[38].

---

[36] Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888. С. 171—172.

[37] См.: Вопросы литературы. 1966. № 10. С. 253—257.

[38] Сведения об отдельных списках комедии см. в след. публикациях: *Пустынник Горетубанский* (Д. Е. Зубарев). Письмо к издателю // Тифлисские ведомости. 1832. № 3 (то же: Рус. старина. 1974. Т. X. № 7. С. 610—614); *Ильков В.* Новые варианты «Горя от ума» // Рус. старина. 1879. № 3. С. 567—575; *Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 137—140; Протоколы заседаний Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете за 1904—1905 гг. С. 27—30; *Кринский М.* Рукопись «Горя от ума» // Рус. слово. 1910. 10 сентября. № 208 (ср.: *О. В-н.* Новый список «Горя от ума» // Речь. 1910. 14 сентября. № 252); *А-ъ Ш-ъ.* Рукопись Грибоедова // Новое время. 1910. 14 сентября. № 12395; *Попова О. И.* Список «Горя от ума» декабриста А. И. Черкасова // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1. С. 497—504 (ср.: *Ло-*

Печатных изданий Г. о. у. насчитывается несколько сотен. Сам Грибоедов после частичной публикации пьесы в «Русской Талии» не добился ничего другого. В 1827 г. С. А. Соболевский предполагал издать альманах, куда хотел поместить и Г. о. у. Грибоедова. Издание этого альманаха не состоялось[39]. После смерти драматурга Ф. В. Булгарин, в 1831 г.— О. И. Сенковский безуспешно хлопотали об издании пьесы. Цензура ее упорно не пропускала в печать, хотя с 1830 г. она сначала отрывками, а затем полностью исполнялась на московском и петербургском театрах, а в 1831 г. была напечатана в Ревеле в стихотворном переводе на немецкий язык Карла Кнорринга с разрешения цензуры[40].

Но уже тогда Кнорринг не был единственным переводчиком «Горя от ума»[41]: одновременно с ним готовил свой

мунова М. «Разлилась бурным потоком» // Лит. Россия. 1970. 16 января. № 3. С. 15); *Богословский П. С.* Уральский список «Горя от ума». Уч. зап. Пермского ун-та. 1929. № 1. Вып. 1; *Игнатьева А. И.* Новый список «Горя от ума» // Вопросы литературы. 1967. № 9 (ср.: *Игнатьева А. И.* История текста «Горя от ума» как выражение идейно-художественной эволюции Грибоедова. Автореф. канд. дисс. М., 1971); *Калугин А. И.* Старинный альбом. Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 254; *Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. Л., 1969. С. 133, 137, 162; *Бирюков В. П.* Записки уральского краеведа. Челябинск, 1964. С. 61—64; *Ласунский О.* Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966. С. 170—173 (ср.: В мире книг. 1963. № 10. С. 46); *Аристов В.* Подарок декабриста (по страницам неизвестных рукописей и забытых книг). Казань, 1970. С. 3—11 (ср.: Казань в истории русской литературы. Сб. 2. Казань, 1968. С. 93—105); *Гладыш И. А., Динесман Т. Г.* «Горе от ума». Страницы истории. М., 1971 (рец. П. С. Краснова: В мире книг. 1971. № 12. С. 45); *Васильев А.* «Горе от ума» издавалось в Осташкове // Калининская правда. 1970. 18 января. № 14; *Фомичев С. А.* К истории текста «Горя от ума» // Литературное наследие декабристов. Л., 1975; *Вельяшев Вл.* Неизвестный список «Горя от ума» // Огонек. 1976. № 38. С. 20.

[39] См.: Лит. наследство. Т. 58. С. 65.

[40] Горе от ума, oder Leiden durch Bildung: Lustspiel in vier Aufzugen, aus dem Russischen des Gribojedow. Russische Bibliothek für Deutsche/Von Karl von Knorring. Drittes Heft. Reval, 1831 (цензурное разрешение Ф. Эрдмана. Дерпт, 18 сентября 1831). Перевод был сделан с полного, но, по-видимому, не вполне исправного списка. Например, в рукописи, очевидно, в перечне действующих лиц относительно Фамусова значилось: «управляющий казенным лесом» (вместо: местом), что и дало переводчику основание именовать Фамусова: «Oberforstmeister». Зато многие места, подвергшиеся в русских изданиях цензурным изъятиям или переделкам, переданы в переводе полностью.

[41] Подробнее см. об этом: *Шадрин Н. Л.* Идиоматика «Горя от ума» в западноевропейских переводах//А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 164—191.

(прозаический) перевод берлинский актер Л. Шнайдер. В специальной статье, посвященной этому переводу, указывается, что в чисто хронологическом отношении Шнайдера можно даже считать предшественником Кнорринга. Однако судьба этих двух переводов была неодинаковой. Если перевод Кнорринга вызвал живое внимание тогдашней немецкой критики, отметившей как его достоинства, так и недостатки (например, не вполне удавшуюся передачу своеобразных свободных стихов и языковых особенностей комедии), то работа Шнайдера фактически осталась почти незамеченной. Это объясняется не столько тем, что она была напечатана в малоизвестном театральном издании, сколько ее недостаточно высоким литературно-художественным качеством. К тому же переводчик весьма вольно обошелся с текстом комедии: многие реплики в диалогах объединены, а «примерно 350 строк оригинала не находят в переводе никакого соответствия».

В 1831 г. ходатайство о публикации пьесы возбудили вдова драматурга, Н. А. Грибоедова, и сестра его, М. С. Дурново. Цензор Л. Цветаев отклонил их ходатайство, но представил свое заключение на усмотрение цензурного комитета[42]. Дело перешло в Главное управление цензуры. После специального обращения министра С. С. Уварова к царю — 21 августа 1833 г.— разрешение было дано. Результатом явилось первое издание Г. о. у. (М., 1833). Второе, петербургское, вышло в 1839 г. Оба эти издания имеют значительные изъятия и искажения цензурного характера. Действовало распоряжение Николая I — печатать текст «от слова до слова, как играется» на театре, для чего «взять манускрипт из здешнего театра».

Петербургские театральные копии, как показало их изучение, восходили к Булгаринскому списку, но текст в них сильно искажен цензурой и крайне небрежным переписыванием. К ним восходят и московские списки, хранящиеся в библиотеке Малого театра.

В 50-е гг. XIX в. театральным спискам придавалось большое значение при издании Г. о. у., поскольку действовало распоряжение Николая I о печатании комедии именно по театральному списку. Текст этих списков представлялся наиболее авторитетным, хотя на самом деле он

[42] См.: Центральный архив г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 83. Л. 28 об.

отличался искажениями и изъятиями, которые отсюда переходили и в печатные издания.

Любопытен практический совет, данный читателям первого издания О. И. Сенковским в рецензии на него: «В этом издании примечаются некоторые маловажные пропуски против рукописных экземпляров, которыми наводнена Россия: память нынешних читателей легко пополнит подобные места при чтении»[43].

Известны два подпольных бесцензурных издания полного текста Г. о. у. (ныне хранятся в ИРЛИ и РНБ) без указания года и места выхода. С 1858 г. стали появляться бесцензурные издания комедии за рубежом — по полным спискам ее, обращавшимся в России.

В 1854 г., когда кончился действовавший в то время 25-летний срок исключительного права наследников на издание, вышло сразу семь изданий комедии и первое собрание сочинений в издании А. Смирдина, но все они оставались по тексту искаженными и неполными.

В феврале 1860 г. «Торговый дом Похитонова, Струговщикова, Водова и К°» возбудил ходатайство о печатании комедии Грибоедова в ее полном составе. На это ходатайство Главное управление цензуры ответило, что «за силою высочайшего повеления, объявленного министром императорского двора от 1 марта 1857 года за № 1204, вышеозначенная комедия не может быть дозволена к печати в том виде, как просят вышеозначенные торговые дома»[44].

Только начиная со второго издания Н. Л. Тиблена (СПб., 1862) возникла возможность печатать полный текст, причем настойчивому издателю удалось этого добиться только после второго ходатайства и многих хлопот[45]. На составленных Цензурным комитетом выписках ранее не допускавшихся мест Александр II написал карандашом: «Полагаю возможным все напечатать»[46]. Только после этого цензор В. Бекетов дал разрешение на печатание. Текст Г. о. у. с этого времени освободился от цензурных увечий в печати.

---

43 Библиотека для чтения. 1834. Т. I, № 1. Отд. VI. С. 43—44. Без подписи.

44 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5845. Л. 4 об.

45 См.: *Баренбаум И.* К истории первого полного издания «Горе от ума»//Вопросы литературы. 1969. № 8. С. 253.

46 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5845. Л. 10.

Однако сценический текст оставался урезанным почти до 1917 г. Специальное разъяснение на этот счет содержалось в особой записке Цензурного комитета: «Места, подвергавшиеся до сего времени исключению, Цензурный комитет полагал бы возможным восстановить к печати, как подробно объяснено в прилагаемой ведомости, не дозволяя их, однако, к сценическому представлению, так как чтение комедии доступно только для лиц, по большей части уже несколько развитых и одаренных правильным тактом понимания, тогда как представление комедии на сцене доступно всем без исключения»[47].

Однако, когда цензурные ограничения были сняты, не оказалось достаточно авторитетных источников текста или их значение не было осознано, как это случилось, например, с Булгаринским списком. Проблема осложнялась и затемнялась фальсификациями (И. Д. Гарусов — в издании 1875 г.) и дилетантской работой (Ю. Э. Озаровского в 1905 и 1911 гг.; П. П. Гнедича в 1919 г.).

Свое второе издание комедии, выпущенное вскоре после «первого полного», Н. Л. Тиблен подготовил по Жандровской рукописи, предоставленной ему самим А. А. Жандром.

Булгаринская рукопись, хранившаяся в семье Ф. В. Булгарина, в 1879 г. была принесена его сыновьями в дар Публичной библиотеке[48]. До этого в 1874 г. ее изучал и воспроизвел в своем издании И. Д. Гарусов, но совершенно не оценил ее значения, дав большую веру явно фальсифицированному Лопухинскому списку, вследствие чего текст комедии, напечатанный Гарусовым (СПб., 1875), во многом совершенно расходился с общепринятым грибоедовским текстом.

Редактировавший в 1875 и 1878 гг. отдельное издание комедии Алексей Н. Веселовский не имел доступа ни к Жандровской, ни к Булгаринской рукописям и дал компилятивный «свод наиболее достоверных редакций» (куда были включены и фальсификаты И. Д. Гарусова).

Компилятивным («сводным», по определению самого редактора) оказался текст Г. о. у. и в двухтомном издании сочинений Грибоедова под редакцией И. А. Шляп-

---

47 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5845. Л. 7 об., 8 об.

48 См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1879 г. СПб., 1880. С. 65—66.

кина (СПб.: издание И. П. Варгунина, 1889), хотя он уже имел под рукой Булгаринскую и Жандровскую рукописи.

В 1903 г. появилось издание Музейного автографа, поступившего к тому времени в московский Исторический музей. Высокая авторитетность этой рукописи, писанной по преимуществу самим Грибоедовым, побудила редакторов вводить в печатные тексты ее специфические варианты, отмененные последующей работой драматурга над текстом. Так же поступали театры (чему наиболее яркое свидетельство — постановка В. Э. Мейерхольда в 1928 г., в которой даже заглавие было заимствовано из ранней рукописи: «Горе уму»).

С 1902 г. началась исследовательская работа Н. К. Пиксанова. В томе II ПССП, а также в особом издании Жандровского списка (см. с. 346) исследователь доказал большое значение авторитетных источников текста Г. о. у.— Жандровского и Булгаринского списков, впервые в истории изданий комедии установил ее текст на основе научных принципов и опроверг распространенный скептический взгляд на возможность стабильного текста Г. о. у. (проф. Б. В. Варнеке, П. П. Гнедича и др.).

Подготовленная к 1920 г., но вышедшая из печати в 1928 г. книга Н. К. Пиксанова «Творческая история „Горя от ума“»[49] стала обобщением и итогом многолетних работ исследователя о жизни и произведениях Грибоедова и представляет собой наиболее тщательное и полное изучение текста великой комедии. В системе работ Н. К. Пиксанова о Грибоедове она занимает центральное место и представляет собой принципиально новое слово в науке, классический литературный труд, составивший целое направление в литературоведении.

«...При наличии трех авторизованных рукописных текстов, плюс еще текст первопечатный,— справедливо утверждает Н. К. Пиксанов,— мы получаем богатые данные для творческой истории комедии и прежде всего — для установления ее окончательного текста. В отношении Грибоедова и его шедевра случилось то, что редко случается: творческая воля поэта осуществилась полностью в письменном тексте, и этот текст дошел до нас в желан-

---

[49] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; 2-е изд.— М.: Наука, 1971.

ной полноте и точности»[50]. По выявленным четырем источникам текст комедии устанавливается так надежно и прочно, как если бы она была напечатана при жизни самим автором.

Первую развернутую критику своей комедии Грибоедов получил от Катенина, которому был послан ее список. Письмо Катенина к Грибоедову не дошло до нас, но суть его замечаний о пьесе восстанавливается по письмам Катенина к Н. И. Бахтину. «Теперь в гору лезет,— пишет он 17 февраля 1825 г.,— на счету критиков Грибоедов за комедию „Горе от ума" <...> в ней ума и соли тьма, но план далек от хорошего... Стихи вольные и разговорные, побочные лица, являющиеся на один миг, мастерски обрисованы; жаль только, что эта фантасмагория не театральна: хорошие актеры этих ролей не возьмут, а дурные их испортят. Смелых выходок много, и даже невероятно, что Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать». «Ума в ней (в комедии.— *Ред.*) точно палата, но план, по-моему, недостаточен, и характер главный сбивчив и сбит (manqué); слог часто прелестный, но сочинитель слишком доволен своими вольностями; так писать легче, но лучше ли, чем хорошими александринскими стихами? вряд»[51].

Впрочем, можно представить катенинскую критику в более развернутом виде, обратившись к его «Размышлениям и разборам», появившимся в «Литературной газете» в 1830 г., но написанным значительно раньше. Все, что здесь говорится о «комедии нравов», впрямую относится к «Горю от ума». «Еще более (чем в комедии характеров.— *Ред.*),— считает Катенин,— прозы в комедии нравов, которой чуть ли не слишком благосклонно назначают обыкновенно второе место в списке родов. За сию честь всем вообще — каждая поодиночке дорого платится, ветшая чрезвычайно скоро, так что едва новое поколение сменит выведенное в ней на посмеяние, никому и смеяться охоты нет. Напирая преимущественно на странности, с

---

[50] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 157.

[51] Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911. С. 76—78, 74.

каждым днем исчезающие, имея при этом необходимость их усиливать сверх настоящего, без чего глазам современников, привыкшим к ним и дома, не покажутся странными, останавливаясь на одной наружной оболочке людской, почти всегда слабые по части завязки, коею нет ни места заняться драматическому сатирику, ни возможности существовать в быту ежедневном общества недеятельного,— сии комедии, вместе с платьем и прическою действующих лиц через несколько лет обращаются в карикатурные портреты, без красоты нестареющейся и без сходства с существующим, заслуживающие внимания в одном ученом, археологическом смысле. За то внове они нравятся чрезвычайно, особливо если злы, если сочинитель не боялся намеков личных и умел сговориться с насмешливым направлением ума на ту пору. Что ни говори, а немногие из авторов решаются предпочесть холодное уважение потомства, которого не услышат, готовому сейчас плеску и похвале».

В январе 1825 г. Грибоедов откликается на критику Катенина и формулирует собственные творческие принципы, реалистические по своей сути:

«Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе не справедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренность их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: „Шутить и век шутить, как вас на это станет!“ Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: „Не человек! змея!“, а после, когда вмешивается личность, „наших затронули“, предается анафеме: „Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!“ Не терпит подлости: „ах! Боже мой, он карбонари“. Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и

все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совѐршенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? „Сцены связаны произвольно". Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекает в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. „Характеры портретны". Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные — всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностью. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc., etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупец — антропос собственной фабрики, и несносен.

„Дарования более, нежели искусства". Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением, искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы,— тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficilis (замысловатые пустяки (лат.)— *Ред.*). Я как живу, так и пишу свободно и свободно» (III, 167).

На публикацию в «Русской Талии» первым откликнулся Н. А. Полевой в журнале «Московский телеграф»

(1825. Ч. I. № 2. 20 января). Его рецензия имела в виду альманах в целом, «первою статьей» которого он объявлял отрывки из Г. о. у. «Еще ни в одной русской комедии,— писал критик,— не находили мы таких острых, новых мыслей и таких живых картин общества, какие находим в комедии „Горе от ума". Загорецкий, Наталья Дмитриевна, князь Тугоухов, Хлёстова, Скалозуб списаны мастерскою кистью. Смеем надеяться, что читавшие и читавшия отрывок позволят нам от лица всех просить г. Грибоедова издать всю комедию: до того не можем сказать ни слова о завязке, развязке и роде комедии».

Н. Полевой сделал драматургу несколько замечаний, касающихся словоупотребления и «чистоты в стихах». Выражения вроде «черномазенький», «опротивит», «к прикмахеру», по мнению критика, «дерут уши».

Н. И. Греч в «Северной пчеле» (1825. № 15; подпись: Д. Р. К.) прямо указал на полный рукописный текст комедии: «Из рукописных произведений все истинные знатоки и любители отечественного слова восхищаются комедиею А. С. Грибоедова: „Горе от ума". Ее читают даже в позлащенных гостиных. Из напечатанного отрывка в „Русской Талии" никак нельзя судить о прелести целого. Прекрасные стихи, верное изображение характеров и странностей общества, высокие чувствования любви к отечеству, занимательность комических положений, все соединяется в этой пьесе. Безо всякого сомнения после „Недоросля" у нас не было ничего подобного».

А. А. Бестужев в альманахе «Полярная звезда» на 1825 г. зачислил комедию «в число первых творений народных» и оценил как «феномен, какого не видали мы от времен „Недоросля". Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее не смеявшись, не тронувшись до слез».

Нашлись, однако, два критика, встретившие комедию с резким и пристрастным недоброжелательством. Московский старожил М. А. Дмитриев, мемуарист, племянник баснописца, поместил статью «Замечания на суждения „Телеграфа"» (Вестник Европы. 1825. Ч. CXL. № 6). В его раздра-

женном отзыве отразился отчасти московский дворянский «патриотизм», выразившийся также в отзыве генерал-губернатора Москвы кн. Д. В. Голицына, заявившего, что Грибоедов «на всю Москву написал пасквиль» и оскорбил русское дворянство; сыграло роль и соперничество «Вестника Европы» с журналом Н. Полевого. М. Дмитриев особенно неудавшимся нашел характер Чацкого, будто бы напыщенно и шумно противопоставленного другим персонажам.

«Литературное староверство» М. Дмитриева вызвало отповедь О. М. Сомова, литератора из круга декабристов и Пушкина. В статье «Мои мысли о замечаниях г. Дмитриева в „Вестнике Европы“» (Сын Отечества. 1825. Ч. CI. Май. № 10), не отрицая слабости Чацкого, нетерпеливо высказывающего свои сентенции никчемным людям, которые его понимать не могут, Сомов пытался объяснить их психологически пылкостью его натуры. «Таков вообще характер людей пылких,— замечал Сомов,— и сей характер схвачен г. Грибоедовым с удивительной верностью». «Что касается до стихосложения,— писал он далее,— то оно таково, какого должно было желать в русской комедии и какого мы доныне не имели»; Грибоедов, по словам Сомова, «соблюл в стихах всю живость языка разговорного...».

Другим раздраженным зоилом, единомышленником М. Дмитриева, был водевилист А. И. Писарев. Пародируя имя и фамилию Ореста Сомова, он выступил под псевдонимом «Пилад Белугин» с мелочными придирками к комедии. Статья его называлась «Несколько слов о мыслях одного критика о комедии „Горе от ума“» (Вестник Европы. 1825. Ч. CXLI, № 10).

В. Ф. Одоевский опубликовал свой одобрительный отзыв о комедии в журнале «Мнемозина» на 1825 г. (ч. IV), а затем в «Московском телеграфе» (1825. Ч. III, № 10) напечатал резкие «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии: „Горе от ума“». Эту вторую статью Одоевский подписал инициалами «У. У.». Опровергнув пункт за пунктом пристрастные замечания Дмитриева, особое внимание Одоевский обратил на язык комедии, практическим доказательством богатства которого служит то, что «почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами».

А. И. Писарев в «Вестнике Европы» отвечал статьей «Против замечаний неизвестного У. У. на суждения о ко-

медии „Горе от ума“» (Вестник Европы. 1825. Ч. CXLIV, № 23—24).

Этой статьей закончилась полемика о Г. о. у. 1825 г., которой был недоволен и сам Грибоедов. Он отказался отправить в печать присланную ему горячую «антикритику» своего друга С. Н. Бегичева и писал ему 18 мая 1825 г.: «Ты с жаром вступился за меня, любезный мой Вовенарг. Благодарю тебя и за намерение и за исполнение. Я твою тетрадку читал многим приятелям, все ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, так, конечно, не от того, чтобы в ней чего-нибудь недоставало. Но слушай: я привык тебя уважать; это чувство к тебе вселяю в каждого нового моего знакомца; как же ты мог думать, что допущу тебя до личной подлой и публичной схватки<...>. Итак плюнь; <...> в одном только случае возьмись за перо в мою защиту, если я буду в отдалении, или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки. Теперешний твой манускрипт оставлю себе на память» (III, 172).

В. Ф. Одоевскому он написал 10 июня 1825 г.: «...хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань ответить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!» (III, 176).

Единственно достойным ответом «холопам „Вестника Европы“» Грибоедов полагал эпиграмму, которую он и пустил против М. Дмитриева и А. Писарева.

Из отзывов, не предназначавшихся для печати, наиболее существенным был отзыв А. С. Пушкина. С комедией Грибоедова он ознакомился по списку, привезенному ему в Михайловское И. И. Пущиным. Под свежим впечатлением от этого чтения, но не имея при себе текста комедии, Пушкин в письме к П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г. отметил в ней «много ума и смешного в стихах», но «во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен» (Пушкин. Т. XIII. Л., 1937. С. 137). Через несколько дней Пушкин снова развернул свое суждение в письме к А. А. Бес-

тужеву: «Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить:

Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следст<венно,> не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то ....., не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos de bal (бальные пересуды.— *Ред.*), сплетни, рассказ Репетилова о клубе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый,— вот черты истинно комического гения.— Теперь вопрос. В комедии „Горе от ума" кто умное действ<ующее> лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он,— очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым и тому подоб<ным>» (Пушкин. Т. XIII. С. 138).

Необходимо напомнить обстоятельства, которые обусловили это мнение Пушкина о пьесе. 11 января 1825 г. «Горе от ума» привез в Михайловское Пущин. Пьеса была прочитана наскоро (Пущин остановился в Михайловском лишь на один день), среди разговоров о многом другом[52].

Новизна драматургической формы, сама «мысль главная» грибоедовской комедии были засвечены и яркими

---

52 «Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин...», «эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться»— данные оговорки Пушкина в письме к Бестужеву недвусмысленно свидетельствуют о том, что список «Горя от ума» был не оставлен Пущиным в Михайловском, а увезён им обратно в Петербург.

стихами, и злободневными намеками. К тому же Пушкину такой Грибоедов, каким тот предстал в «Горе от ума», был непривычен. Пушкин хорошо знал его как автора салонных комедий, а этот жанр поэт ценил весьма высоко и в какой-то мере отталкивался от него в первой главе своего «романа в стихах». Характерна в этом смысле пушкинская обмолвка в письме к А. Бестужеву. Не признавая правдоподобия поведения Чацкого (мечет бисер перед свиньями!), Пушкин ссылается на комедию Грессе «Злой» («Cléon Грессетов не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей»), верно угадывая некоторое сюжетное сходство с ней грибоедовской пьесы, но не замечая того, что сюжетная схема здесь не просто повторена, а переосмыслена (Чацкий вовсе не эгоистичен в отличие от Клеона, «злого ума»).

Не меньшее значение при оценке Пушкиным образа Чацкого имело, конечно, и то обстоятельство, что в это время поэт работал над своим романом в стихах, в котором характер «умного светского человека» представлен в замкнутом Онегине. Чацкий же мыслил почти как Онегин, а вел себя подобно Ленскому. Но ведь это был совершенно иной характер!

В силу всех этих причин Пушкин не в полной мере оценил художественное новаторство Грибоедова, считая, что «цель его — характеры и резкая картина нравов». Между тем, несмотря на то что сатирическое задание комедии несомненно, «высшая цель» ее, конечно же, определяется духовными исканиями Чацкого. Пушкин почувствовал некоторую дистанцию, которая отделяла драматурга от его героя, но истолковал это обстоятельство как художественный просчет, в то время как Грибоедов, сочувствуя «мильону терзаний» Чацкого, вовсе не сливается в мироощущении со своим героем, видит больше его и потому сплошь и рядом оттеняет трагикомизм положений Чацкого, в которые он попадает, искренне веря, что стремление к личному счастью не противоречит (не должно противоречить!) служению истине.

История толкования комедии Грибоедова свидетельствует о том, что «Горе от ума» — одно из сложнейших произведений русской литературы. Сложность эта объясняется прежде всего сложностью самой русской жизни, отраженной в комедии не только со стороны явлений отсто-

явшихся, но и в ее потенциальных возможностях. В сюжете и проблематике «Горя от ума» есть та незаконченность, которую позже объявят характернейшей приметой русского романа, что обусловит и особую форму освоения традиций в русской литературе — в виде возвращения новых поколений художников к одним и тем же «проклятым вопросам», решение которых исторически затянулось. Так, и в комедии Грибоедова каждая новая эпоха находила свое «горе от ума». Были времена и исторически обусловленного непонимания Грибоедова, даже неприятия.

Таким неприятием был вдохновлен, в частности, разбор комедии Белинским в период его так называемого «примирения с действительностью». В конце 1830-х годов великий критик вступает в спор с просветительской философией, которая ненавистна ему в ту пору как теоретическая доктрина буржуазного миропонимания. Последовательно разоблачает он и рассудочность этой философии (которая кажется ему лишь апологией «здравого смысла», поверхностного и неглубокого), и один из ее важных составных элементов — исторический волюнтаризм («мнения правят миром»). Отсюда в конечном счете резкая и несправедливая оценка Чацкого («Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади»[53]), повлиявшая на критический разбор всей комедии.

Авторитет Белинского надолго определил оценку «Горя от ума», хотя живое воздействие комедии Грибоедова на последующую литературу этим, конечно, не уничтожалось.

Следует подчеркнуть, что, пережив период «примирения с действительностью» уже в конце 1840 г. (в начале которого была напечатана статья о «Горе от ума»), Белинский писал В. П. Боткину: «...всего тяжелей мне вспомнить о „Горе от ума“, которое я осудил с художественной точки зрения и о котором говорил свысока, с пренебрежением, не догадываясь, что это — благороднейшее, гуманистическое произведение, энергический (при этом еще первый) протест против гнусной расейской действительности...»[54].

---

[53] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 81.
[54] Там же. Т. 11. М., 1956. С. 576.

В эпоху 60-х годов в России, стоящей на пороге коренных политических перемен, комедия Грибоедова — с ее «единственным героическим типом русской литературы» (А. Григорьев) — обретает новую жизнь. Именно в это время передовой русской критикой акцентируется не просто стремление Чацкого к истине, а тот порыв к народу, который, несомненно, в нем ощущается. «Не велик промежуток между 1810 и 1820 годами,— писал А. И. Герцен,— но между ними находится 1812 год. Нравы те же, тени те же; помещики, возвращающиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, что было. И прежде всего в фокусе, в котором мир этот отражается, есть что-то новое... У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли. Образ Чацкого, меланхолический, ушедший в свою иронию, трепещущий от негодования и полный мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади; это — декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю <...> которую он не увидит»[55].

В 1872 году, откликаясь на постановку «Горя от ума» в Александринском театре, посвящает пьесе Грибоедова свой блестящий критический этюд «Мильон терзаний» И. А. Гончаров. В противовес широко бытовавшему мнению о пьесе как о сатирической картине нравов, для которой драматургическая форма будто бы была вполне условной, Гончаров убедительно проанализировал психологическую мотивированность сценического действия. «Давно привыкли говорить,— писал Гончаров,— что нет движения, то есть нет действия в пьесе. Как нет движения? Есть — живое, непрерывное, от первого появления Чацкого на сцене до последнего его слова: „Карету мне, карету!“ <...> Всякий шаг Чацкого, почти всякое слово в пьесе тесно связаны с игрой чувства его к Софье, раздраженного какой-то ложью в ее поступках, которую он и бьется разгадать до самого конца. Весь ум его и все силы уходят в эту борьбу: она и послужила мотивом, пово-

---

[55] *Герцен А. И.* Соч.: В 9 т. М., 1958. Т. 8. С. 386.

дом к раздражениям, к тому „мильону терзаний“, под влиянием которых он только и мог сыграть указанную ему Грибоедовым роль, роль гораздо большего, высшего значения, нежели неудачная любовь, словом, роль, для которой и родилась вся комедия... Чацкого роль — роль страдательная: оно иначе и быть не может. Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время и победительная. Но они не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие — и в этом их главное страдание, то есть в безнадежности успеха <...>. Чацкий сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей... Каждое дело, требующее обновления, вызывает тень Чацкого — и кто бы ни были деятели, около какого бы человеческого дела — будет ли то новая идея, шаг в науке, в политике, в войне — ни группировались люди, им никуда не уйти от двух главных мотивов борьбы: от совета „учиться, на старших глядя“, с одной стороны, и от жажды стремиться от рутины к „свободной жизни“ вперед и вперед — с другой»[56].

Вместе с «Евгением Онегиным» Пушкина «Горе от ума» стоит у начала русской реалистической литературы и сыграло исключительно большую роль в развитии всей русской литературы.

Действующие. *Казенное место* — присутственное место, одно из государственных учреждений.

Свояченица — сестра жены.

Г. Н. и *г. Д.* — Во многих изданиях эти инициалы печатались французскими литерами, и создавалось впечатление, что в д. III (явл. 14 и 15) говорят два француза, тогда как они ведут себя как исконные москвичи. Между тем инициал *N* в старину часто употреблялся в русской графике взамен русского *Н*. Инициал *Д* пишется в русской и французской рукописной графике почти одинаково. Показательно, что в единственной прижизненной публикации «Русской Талии» эти инициалы печатались по-русски.

Действие в Москве в доме Фамусова. — Предание отождествило «дом Фамусова» с одним из московских особ-

---

[56] *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 8. С. 13—32.

няков, принадлежавшим знакомой Грибоедова М. И. Римской-Корсаковой,— на Тверском бульваре против Страстного монастыря (Пушкинская площадь, дом 3; разобран в конце 1960-х годов). В одном из ранних списков «Горя от ума» мы находим соответствующую уточняющую ремарку: «Действие в Москве в доме Фамусова на Тверской улице» (Центральный гос. театральный музей им. А. Бахрушина, № 136813). Просторный вестибюль этого здания с широкой лестницей часто воспроизводился на сцене в четвертом действии комедии Грибоедова. Строгая композиция здания, подчеркнутая выступающим вперед фронтоном с пилястрами, дает основание отнести его к выдающимся произведениям школы архитектора М. Ф. Казакова. Оно было построено в конце XVIII века, пережило пожар Москвы в 1812 году. Арка вела в обширный — по московским обычаям — двор, который представлял собой целую усадьбу с флигелем, конюшнями, каретными сараями, помещениями для дворни. Через парадный ход с бульвара посетитель попадал в сени, из которых в бельэтаж двумя маршами разбегалась лестница, вверху окруженная балюстрадой (см.: Гершензон. С. 60; *Анциферов Н.* Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов. М., 1946. С. 183).

ДЕЙСТВИЕ I

Я в л. 1.17. *Амур* — в древнеримской мифологии бог любви; здесь это слово употреблено в переносном значении: «любовь».

20. *Переведу часы, хоть знаю, будет гонка.*— Гонка — согласно «Словарю Академии Российской», «продолжение действия гонящего и гонящегося за кем»; слово же «гонение» здесь объясняется так: «1. Собственно: настигание кого; бежание за кем, чтобы изловить; 2. Нападки, обиды, утеснение, искание чьей погибели» (Акад. словарь. Ч. 1. С. 1181, 1179).

21. *...часы бьют и играют.*— Комическая несуразица первых явлений пьесы (см. ниже реплику Фамусова: «То флейта слышится, то будто фортопьяно») объясняется особым качеством часовой музыки: «Стенные часы с флейтами в большой моде» (Московский телеграф, 1825, Прибавление. С. 87).

Я в л. 2.28. *Ой! зелье, баловница.*— Зелье — «1. Яд; 2. Порох; 3. В просторечном употреблении говорится о

резвых, блажных, неугомонных детях» (Акад. словарь. Ч. 2. С. 85).

Я в л. 3.73. *Счастливые часов не наблюдают.*— Возможно, реминисценция или калька из «Валленштейна» Ф. Шиллера: «Die Uhr schlägt nicht den Glücklichen». («Пикколомини», д. III, явл. 3).

Я в л. 4.90. *А всё Кузнецкий мост, и вечные французы...*— Кузнецкий Мост был одной из главных торговых улиц Москвы со многими французскими магазинами.

95. *И книжных и бисквитных лавок!* — На Кузнецком Мосту были книжные магазины, торговавшие иностранными, главным образом французскими книгами и принадлежавшие французам. Бисквитные лавки — кондитерские, куда заходили лакомиться молодые представительницы привилегированных сословий.

105. *Тот пристает, другой, всем дело до меня!* — В комедии «Студент», написанной Грибоедовым при участии П. А. Катенина (1817), был уже намечен образ подобного вельможи, Звездова. Ср.:

«1-й с л у г а *(входит)*. Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

З в е з д о в. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й с л у г а *(входит)*. Княжна Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

З в е з д о в. Какое дело? Когда она мне говаривала?

2-й с л у г а. Вчерашний день.

З в е з д о в. Все будет исполнено; вели ей доложить, что все будет исполнено.

3-й с л у г а *(входит)*. Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство...

З в е з д о в. Чего у меня просить! Убирайся к черту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что все будет сделано, непременно все, все, все.

3-й с л у г а. Да он сам приказал вам сказать, что он все уже сделал по вашему делу, только просит вас к себе...»

В других персонажах «Студента» также предвосхищены отчасти Молчалин (Полюбин), Скалозуб (Саблин).

131. *Берем же побродяг, и в дом, и по билетам.*— В дворянских семьях, кроме домашних гувернеров и учителей, бывали еще учителя приходящие; после каждого уро-

ка они получали «билеты» — квитанции, по которым потом начислялась плата.

133. *И танцам! и пенью!..*— Подсказываемое стихом ударение «пенью́» имеет прецедент в комедии Грибоедова «Молодые супруги», в реплике Эльмиры: «Я думала, к пенью́ прошла моя пора...»

134. *Как будто в жены их готовим скоморохам.*— В Древней Руси скоморохами назывались профессиональные, придворные и бродячие музыканты, певцы и плясуны; скоморохи бывали у богатых бар и в XVIII в. Потом слово «скоморох» употреблялось как синоним актера (с пренебрежительным оттенком).

137. *Дал чин асессора...*— Коллежский асессор — чин VIII класса в дореволюционной России, равный капитану в армии. Переход из IX класса в VIII, особенно для недворян, считался наиболее трудным. До 1845 г. с этим чином было связано получение потомственного дворянства.

152. *Сказать вам сон...* и т. д. Софья не просто придумывает некий сюжет: она его складывает из отдельных «эпизодов», почерпнутых из сонника. См., например, «Новый, полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще сонника, до сего времени, на российском языке не бывало; с приобщением старых баб забавной философии, выбранный из сочинений многих иностранных и в сногадательной науке искусных мужей, Варлаама и Иоанна Кенигсберга, расположенный азбучным порядком» (СПб., 1818):

Траву зеленую видеть во сне есть знак здоровья.

Траву увядшую видеть во сне значит болезнь.

Траву скошенную, но еще не собранную видеть во сне, по мнению некоторых, есть сон, предзнаменующий видящему его смерть, ибо она растет только из земли, а не от живых тел.

Темноту во сне видеть знак, предвещающий жалобу.

Тюрьма, виденная во сне, угрожает обманом, препятствием или же болезнью.

Предки наши, отец, дед, прадед, привидевшиеся нам во сне, значат заботу и печаль о старых и прошедших делах. Если они являются нам во сне веселы и дружелюбны, то значит, что сии дела желаемый нам конец получат. Но ежели они угрюмы и сердиты, то мы должны опасаться противного.

Чудовищ видеть во сне, таких, каких нет в природе, значит тщетную и пустую надежду.

Биться со свирепыми зверями есть сон для бедных щастливый и благополучный, обещает им богатство и зависимость от них многих людей. Богатым предзнаменуется чрез сей сон бесчестие и стыд от людей низкого звания. Часто сей сон значит болезнь, ибо как мы от диких зверей получаем раны, язвы и рубцы, так и болезни нас терзают...

Впрочем, существовал и литературный образчик истории, рассказанной Софьей. Мотив сна в русской литературе варьировала на разные лады поэзия Жуковского. Поэтому Грибоедов и предоставляет Фамусову, прослушавшему импровизацию дочери, повторить слегка перефразированные строки из баллады Жуковского «Светлана»: «Здесь большие чудеса, Очень мало складу».

Я в л. 5. 277. *Лечился, говорят, на кислых он водах...*— То есть на лечебных минеральных водах, в районе теперешнего Кисловодска. На вопрос о том, где Чацкий провел три года, М. В. Нечкина в устном докладе «„Горе от ума“ и Союз Благоденствия» (1942) утверждала, что Чацкий был за границей, ссылаясь, в частности, на Пушкина, согласно которому Чацкий сошел «с корабля на бал». Н. К. Пиксанов и Н. Л. Бродский возражали Нечкиной: ни сам Грибоедов, ни Пушкин не бывали за границей (на Западе), и Чацкому это не обязательно: «заграничную» школу они получали в России. Связь и разрыв Чацкого «с министрами» тоже не согласуется с пребыванием за границей; несомненно, что он был в Петербурге, где-то служил «в полку»...

На поставленный вопрос текст Грибоедова, впрочем, не дает определенного ответа; в Музейной редакции говорится еще, что Чацкий был в горах, наблюдал обвал; проезжал степью и т. д.

298. *И через три дни поседела.*— Форма «дни» характерна для современного Грибоедову живого разговорного словоупотребления — ср.: «Только что два дни начал выезжать» (из письма А. И. Татищева М. А. Волковой от 22 августа 1812 года // Отголоски 1812—1813 годов в письмах к М. А. Волковой. М., 1912. С. 36).

Я в л. 7. 306. *Ради*— старинная форма слова «рады». Прилагательное «ради» употреблено Чацким дважды — это архаическая форма, сохранившаяся в московском просторечии начала XIX в. «Форма на *-ы* для всех трех родов (кратких прилагательных.— *Ред.*) в твердом различии: добры, больны, сыты и пр., типичная у нас для литературной речи, установилась не сразу. Долгое время с ней конкурировала форма на *-и*, по происхождению мужского рода. Она постепенно вытеснялась формой на *-ы*. Еще очень распространенная в московских памятниках первой половины XVI в., с середины XVII в. она встречается только в единичных случаях, например в Книге о

ратном строе 1647 года: „братия пьяни, государи ради, они прости“, а в Уложении 1649 года только один раз: „поймани... пьяни“. Изредка она встречается также у писателей первой половины XIX столетия. Например, у Пушкина: „Взять тебя мы все бы ради“ („Сказка о мертвой царевне“); у Лермонтова: „Когда мы ради все отдать“ („Моряк“), „И три дня были пьяни/Все на подбор...“ („Сашка“) и др.» (*Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1952. С. 177). В данном случае Чацкий под влиянием нахлынувших воспоминаний употребляет слово «ради» в той форме, которая была для него обычна в юности. Сейчас же он, очевидно, привык говорить «рады» (ср.: «Он рад, но мы не рады»).

331—332. *С вопросом я, хоть будь моряк: Не повстречал ли где в почтовой вас карете?*—В неожиданном упоминании о моряке, возможно, содержится отсылка к популярной в те времена комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818), героем которой был отставной мичман Альнаскаров, мечтатель и прожектер. Известно также «продолжение» этой комедии, «Женитьба Альнаскарова» А. Маркова. Сообщение посредством дилижансов, или почтовых карет, в странах Западной Европы было введено еще в конце XVII в. В России первые дилижансы стали ходить по московско-петербургскому тракту с 1 декабря 1820 г. Один из первых пассажиров, Ф. Ф. Вигель, так описывал дилижанс: «Сидел я в экипаже, который казался тогда затейливым. Это была низкая кибитка, немного подлиннее обыкновенной, но она была прочно сделана, хорошо обтянута кожей и разгорожена надвое. Лежать было невозможно: четыре человека, разделенные перегородкой, сидели друг к другу спиной и смотрели двое вперед, двое назад по дороге. Как дотоле зимняя кибитка значила лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобретение, дилижансы прозвали нележанцами. Спутников было у меня только двое: старый немец-ремесленник с женою. <...> Одна просвещенная часть влечет за собою другую: дилижансы ввели к нам понятия о равенстве; надобно надеяться, что езда по железной дороге еще боле разовьет их...» (Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. 6. М., 1892. С. 28).

341. *Пикет* (фр. piquet)— карточная игра, в которую играют вдвоем.

356. *Всё тот же толк и те ж стихи в альбомах.*— «Каждая наша дама,— сообщалось в журнале «Благонамерен-

ный»,— непременно желает иметь альбом. На улицах, в кабинетах, в спальнях — везде вы увидите альбомы. <...> Маленькие альбомы, заключенные в ридикюлях, странствуют везде с нашими госпожами, точно так, как у школьников азбуки в их сумках. <...> „Неужели вы не сделаете чего-нибудь для моего альбома? — Многим вы написали такие премиленькие стишки!“ Вот как приветствуют теперь каждого, кого чуть подозревают в умении читать или писать» (Благонамеренный. 1820. № 7. С. 27—28). Характеристика разных видов альбомов содержится в «Записках москвича» П. Л. Яковлева (М., 1828. Кн. 1. С. 126) — в частности, и «альбомов девиц»: «В 8-ку. Переплет обвернут веленевою бумажкой. На первом листе советы от матери, стихи французские, английские, итальянские, из Жуковского, много рисунков карандашом. Травки и сушёные цветы между листов». В романе «Евгений Онегин» дается описание типичного альбома уездной барышни:

Сюда, назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь
Qu'écrirez-vous sur ces tablettes?
И подпись: t. á. v. Annette[1].
А на последнем прочитаешь:
Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня.

(VI, 77.)

359—360. (Пушкин. Т. VI. С. 77) *Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба Старинный, верный член до гроба?*— Английский клуб возник в конце XVIII в., но был закрыт в 1797 г. «за якобинство» и вновь открыт в 1802 г. В грибоедовское время он размещался на Большой Дмитровке, в доме Муравьева. Число его членов было строго ограничено уставом (около 600 человек), списки кандидатов (желающих поступить в клуб), как правило, были впятеро больше. Однако очередной кандидат не просто зачислялся на освободившееся место: он должен был представить рекомендацию члена клуба и после этого баллотироваться путем тайного голосования. Отметим один любопытный факт в истории московского Английского клуба. «1815. Марта 17-го дня, предложенный от члена г-на Сибилева из кандидатов в члены г-н Чатский, по бал-

[1] Что вы напишете на этих листках? Вся ваша Аннета (*франц.*).

лотированию не избран: положено баллов белых 67, черных 42. По сомнению предлагавшего вновь перебаллотирован и тоже не избран: положено баллов белых 48, черных 29» (Рус. архив. 1889. Ч. 2. С. 88). Упоминаемый здесь Сибилев — известный московский «оригинал», которого, между прочим, называли прототипом упоминаемого чуть ниже в комедии «черномазенького, на ножках журавлиных». Чатский не имеет, по-видимому, отношения к герою комедии, который состоял членом Английского клуба, как и Фамусов, как и Репетилов («Потом подумайте, член Английского клуба, Я там дни целые пожертвую молве Про ум Молчалина, про душу Скалозуба»). За особые заслуги тайным голосованием в Английский клуб избирались «почетные члены» с поднесением «пожизненного» билета. В 1830 г. этой чести был удостоен кн. Д. Е. Цицианов —«как восстановитель ныне существующего Английского клуба...» (Рус. архив. 1889. Кн. 2, № 5. С. 93). В «Записках» А. О. Смирновой (СПб., 1895. С. 95) утверждается, будто именно Цицианова имел в виду Грибоедов в этом месте Г. о. у.

362. *А этот, как его, он турок или грек?..* — И. Д. Гарусов (см.: «Горе от ума» А. С. Грибоедова. СПб., 1875. С. 168), ссылаясь на П. А. Вяземского, усматривал здесь намек на Сибилева. У Вяземского читаем: «Был еще оригинал, повсеместный, всюду являющийся, везде встречаемый... Он был вхож в лучшие дома. Дамский угодник, он находился в свите то одной, то другой московской красавицы. Откуда был он? Какое было предыдущее его? Какие родственные связи? Никто не знал, да никто и не любопытствовал знать. Знали только, что он дворянин Сибилев, и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостеприимная Москва не наводила генеалогических справок, когда дело шло о том, чтобы за обедом иметь готовый прибор для того или для другого. Сибилев имел в Москве, вероятно, двадцать или тридцать таких ежедневно готовых для него приборов <...> У него были кошачьи ухватки. Он часто лицо свое словно облизывал носовыми платками, которых носил в кармане по три и по четыре» (Рус. архив. 1872. № 2. С. 486—488). На иной прототип «черномазенького» указывал М. Гершензон. Это, по его мнению: «бессарабско-венецианский грек Метакса, который в 10-х и 20-х гг. бывал во всех домах<...>всюду завтракал и обедал, всюду делался нужным и порою за гла-

за обзывался „надоедалой". В 1816 г. Кристин пишет о нем княжне Туркестановой: „Как это вы не знаете Митаксы? Толстый, маленький, 35 лет, чернее цыгана, нос уже в гостиной, когда сам грек еще в передней, морской офицер (в отставке), имеет Георгия, живет у Варлаама, которому спас жизнь, когда слуги хотели его убить,— весь мир его знает и вы сто раз видели его у Ростопчина при мне в 1813 году. Софья (Римская-Корсакова.— *Ред.*) его знает, я часто встречался с ним у нее; он — завсегдатай Марьи Ивановны Корсаковой"» (Гершензон. С. 80—81). В ранней редакции «Горя от ума» «черномазенький» характеризовался несколько иначе:

А этот, как его, он турок или грек?
Известен всем, живёт на рынках?
Князь? или граф? Кто он таков?
Опустошитель всех столов
На свадьбах и поминках?

Это позволяет вспомнить ещё об одном московском оригинале, князе Александре Порюс-Визапурском. О нём, в частности, 12 февраля 1805 г. писал в своём дневнике соученик Грибоедова по Благородному пансиону С. П. Жихарев, отмечая скандальное происшествие в церкви Дмитрия Солунского, где, заслушавшись певчих, «черномазый Визапур — не знаю, граф или князь,— намедни пришел в такой восторг, что осмелился зааплодировать. Полицмейстер Алексеев приказал ему выйти». О вездесущем Визапуре («Куда ни сунься, тут как тут») свидетельствует его книга, изданная на французском языке: «Петербургские наброски» (1804) (см.: *Гуров Н. В.* «Тот черномазенький». «Индейский князь» Визапур в комедии «Горе от ума»//Материалы. С. 133—146).

367. *...трое из бульварных лиц...*—Из постоянных посетителей бульваров. Во времена Грибоедова бульвары были в Москве излюбленным местом гулянья — не только для простонародья (как Новинский бульвар), но и для бар. Тверской и Пречистенский бульвары играли в Москве роль петербургского Невского проспекта.

371—378. *А наше солнышко? наш клад? ∾ Певец зимой погоды летней.* (Ср. также действие II, стихи 365—372).— В грибоедовское время в Москве было несколько крепостных театров. В монологе Чацкого речь шла, по-видимому, об известном московском театрале Познякове, в театре

которого французы давали спектакли, когда заняли Москву в 1812 г. Об этом упоминает сам Грибоедов в плане драмы «1812 год» (см. т. 2 наст. изд.). П. А. Вяземский писал о Познякове: «Он приехал в первопрестольную столицу потешать ее своими рублями и крепостным театром. Он купил дом на Никитской (ныне принадлежащий князю Юсупову), устроил в нем зимний сад, театральную залу с ложами и зажил, что называется, домом и барином: пошли обеды, балы, спектакли, маскарады. Спектакли были очень недурны, потому что в доморощенной труппе находились актеры и певцы не без дарований.<...> Нечего и говорить, что на балах его, спектаклях и маскарадах не было недостатка в посетителях: вся Москва так и рвалась и называлась на приглашения его.

Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?

<...>Позняков самодовольно угощал Москву в своих покоях и важно на маскарадах своих расхаживал наряженный не то Персиянином, не то Китайцем. Нет сомнения, что о нем говорится в „Горе от ума“:

На лбу написано: театр и маскарад.

Не забыл Грибоедов и бородача, который во время бала, в тени померанцевых деревьев „щелкал соловьем“:

Певец зимой погоды летней».

(Рус. архив. 1873. № 10. С. 1983—1984; перепеч.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 8. СПб., 1883. С. 160—162). Другим прототипом грибоедовского театрала называли помещика Ржевского, продавшего свою балетную труппу дирекции императорских театров. «Он на эти фарсы пробухал 4000 душ»,— писал о нем А. Я. Булгаков (Рус. архив. 1901. № 5. С. 27—28, 31).

373. *Дом зеленью раскрашен в виде рощи...*— В грибоедовское время был обычай расписывать стены комнат цветами, деревьями; такие комнаты назывались боскетными.

377. *Был спрятан человек и щелкал соловьем...*— Сохранилось воспоминание, что у одного московского барина крепостной человек мастерски подражал щелканью соловья. В афише крепостного театра Юрасовских в Сурьянине Болховского уезда 11 мая 1828 г. между прочим пе-

чаталось: «Засим крепостной Петра Денисовича Юрасовского Тришка Барков на глазах у всех проделает следующие удивительные штуки: в дудку, пустым ртом соловьем засвищет, заиграет быстро на свирели, забрешет по-собачьи, кошкой замяучит» и т. д. (Факсимиле см. в брошюре «Именины». 1935).

379—380. *...книгам враг, В ученый комитет который поселился...* — Ученый комитет был учрежден в 1817 г. при министерстве духовных дел и народного просвещения. Он рассматривал учебники и пособия для школ всякого рода, а также проекты по учебной части, и проводил в делах просвещения реакционную политику. Печать и литература сильно страдали от придирок Ученого комитета.

386. *И дым Отечества нам сладок и приятен!* — Не вполне точная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798):

Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен,—

в свою очередь восходящего к «Письмам с Понта» Овидия (I, 3, 33):

Вне сомнений, Улисс был разумен, но даже Улисса
Стало с чужбины тянуть к дыму родных очагов.

(Перевод А. Парина.— *Публий Овидий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1978. С. 92). Выражения Овидия: «Fumus de patriis focis» и «dulcedo», явившиеся реминисценцией из «Одиссеи» Гомера (I, 57—58), породили пословицу: «Et fumus patriae dulcis» («И дым отечества сладок»). Известен ряд случаев использования этого выражения писателями и журналистами XVIII — нач. XIX в. еще до Грибоедова (см.: Лит. вестник. Т. III. Кн. 3. СПб., 1902. С. 327—328; *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М.: Худож. литература, 1966. С. 264—266). Так, у П. А. Корсакова в стихотворении «К родине» (1815):

И отчизны сладкий дым
Не явит очам моим
Места, где родился.

(Поэты 1790—1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. Б-ка поэта. Большая серия. С. 503). Однако в широкое обращение этот образ вошел как цитата из Г. о. у. На заимствованный характер стиха указал сам Грибоедов, выделив его курсивом.

389—390. *...всё девушкой, Минервой? Всё фрейлиной Екатерины Первой?* — Минерва (Афина) — римская (греческая) дева-богиня мудрости; фрейлина — придворная девица, состоявшая при императрице. Чацкий называет не Екатерину II, а Екатерину I, очень давно умершую, иронически указывая тем самым на древний возраст «фрейлины».

397. *В России, под великим штрафом, Нам каждого признать велят Историком и географом!* — Комментарии к этим строкам мы находим в официальном объявлении, напечатанном в газете в начале 1825 г. и напоминающем о существовании высочайшего указа о порядке найма учителей-иностранцев: «Министерство народного просвещения, опасаясь вредных для юношества последствий от допущения к воспитанию детей в частных домах наставников, не имеющих надлежащих свидетельств о своей способности, и в предупреждение обмана родителей, иногда слишком легковерно поручающих образование детей своих попечению людей, совершенно им неизвестных и по большей части пришельцев, долгом почло объявить во всеобщее сведение, что, по числу существующих в разных местах Российской империи учебных заведений, уже не может встретиться местных затруднений к получению установленных высочайшим указом 1757 года свидетельств о способности людей, предлагающих услуги свои для образования юношества. А потому представляющиеся на сей конец в частные домы учители без свидетельств должны быть почитаемыми или за людей неспособных к предполагаемому ими занятию, или же за таких, которые не могут предъявить достаточных удостоверений о качествах своих в нравственном отношении; к сему не излишним почитается присовокупить постановленное вышеозначенным указом правило, чтобы всякого, кто примет к себе учителя без аттестата, и за всякий таковой случай подвергать денежному штрафу 100 рублей» (С.-Петербургские ведомости. 1825. 16 января, № 5. С. 47). И строгий указ 1757 г., и разъяснение министерства в 1825 г. преследовали прежде всего цель не допустить к преподаванию лиц, «опасных в нравственном отношении» (это официальная формула для вольнодумцев).

400—401. *Наш ментор, помните колпак его, халат...* — Прообразом «ментора» (Ментор — в «Одиссее» наставник Телемаха, сына Одиссея) считают гувернера Грибо-

едова — Иоганна Бернгарда Петрозилиуса, впоследствии помощника библиотекаря Московского университета (о нём см.: *Дубшан Л. С.* Из московских лет Грибоедова// В кн.: Материалы. С. 29). В ранней редакции комедии строки эти имели иной вариант:

Я не могу забыть учительский халат,
Перст указательный, сияние гуменца
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних лет привыкли верить мы,
Что ничего нет выше немца...

(II, 121.)

Перст (церковно-книжн.) — палец.

404. *Что нам без немцев нет спасенья!* — Слово «немец» (от «немой», то есть не знающий русского языка) первоначально обозначало вообще любого иностранца и в таком значении сохраняло употребление еще в начале XIX в., особенно в простонародье. Ср. сохранившуюся в «Черновой тетради» Грибоедова запись: «Не славяне, а словене,— в противоположность немцам» (III, 100).

413—414. *Господствует еще смешенье языков: Французского с нижегородским?* (Ср. ряд других выпадов Чацкого по поводу злоупотребления французским языком в гостиных Москвы и Петербурга).— Слепое увлечение французским языком в барском обществе того времени подтверждается множеством фактов и находит отражение в других произведениях литературы. В воспоминаниях С. А. Пелли (Рус. старина. 1870. Т. II. С. 131— 132): «Когда вспыхнуло возмущение 14 декабря 1825 г., мне было пятнадцать лет: воспитывалась я тогда в С.-Петерб<ургском> *Патриотическом* Институте. При доходившем до нас громе орудий, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тем, начальница института г-жа Виссенгаузен стала говорить нам: „Это Господь Бог наказывает вас, девицы, за ваши грехи; самый главный и самый тяжкий грех ваш тот, что вы редко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете все по-русски“». Дворяне провинциальные, тянущиеся за столичной модой, наезжая в столицы по «приходским праздникам» и плохо владея языком, превращали свою речь в анекдотическое смешение. «Прототип» грибоедовской фразы находим в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола: «Я стал посреди залы; волны людей шумели около меня, но увы!.. Шу-

мели все по-французски. Редко, редко где выскакивало русское слово<...>. Из ста человек у нас (и это самая умеренная пропорция) один говорит изрядно по-французски, а девяносто девять по-гасконски; не менее того все лепечут каким-то варварским диалектом, который почитают французским потому только, что у нас это называется говорить по-французски.<...> Войди в любое общество: презабавное *смешение языков*! (Подчеркнуто Муравьевым-Апостолом.— *Ред.*) Тут услышишь нормандское, гасконское, русильонское, прованское, женевское наречия; иногда и русское пополам с вышесказанными.— Уши вянут!» (Сын Отечества. 1814. Ч. XII, № 7. С. 24). Возможно, в упоминании о «смеси французского с нижегородским» содержится и исторический штрих: в 1812 г. московские дворяне бежали из горящей Москвы на Волжские берега. Широкой известностью в то время пользовалось стихотворение В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода» с рефреном:

Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!

417. *Но мудрено из них один скроить, как ваш.*— В Музейном автографе эта реплика принадлежит Софье, в Жандровском и Булгаринском списках передана Лизе. В некоторых современных изданиях Г. о. у. предполагается, что это может быть ошибкой копиистов, не замеченной автором, ибо служанка-де не могла столь бесцеремонно вмешиваться в разговор господ. Это соображение само по себе едва ли основательно: Лиза в комедии ведет себя смело и непринужденно (правда, до первого окрика госпожи). Очевидно, следует принять во внимание и следующее обстоятельство: «Скоро после приезда в Москву,— вспоминал П. А. Вяземский,— Грибоедов читал у меня и про одного меня комедию свою. После падения Молчалина с лошади, испуга и обморока Софьи Павловны (действие 2, явление 8) Чацкий говорил:

Желал бы с ним убиться для компаньи.

Тут заметил я, что влюбленному Чацкому, особенно после слов:

Смятенье, обморок...
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга...—

неловко употребить пошлое выражение „для компаньи“, а лучше передать его служанке Лизе. Так Грибоедов и

сделал: точка разделила стих на два; и эта точка моя неотъемлемая собственность в бессмертной и гениальной комедии Грибоедова. Следовательно, и на мою долю падает чуть заметная гомеопатическая крупинка, о чем имею честь заявить нашим маклерам по части бессмертных и гениальных дел». (Воспоминания 1980. С. 87—88). Эту «точку Вяземского» мы действительно обнаруживаем в Музейном автографе. По-видимому, ввод Лизы в беседу Софьи и Чацкого в одном случае (по подсказке Вяземского) вызвал аналогичную ситуацию в первом действии, по той же самой причине (М. С. Щепкин справедливо считал, что «слово „скроить“ принадлежит горничной с Кузнецкого моста»).

426. *Ведь нынче любят бессловесных.* В Музейном автографе и Жандровском списке слово «бессловесных» Грибоедов подчеркнул, обращая внимание на его переносный смысл: в то время оно часто употреблялось именно в таком значении. Ср.: «Езоп достиг того же (мудрости.— *Ред.*), наблюдая бессловесных» (Сев. архив. 1828. Ч. 34. С. 221.) В «Словаре Академии Российской»: «Бессловесный —1. Не одаренный способностью говорить. Бессловесные животные. 2. Безответный, безмолвный»— Акад. словарь. Ч. 1. С. 162. Слово «бессловесный» соотнесено с животным, тварью. В своем «Дневнике» Кюхельбекер помечает: «Впрочем, явно, что автор и я под словом *ум* разумеем не одно и то же: у него ум — способность рассчитывать светские выгоды, обогащаться сведениями общеполезными; я называю умом — мыслящую силу — главное преимущество человека перед бессловесными» (*Кюхельбекер В. К.* Дневник... Л., 1929. С. 301). Для Софьи «безмолвие»— достойное в Молчалине качество; ср.: «Тот (Фамусов) часто без толку сердит, А он безмолвием его обезоружит».

Я в л. 10. 485. *Комиссия* (фр.: commission — поручение)— здесь в смысле: хлопоты, беспокойство.

ДЕЙСТВИЕ II

Я в л . 1. 2. *Календарь* — адрес-календарь, или месяцеслов,— ежегодно издававшаяся книга, содержащая разного рода сведения наряду с указанием учреждений и должностных лиц. «В московских календарях,— отмечал Осоргин,— исторических сведений сообщалось меньше (чем в петербургских. — *Ред.*), но зато при каждом ме-

сяце печатались „рассуждения, наставления и увещания“, почерпнутые из текстов св. писания, стихами и прозою, причём оставлялись четыре порожние страницы для записей. На этих страницах подённо предлагалось записывать „о добрых и худых делах наших“ на каждый день, а за месяц составлять сводку дел „для рассмотрения и изыскания причин, по которым мы сделали доброе или худое дело“. Последние страницы предназначались для отметки дней рождения и именин родни, друзей и благодетелей, а также для краткой записи всяких семейных и местных событий». (*Осоргин М. А.* Записки старого книгоеда. М., 1989. С. 271).

3. *Пономарь* — низший церковнослужитель, во время богослужения быстро читавший по книгам установленные молитвы.

20—21. *...камергер, С ключом...*— Камергер — придворное звание. Камергеры носили на парадных мундирах в качестве знака отличия золотой ключ.

Я в л . 2. 61. *Служить бы рад, прислуживаться тошно.*— Отношение к «службе», характерное для многих представителей молодого поколения того времени. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 1 октября 1823 г., как раз в пору наибольшего сближения с Грибоедовым: «Неужели почитаешь меня больным от неудачи по службе? Клянусь тебе честью, что предложи мне теперь первое место в государстве или приятнейшее по вкусам моим, то при нынешнем положении дел, которого не одобряю, отказался бы я от всего без малейшего усилия. Верь мне или нет, а это убеждение... Служить мне у нас в нашу пору было бы по мне — торговаться с совестью, или обманывать себя и других» (Остафьевский архив. II. С. 353). Имеются сведения, будто Грибоедов использовал здесь любимую поговорку своего друга, композитора А. А. Алябьева: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» (Веч. Москва. 1979. 20 января. № 17).

65—66. *...покойник дядя, Максим Петрович...*— Прототипом Максима Петровича считали екатерининского вельможу Н. Н. Новосильцева, жившего на покое в Москве и поражавшего всех великолепием и роскошью своей жизни. Однако круг лиц из числа «тузов», живших тогда в Москве, к которым подходила бы эта характеристика, был широким.

68. *Цуг* (нем. Zug)— поезд, богатый способ езды, при котором лошади запряжены гуськом, в две или три пары,

разрешавшийся только высшей знати (см.: Воспоминания 1980. С. 37).

73. *...тупеем не кивнут.*— Тупей (фр. toupet)— собранный над лбом пучок волос, чуб; старинная прическа.

74. *Вельможа в случае...*— Т. е. в милости, в «фаворе» у царя или царицы. Ср. у И. А. Крылова: «Слон в случае» (название басни). У А. С. Пушкина, в черновиках поэмы «Езерский» (1832):

Матвей Арсеньевич Езерский,
Случайный, знатный человек
Был [очень] славен в прош<лый> век.

У самого Грибоедова, в статье «Характер моего дяди»: «Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге...» (т. II наст. изд.).

80. *Куртаг* — старинное слово (из фр. cour — двор и нем. Tag — день)— приемный день при дворе. Что же касается происшествия на куртаге, то рассказ Фамусова вызывал в памяти читателя начала XIX в. комедию Я. Б. Княжнина «Чудаки» (1790), в которой один из героев вспоминал:

У милостивца мне Андроса то случилось:
В тот раз, чихнув, платок изволил уронить.
Обрадовавшись, я вдруг низко поклонился;
И, чтоб в усердии других опередить,
Как самый быстрый конь, платок поднять пустился;
Пол гладкий был, как лед; я как-то зацепился
И ногу повредил, ударившись виском.
Был долго болен я; с тех пор и глух и хром.

99. *Век нынешний и век минувший...*— С монологом Чацкого о «нынешнем» и «минувшем» веке в их отношении к верховной власти корреспондирует следующая выдержка из речи А. П. Куницына «Рассмотрение речи г. президента Академии наук...»: «Век лжи и лести кажется оканчивается. Дай Бог, чтобы он никогда не возвратился. Ныне и владыки мира говорят и любят правду; о царях судят с благоговением, но по чистоте сердца. Пусть одни наемники продолжают искусство лести. Круг людей, истинно образованных по уму и независимых духом от обыкновенных прельщений и страхов слабого сердца, отвергнет их с презрением, а общее мнение бросит лицемеров в касту юродивых, притворным беснованием вымаливающих деньги или улыбку у проходящих» (Сын Отечества. 1818. Ч. 46. № 23. С. 137—138).

121. *Карбонари* (карбонарий — *итал.* угольщик)— член революционной политической организации в Италии. Движение карбонариев, начавшееся в 1817 г., в 1820—1821 гг. приняло характер революции в Неаполе, Пьемонте и Папской области. В России декабристы горячо сочувствовали карбонариям и имели с ними некоторые связи (см.: *Ковальская М. И.* Итальянские карбонарии и передовая Россия//Вопросы истории. 1967. № 8. С. 78—90). Для читателей 1823—1824 гг. восклицание Фамусова о карбонарстве Чацкого имело всю остроту злобы дня.

Я в л . 3. 156. *Содом* — согласно Библии (Бытие, гл. 20), город, разрушенный Богом за грехи его жителей. В переносном смысле — беспорядок.

Я в л. 5. 222. *За третье августа, засели мы в траншею...*— По сообщению М. В. Нечкиной (см.: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 277—278), 3 августа 1813 г. никаких боевых действий не было, так как до 14 августа действовало Плесвицкое перемирие, русские войска стояли в Богемии и офицерство в основном веселилось в Праге, где в этот день состоялось свидание Александра I с австрийским императором Францем II. По этому случаю было роздано множество наград. Орден Скалозуба, таким образом, был получен не за реальное боевое дело; «подвиг» его в том и состоял, что они «засели в траншею». В. А. Солоухин (см.: *Солоухин Владимир.* Камешки на ладони. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 166) оспаривает это суждение, полагая, что словосочетание «третье августа» попросту наилучшим образом укладывалось в стих, потому и было выбрано Грибоедовым. Так же думает С. А. Рейсер. В пользу этого мнения свидетельствует вариант Музейной редакции: «За 3-тье августа, мы брали батарею...» Более убедительной представляется догадка Н. В. Королевой, любезно нам сообщенная, согласно которой речь идет не о 1813-м, а о 1812 г. 3 августа — знаменательная дата в истории Отечественной войны 1812 г. В этот день корпус генерала Раевского и дивизия генерала Неверовского заняли Смоленск и укрепились в нем — для прикрытия соединения двух отступавших русских армий на левом берегу Днепра. После этого началась трудная осада Смоленска французами, длившаяся до 6 августа, а русские войска успешно осуществили отход.

223. *Ему дан с бантом, мне на шею.*— Царские ордена прикреплялись к ленте присвоенного данному ордену цвета. Низшие ордена (IV и III степени) носились в петлице, и лента могла завязываться бантом; высшие (I и II степени) — на шее. Согласно разъяснению В. М. Глинки (Гос. Эрмитаж), «с бантом» — несомненно, орден Владимира IV степени, а «на шею» — почти бесспорно, Анны II степени: Владимира IV степени Скалозуб уже, очевидно, имел — согласно старшинству орденов. Если бы ему дали Владимира III степени, это нарушило бы принятую последовательность награждений.

226—228. *Но крепко набрался каких-то новых правил ∽ книги стал читать.*— В образе двоюродного брата Скалозуба видели декабриста П. Д. Черевина, который рано оставил военную службу и поселился в деревне, намереваясь заняться улучшением благосостояния крестьян. Черевин был автором исторических исследований и умер в возрасте 24 лет. Сочувственный некролог в «Вестнике Европы» (1824. № 14. С. 150—152) посвятил ему декабрист С. Д. Нечаев. В комедии А. А. Шаховского «Пустодомы» (1818) выведен такой же герой:

Фома

У князя, видно, ум зашел за разум?

Ванюша

Видно,
Когда из-за моря он в свой явился полк,
То, году не служа, в отставку стал проситься;
Толкуя вещи все на свой ученый толк,
Его сиятельство нашел, что не годится
Ему, как всем, ходить и в караул, и в строй;
Что офицерский чин для мудреца ничтожен,
Что он фельдмаршалом или ничем быть должен...
А чтобы не могла мешать ему жена
Дремать над книгами, в которых он зарылся,
Ей воля полная сорить казной дана...

(*Шаховской А.* Комедии. Стихотворения.
Л., 1961. С. 357.)

Грибоедов подобную охранительно-благонамеренную оценку «умника» передает в своей комедии Скалозубу и Фамусову, отражая явление, характерное для 20-х гг., как о том свидетельствовал, в частности, декабрист Каховский: «У нас молодые люди при всех скудных средствах

занимаются более, чем где-нибудь; многие из них вышли в отставку и в укромных своих сельских домиках учатся и устраивают благоденствие и просвещение земледельцев, судьбой их попечению вверенных» (Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 506). О таких же «молодых людях» вспоминал в своем предыдущем монологе Чацкий: «Кто путешествует, в деревне кто живет...» («Да он властей не признает»,— в ужасе откликался на это Фамусов).

271. *А в се́мью не включат.*— Необычное ударение находит соответствие в «Ябеде» (1798) В. Капниста (д. II, явл. 5): «Но, милый, не вошли еще вы в се́мью нашу...» (*Капнист В. В.* Сочинения. М., 1959. С. 83).

280. *...есть особый отпечаток...*— В «Рассуждении о старом и новом слоге» А. С. Шишкова слово «отпечаток» наряду с другими французскими кальками объявлялось «слишком странной новостью» (см.: Собр. соч. и переводов Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 286).

282. *...и вну́чат...*— Ср. в стихотворении П. А. Вяземского «Песнь на взятие Парижа» (до 1816 г.):

Москва! Твоих развалин вид
Красноречивей пирамид!
Они и отдаленных вну́чат
Геройским подвигам научат.

294. *Прямые канцлеры в отставке...*— Канцлер — высший гражданский чин. В Москве на покое, не у дел жило много вельмож, которые бывали не прочь разыгрывать «оппозицию» на словах в Английском клубе.

302. *Присутствовать пошлите их в Сенат!* — В Москве тогда еще существовали «департаменты» высшего судебного учреждения — Сената, находившегося в Петербурге.

303. *...Лукерья Алексевна!* — Возможно, это Лукерья Алексеевна Цеймерн, урожд. Сверчкова, попавшая в комедию со своим собственным именем. В дневнике И. М. Снегирева от 23 апреля 1823 г. она упоминается со слов М. Малова, который «превозносил ее мужество и благоразумие». К фамилии Цеймерн П. И. Бартеневым (?) сделано примечание: «Лукерья Алексеевна Цеймерн, урожд. Сверчкова, начальница женского учебного заведения (ныне Николаевского сиротского института). К ней можно отнести слова Фридриха Великого про ландграфиню Гессен-

скую Каролину: femina sexu, anima Vir, т. е. по природе женщина, по душе мужчина; только она нравственно выше ландграфини» (*Снегирев И. М.* Дневник. М., 1904—1905. С. 111.)

306. *...король был прусский здесь...*— Прусский король Фридрих Вильгельм III, отец великой княгини Александры Федоровны, приезжал в Москву 4 (16) июня 1818 г. и пробыл в столице 11 дней, бывал на балах, обедах и т. п. «Ввечеру,— сообщали газеты,— в Грановитой палате был великолепный бал, на коем изволили находиться императорская фамилия, прусский монарх, наследный принц и принцы Гессен-Гамбургский и Мекленбург-Стрелецкий. <...> Прусскому монарху весьма понравилось украшение Грановитой палаты, которая была прекрасно освещена. Многие дамы удостоились танцевать польский с сим монархом, которому они и были представлены». (Северная почта. 1818. № 47. 12 июня).

313. *Французские романсы вам поют...*— Материал для характеристики таких «романсов» дают воспоминания французской актрисы Луизы Фюзи, относящиеся, правда, к допожарной Москве 1809—1812 гг.: «С тех пор как голос мой утратил свою обширность, я преимущественно старалась совершенствовать средние ноты и выкупать недостаток материальных средств выражением пения. Выражение в музыке всего более действует на массу слушателей и не требует для оценки своей глубоких сведений в искусстве. От романса требуется только занимательных слов, простенькой и соответствующей содержанию мелодии,— главное,— выразительного исполнения. <...> Я привезла с собою из Парижа множество новых пьес, которые имели огромный успех в Петербурге и следовательно не могли не иметь успеха и в Москве. Я скоро стала модною певицею для вечеров; все романсы, которые я пела, производили фурор и писались и рисовались во всех альбомах. Романсы того времени, почти все без исключения, вертелись на средних веках, на влюбленных рыцарях, на девах сердца, на прекрасных затворницах...» (Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Январь. Кн. 1.)

320. *Пожар способствовал ей много к украшенью.*— Пожар 1812 г., при нашествии французов, когда Москва выгорела вся. После пожара она быстро отстраивалась наново.

На месте пепелищ возникала ампирная Москва дворянских особняков. «Произведена была,— свидетельствует историк,— большая нивелировка улиц со склоном к Москве-реке и Яузе; Неглинка была заключена в подземную трубу; приведены были в порядок стены Кремля и Китая-города. Красная площадь была очищена от лавок, ров возле Василия Блаженного засыпан, и на месте его появилась „обсадка деревьев", или бульвар; „топь", существовавшая на месте Театральной площади, была замощена и самая площадь расширена; уничтожен был вал Земляного города; набережные Москвы-реки, Яузы и канавы были (частично) обделаны камнем и решеткой; воздвигнуты Москворецкий и Чугунный мосты. Обстроились и частные дома <...> А за новыми фасадами потекла старая, беззаботная, привольная дворянская жизнь» (*Бахрушин С. В.* Москва в 1812 году. М., 1913. С. 38— 39). Уже в 1813 г. А. Ф. Мерзляков писал: «С нами совершаются чудеса божественные <...> Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучший город России. Уже все, что нужда, удобность, удовольствие, самая роскошь может требовать, находится в ней с изобилием <...> Топор стучит в тысячах рук, кровли наводятся; целые опустошенные переулки становятся по-прежнему застроенными; улицы заставлены обозом с лесом и материалами; народу тьма; нигде нет проезда, а особливо в теперешнее время — деятельность неизъяснимая! Наверно полагать, что к весне будет готово домов около тысячи отделанных <...> Возрожденный Английский клуб <...> свидетельствует свое почтение» (Рус. архив. 1865. Стлб. 1072—1073). Следы пожара, однако, долго еще сохранялись. Прибывший в Москву в 1821 г. современник пишет: «Едем по большой Немецкой улице — все дома новы, свежи, чисты, нигде и следов пожара, но стоило только свернуть с большой улицы в любой переулок, чтобы увидеть другое. Нескончаемые пустыри, усеянные развалившимися печами с торчащими над ними трубами между репейников и крапивы, представляли для глаз картину страшного истребления» (*Селиванов В. В.* Предания и воспоминания. СПб., 1881. С. 198).

342. *Времен Очаковских и покоренья Крыма.*— Т. е. очень давних времен. Крепость Очаков на Днестровском лимане взята у турок в 1783 г. и присоединена к России. В том же году состоялось присоединение к России Крыма.

353—354. *И где не воскресят клиенты-иностранцы Прошедшего житья подлейшие черты.* В Древнем Риме «клиентами» (cliens) называли неравноправных граждан, находившихся под покровительством патронов. В России времен Грибоедова жило много иностранцев, нашедших себе покровительство у русских богатых и знатных бар. Среди них было много французских эмигрантов, бежавших от революции 1789 г. В с. Хмелита, где проводил свои летние месяцы юный А. С. Грибоедов, собирались учителя и гувернеры дочерей Алексея Федоровича Грибоедова: l'abbé Baudet, англичанин арфист Адамс, рисовальный учитель немец Майер и даже какая-то французская герцогиня, которую судьба забросила в воспитательницы к русским помещикам (см.: *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. С. 71.)

В ряде неавторизованных списков комедии (и в некоторых дореволюционных изданиях) на месте слова «воскресят» ставили «истребят» (отчего текст, конечно, не становился яснее). Для осмысленного восприятия этих строк следует иметь в виду, что пунктуация грибоедовского времени (особенно в рукописях) была элементарной, недетализированной. При устном чтении Грибоедов, как нам кажется, интонационно соответствующей паузой после строки 6 и особым ударением на слове «где» — в строке 7 выражал тот смысл, что «клиенты-иностранцы» воскрешали в Москве «прошедшего житья подлейшие черты».

360. *...Нестор негодяев знатных...*— Нестор — герой «Илиады» Гомера, один из предводителей греков, осаждавших Трою,— глубокий старик, отличавшийся своими мудрыми советами. В нарицательном смысле — советчик, руководитель. «Мы до того привыкли видеть,— писал декабрист Н. Тургенев,— судьбы России в руках неспособных стариков, получивших места вроде премии от общества застрахования жизни за продолжительную крепость пищеварения, что нам кажется каким-нибудь чудаком, иностранцем, „чужим между своих" лицо вроде Мордвинова; да разве он, а еще больше Сперанский не затерялись бесполезно между седыми детьми, играющими в звезды и ленты. Оставалось одно — в тиши соединять рассеянные силы, дать им организацию, единство, с

определенной целью обсуживания средств, чем помочь страшному злу, губящему Россию...» (*Тургенев Н.* Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. С. 6). Однако — в соответствии с грибоедовской поэтикой — общая мысль конкретизируется в «портретах». Первый из них довольно традиционен. Обличение хозяев «великолепных палат» было общим местом сатирической русской литературы. Приведем несколько иллюстраций:

Там роскошь, золотом блестя,
Зовет гостей в свои палаты
И ставит им столы богаты,
Изнеженным их вкусам льстя:
Но в хрусталях своих бесценных
Она не вина раздает:
В них пенится кровавый пот
Народов, ею разоренных.

(*Крылов И. А.*
Уединение, 1790-е годы.)

Другой, пограбя миллионы,
Покрывши кровью целый мир,
Наруша все права, законы,
Хвалы вкушает льстивых лир,
Себя не чтит едва за Бога,
Главой, владыкой смертных всех
И внутрь блестящего чертога,
Пресытясь, дремлет средь утех!

(*Попугаев В. В.*
Судьба, 1801.)

Но покровительство достав себе из платы,
Великолепные воздвигнули палаты,
Дают и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспевают им хвалы;
Искусством повара загладя преступленья,
Средь пиршеств жизнь ведут в приятном
усыпленье

(*Горчаков Д. И.*
Послание Долгорукову, 1807.)

Та же тема нередко возникала и в сатирической прозе, например в журнале «Смесь» (1769. Лист 25): «Но, обратя свой взор на благородных, видим, что шелк и злато составляют их одежды; они живут в великолепных домах; питаются хорошею пищею; и, проводя день в благородной праздности, ищут сна в мягких постелях <...> Но разумные люди знают, что надобно иметь хороший чин, защиту

и место, и тогда уже начинают грабить, ибо, приняв нужные предосторожности, не опасаются наказания». Не вызывает сомнения, что Грибоедов, читавший большинство этих произведений (и, вероятно, множество других подобного рода), видел источник этого прижившегося в русской литературе образа (неправедными трудами нажитых палат) в римской сатире. Ср. у Ювенала (сатира первая):

> Лишь преступленьем себе наживают сады и палаты,
> Яства и старый прибор серебра...
>
> (Римская сатира. М., 1957. С. 170.)

368. *Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах...* — Т. е. занят обучением крепостных актеров, изображающих в балете фантастические образы зефиров (ветерков) и амуров (божков любви). См. прим. к ст. 371—378 действия I.

370. *Но должников не согласил к отсрочке...* — Слово «должник» прежде означало и того, кто одолжает (кредитор), и того, кто одолжается. Так, в завещании П. Я. Чаадаева (1855): «Должникам моим сказать, что все долги мои без малейшего прекословия заплачены будут братом моим, так как он наследует после меня достаточным капиталом...» Этого не понял публикатор документа, А. И. Кирпичников, писавший: «Характерно в пункте 5-м ошибочно употребленное слово *должник* при сильном и точном слоге всего завещания. Вот отчего Чаадаев (как и многие другие русские баре) предпочитал писать по-французски, хотя владел прекрасно языком отечественным: он не знал *деловых* русских слов» (Русская мысль. 1896. № 4. С. 153, 154 2-й пагинации).

372. *Распроданы поодиночке!!!* — Продажа людей поодиночке была настолько вопиющим изуверством, что обратила внимание Государственного совета. В 1820 г. этот правительственный орган обсуждал вопрос о возможности пресечения продажи крестьян без земли. В ходе обсуждения выявились многие подобные факты: коллежский асессор Лупандин продал поодиночке из своей вотчины 20 женщин (3 вдовы и 17 девушек) и еще одну подарил; штабс-капитан Раздеришин, покупая поодиночке девушек, составил из них у себя гарем; статская советница Полонская продала своего дворового с женою и малолетней дочерью, а старшую дочь оставила у себя. В Петербурге на чугунный завод Берда было привезено 50 мужчин и 39 женщин, проданных его владельцу псковским помещиком Креницыным; крестьяне подали жалобу царю, кото-

рый был удивлен этим фактом, так как полагал, что «продажа людей без земли уже запрещена». Между тем в записке Н. И. Тургенева, поданной Александру I годом раньше, указывалось, что продажа людей поодиночке приняла еще в царствование Екатерины II такие размеры, что в Петербург приплывали целые барки с людьми, назначенными для розничной продажи. Узнав о неосведомленности царя, Тургенев писал: «Напротив самого Зимнего дворца в с.-петербургском губернском правлении от времени до времени продают на основании закона человеческое мясо. Имение несостоятельного должника, владеющего крепостными, продают с публичного торга, как и все его имущество. Почти в то же самое время, когда шли вышеизложенные прения в Государственном совете, одна старуха была продана таким образом за 2 р. 50 к., и это в двух шагах от жилища самодержца, который думал, что розничная продажа людей давно запрещена». Прения в Государственном совете не привели ни к какому результату: продажа крестьян поодиночке сохранилась вплоть до отмены крепостного права.

В «Законоположении» Союза благоденствия, в частности, говорилось, что каждый член Союза должен «в управлении подвластными быть добросердечным и человеколюбивым», члены Союза «истребляют продажу людей в рекруты, отклоняют вообще от продажи их поодиночке» (см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 1. С. 453, 467—468, 473, 493, 503).

395. *...в воздух чепчики бросали!* — Старинная французская поговорка «jeter son bonnet par-dessus les moulins» (букв.: «бросать свой чепчик за мельницы») имела в виду женщин, пренебрегавших приличиями, общественным мнением, ходящих простоволосыми. Чацкий, таким образом, говорит не только о патриотическом ликовании московских женщин, но и о нарушении ими приличий, которое могло выражаться, например, в вешании офицерам на шею. Ср.: в повести Пушкина «Метель» (1830): «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал нам навстречу. Музыка играла завоеванные песни: Vive, Henri Quatre!, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты

весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединили чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали».

Явл. 6. 402. *...к гвардионцам...*— к офицерам лейбгвардейских полков, учрежденных в 1813 г. Гвардионцы получали преимущество одного чина перед армейскими офицерами.

Явл. 8. 452. *...Для компаньи?* — см. с. 310 наст. тома.

Явл. 9. 459. *...Ирритация* (военный термин, от лат. irritatio) — возбуждение, волнение, замешательство.

Опрóметью вбежали.— Д. А. Смирнов записал по поводу этих слов следующее высказывание М. С. Щепкина: «Знаете ли, что одно слово из комедии, именно слово „опрометью", написанное Грибоедовым так, что по метру стихов надо читать его „опрóметью", имело свою историю. На это слово нападали многие. <...> Раз дошло до того, что один господин говорит мне в театре:

— Михаил Семенович, как это вам не стыдно: Грибоедов наврал, а вы без стыда повторяете...

— Где это Грибоедов наврал?.. Любопытно узнать.

— Да что это такое за слово, которое у нас, вслух всем, повторяется на сцене — „опрóметью"? Откуда такое слово? По-русски говорится „óпрометью".

— Послушайте,— отвечал я господину,— трудно предположить, чтобы человек, который так знает русский язык и так владеет русским стихом, как Грибоедов, мог *наврать* иначе, как умышленно. Таких слов, которые доведены метром стихов до необходимости неправильного их произношения, вы найдете в комедии не одно, а пять или шесть. Неужели вы думаете, что Грибоедов не умел бы с этими стихами справиться... А я так, напротив, думаю, что это сделано им не спроста, а для того, чтобы показать, что наше общество не умело говорить по-русски» (Воспоминания 1929. С. 293).

479. *Жоке* (жокей) — слуга, сопровождавший господ на прогулке верхом.

Явл. 10. 491. *Пораньше: съедутся домашние друзья Потанцевать под фортопияно.*— «Частные вечера все вообще начинались в седмь часов. Кто приезжал на них часов в девять или в десять, хозяин тотчас спрашивал: „а что так поздно!“» (*Макаров.* О времени обедов, ужинов и съездов с 1792 по 1844. // Щукинский сборник. Вып. 2. М., 1903. С. 2).

Явл. 12. 544. *Есть у меня вещицы три...* и т. д.— Перифраза соответствующей реплики из комедии А. Шаховского. «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (1818). Ср.:

— Для милой вестницы у нас гостинец есть.
— А что сударь?
— Безделка:
Сережки с жемчугом. Жемчуг хоть не зернист,
С орешек небольшой, да уж зато как чист!
И что за милая отделка!!

ДЕЙСТВИЕ III

Явл. 1. 6. *Хрипун* — щеголеватый армейский офицер, отличавшийся манерой говорить хриплым басом, что было модно в то время.

Удавленник — насмешка Чацкого над узким воротником армейского мундира.

Фагот — музыкальный духовой инструмент, труба с клапанами, низкого звучания. Называя так Скалозуба, Чацкий, видимо, имеет в виду резкий звук этого инструмента и его большие размеры. Возможны и другие ассоциации: в английском языке «fagot» может означать «скучный, нудный человек», а в итальянском «fagotto» — увалень, неуклюжий.

28. *Я странен, а не странен кто ж? Тот, кто на всех глупцов похож...*— Тема «странного человека» в русской литературе первой трети XIX века прослежена Б. Т. Удодовым (см.: *Удодов Б. Т.* М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 510—543). В 1801 г. был издан роман в письмах покончившего самоубийством на 17-м году жизни М. В. Сушкова. В предисловии издателя говорилось: «При издании сих писем мое намерение состоит в том, чтобы представить глазам общества странного молодого человека,

описывающего с непонятным для меня хладнокровием собственный свой характер, почти все обстоятельства своей жизни и, наконец, смерти». Причину разлада с жизнью сам герой романа видит в следующем: «Мне скучно, мне чего-то недостает, а это что-то я едва постиг». «Испытаю,— пишет он,— перемена места не переменит ли моей скуки». В записной книжке К. Н. Батюшкова, относящейся к 1817 г., имеется такая автобиографическая заметка: «Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, каких много <...> Он служил в военной службе и в гражданской службе <...> Обе службы ему надоели, ибо поистине он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста? Как растолкуют это?.. В нем два человека <...> Он умеет говорить очень колко; пишет иногда очень остро насчет ближнего. Но тот человек, то есть добрый, любит людей и горестно плачет над эпиграммами черного человека <...> Каким странным образом здесь два составляют одно? зло так тесно связано с добром и отлично столь резкими чертами?..» «Странного человека» нарисовал и К. Ф. Рылеев в очерке «Чудак» (1821), в котором находят предвосхищение фабулы «Евгения Онегина». Герой очерка В. Ф. Одоевского «Странный человек» (1822) — в разладе с обществом, «он добивается чего-то мечтательного, едва ли существующего»; герой этот перейдет позднее в повесть Одоевского «Дни досад», которая обратила внимание Грибоедова и положила основание знакомству с Одоевским, перешедшему впоследствии в тесную дружбу. Как убедительно показывают приведенные Б. Т. Удодовым примеры, «странный человек» стал в русской литературе первым романтическим героем, чей разлад с жизнью объяснялся прежде всего противоречивостью его натуры, устремленной от обыденного к мечтательному. С точки зрения окружающих людей он ненормален и смешон, сам же герой трагически ощущает свою непохожесть на остальных. В творчестве Грибоедова тема «странного человека» была намечена в его ранней комедии «Притворная неверность».

36—40. *Есть на земле такие превращенья Правлений, климатов, и нравов, и умов; Есть люди важные, слыли за дураков: Иный по армии, иный плохим поэтом, Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом...* и т. д. — Ироническая перифраза ретроградного рассуждения мини-

стра народного просвещения А. С. Шишкова в 1824 г., где «превращение» истолковывается как «революция»: «французская осьмагонадесять века философия, мать французской революции, сделала везде немалые успехи, а потому думали, что она и в России довольно распространилась и что на нее, как на самую сильную чуму нравов, с надежностью можно положиться. Революция значит превращение, собственно же разумеется превращение умов, то есть представление вещей навыворот, или, как говорится в народе, вверх ногами. <...> Человек, путеводимый ими, привыкает видеть вещи навыворот: в благонравии кажется ему буйство и в буйстве благонравие, в просвещении невежество и в невежестве просвещение, в свободе рабство и в рабстве свобода и т. д.» (Собр. соч. и переводов Шишкова. Ч. 2. С. 286).

44. *Но есть ли в нем та страсть...* и т. д.— Нетрудно заметить в этом лирическом фрагменте традиционный для грибоедовской эпохи элегический мотив. Ср.:

Украсить жребий твой
Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами;
Признательность твою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре;
Мир, славу, суеты протекшие и горе —
Все, все у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упованья,
Без дружбы, без любви — без идолов моих?..
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья!

(*Батюшков К. Н.*
Элегия, 1815.)

...Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? все раны, все недуги.
Все расслабление души твоей больной;
Забыв и свет и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!..

(*Баратынский Е. А.*
Коншину, 1820.)

...О, как бы я желал пустынных стран в тиши,
Безвестный, близ тебя к блаженству приучаться
И кроткою твоей мелодией души,
Во взорах дышащей, безмолвствуя, пленяться.
О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать,
У ног твоих порой для песни лиру строить,
Все тайные твои желанья упреждать
И на груди твоей главу мою покоить.
Тебе лишь посвящать, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье
И сердцем близ тебя, друг милый, обновясь,
В улыбке уст твоих печалей пить забвенье.

(*Олин В. Н.*
Стансы к Элизе, 1822.)

125. *Шалит, она его не любит.*— Откликаясь на комедию Грибоедова и не признавая правдоподобия поведения Чацкого, Пушкин относительно данного эпизода пьесы замечал: «Между мастерскими чертами этой прелестной комедии недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна! — и как натурально! Вот на чем должна вертеться вся комедия...» (Пушкин. Т. XIII. С. 138). Показательно, что в позднейшей оценке пьесы Белинским та же недогадливость Чацкого будет поставлена в упрек драматургу. Пушкин раньше знал Грибоедова как автора салонных комедий, и этот жанр он ценил весьма высоко. Салонная же комедия выработала особый вид сценического диалога, при котором не столь важен был прямой смысл произносимого, как всякого рода двусмысленности, приводящие к забавным нелепицам. Вот как, например, в комедии «Взаимные испытания» (1826) Н. И. Хмельницкого ведут беседу герои о только что вышедшей из комнаты Светлане, младшей сестре графини:

Графиня

Мне кажется, успех довольно ваш хорош?

Пламирский

Мне тоже кажется.

Графиня

Помилуйте, чего же
Вам более? Вы так друг к другу оба страстны —
И женитесь?

Пламирский

Когда на это вы согласны.

Графиня

Я счастию сестры не думаю мешать.

(Стихотворная комедия конца XVIII— начала XIX века. М.; Л., 1964. С. 416).

На самом же деле ни в одном слове здесь нет правды. Графиня и Пламирский любят друг друга. Светлана же любит Элединa. И весь этот диалог — только взаимные испытания. Похвалы Софьи Молчалину, произносимые ею в легком, светском тоне, Чацкий тоже не принимает всерьез, видя в них «сатиру и мораль» (то есть обличение и нравоучение). Ко времени Белинского традиция салонной комедии в русской драматургии пресеклась, и потому этот эпизод пьесы ему кажется художественно неубедительным.

Явл. 3. 165. *...числюсь по Архивам...*— В московские архивы зачислялись аристократические юноши, которые на службу не являлись, «числились» там, но чины получали.

177—194. *Татьяна Юрьевна рассказывала что-то...*— Образ «Татьяны Юрьевны», мелькающий в диалоге Чацкого и Молчалина, несомненно, привлекал значительное внимание Грибоедова. В первоначальной, Музейной редакции он охарактеризован еще более выразительно. Прототипом Татьяны Юрьевны считают Прасковью Юрьевну Кологривову (урожд. Трубецкая, в первом браке Гагарина; 1762—1848). Декабрист Д. И. Завалишин свидетельствовал: «Что касается Татьяны Юрьевны, то тут автор действительно разумел Прасковью Юрьевну К., прославившуюся особенно тем, что муж ее, однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» (Древняя и новая Россия. 1879. № 4. С. 314; ср.: Гершензон. С. 106).

203. *Начальник отделенья* — высокая должность в царских министерствах, соединявшаяся обычно с чином действительного статского советника (штатского генерала).

Явл. 4. 222. *Столы для карт, мел, щеток и свечей!* — Мел — мелки для записей на карточных столах; *щетки* — для стирания записей на сукне карточных столов. Ср. в повести Пушкина «Выстрел»: «Сильвио взял мел и урав-

нял счет по своему обыкновению. Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения. Сильвио молча продолжал метать. Офицер, потеряв терпение, взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным» (Пушкин. Т. VIII. С. 63).

Я в л. 5. 248. *Московский комендант* — человек, в ведении которого находились Кремль и дворцы.

Я в л. 6. 257—258. *На флейте я твержу дуэт А-мольный...* — A-moll — минорная тональность с тоникой ля, то же, что и ля минор. Комический оттенок упоминанию о музыкальных занятиях Платона Михайловича придает не только его пятилетняя приверженность к одной пьесе, но и то, что это *дуэт,* который он твердит в одиночестве. В этой детали, однако, имеется и другой ассоциативный смысл. Вспомним, что комедия начинается с музыкального дуэта (фортепьяно с флейтой) в исполнении Софьи и Молчалина. Таким образом, намечается параллель между этой любовной парой и Горичами. Смысл этого сопоставления в том, что отношения со своим избранником Софье рисуются в идеале как отношения между этими супругами («Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей — Высокий идеал московских всех мужей»). На таких же ролях и муж Татьяны Юрьевны.

267. *Ты обер или штаб?* — То есть обер-офицер или штаб-офицер? Обер-офицеры — младшая группа офицеров, до капитана; штаб-офицеры — от майора до полковника.

Я в л. 7. 295. *Бахрома* — «род тесьмы, с одного края с мохрами» (Акад. словарь. Ч. 1. С. 115).

296. *Тюрлюрлю* — длинная женская накидка без рукавов из шелковой шуршащей ткани. Собственно тюрлюрлю — это звукоподражание, передающее шелест шелка (хлопок и шерсть не имеют таких акустических эффектов).

297. *Эшарп* — небольшой шарф из легкой ткани. Модные журналы рекламировали эшарпы вплоть до конца 30-х гг. XIX в. Их носили повязанными на шее, перекинутыми через локти, иногда в качестве пояса. Эшарпы отделывались оборками, кистями, вышивкой.

298. *Барежевый* — из особой шелковой ткани в газовой технике, т. е. при переплетении нитей утка и основы они лишь слегка соприкасаются между собой, а не плотно прибиваются друг к другу. В первой половине XIX в. бареж был одной из самых дорогих тканей. «Посмотрите, посмотрите, что издерживает теперь молодая щеголиха на

ветротленные бережи, марабу, блонды, а особливо на безобразные шали» — сообщалось в «Литературных листках» (1824. № 6. С. 1—2).

309. *Камер-юнкер* — младший придворный чин.

315. *Двойной лорнет.*— «Не успели изобретательные англичане выдумать так называемый двойной лорнет, как все наши щеголи и щеголихи явились с двойными лорнетами на пальцах. Лорнет сей подобен только тем зрительной трубке, что и в нем есть два передвижных стеклышка. К металлическому основанию, на котором они движутся, прикреплено кольцо, надевающееся на палец, и я, признаюсь, считаю, что новомодные двойные лорнеты, а особливо в театре, гораздо удобнее зрительных трубок...» (Русский пустынник, или Наблюдатель отечественных нравов. 1817. С. 75—76; см. также: *Баевский В. С.* О театральных строфах «Евгения Онегина» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 206. Л., 1986. С. 147—150).

323. *За то, что смели предпочесть Оригиналы спискам?* — Список — «то, что списано с какого подлинника; иначе называется противень или иностранным словом „копия“» (Акад. словарь. Ч. 6. С. 425—426). В ответ на едкое замечание графини-внучки Чацкий вспоминает шутку, неоднократно повторяющуюся русскими сатириками. Еще в 1770 г. Николев в «Сатире на развращенные нравы нынешнего столетия» негодовал на то, «что здесь (в Москве.— *Ред.*) их копии, а подлинники тамо» (т. е. в Париже). Герой комедии Ф. В. Растопчина «Вести, или Убитый живой» (1807) также сокрушался: «От безрассудного пристрастия и ослепления к иностранным мы обращаемся из людей в обезьяны, из господ в слуги, из русских в ничто. Этот разврат есть болезнь завозная, прилипчивая и иных у нас обезобразила так, что и узнать нельзя. А что я говорю, это правда и для ушей, и для глаз, и для души: в семье не без урода; да на что ж самому себя изуродовать и сделаться гадким списком мерзкого подлинника?» (*Растопчин Ф. В.* Ох, французы. М., 1992. С. 202).

Явл. 9. 351. *...переносить горазд...*— Сплетничать, переносить слухи, доносить, совершать политические и иные доносы.

Явл. 10. 359. *Хлёстова.*— «Старуху Хлёстову,— пишет Стахович,— я хорошо помню: это была Наталья Дмитриевна Офросимова. Еще в 1807 году под фамилией Набатовой ее вывел граф Ф. В. Растопчин в своей комеди

„Вести, или Живой покойник", ее же, под именем Марьи Дмитриевны Ахросимовой, описал в „Войне и мире" граф Л. Н. Толстой. Офросимова была одного с нами прихода Иоанна Предтечи в старой Конюшенной; она строго блюла порядок и благочиние в церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячков за нестройное пение или за нерасторопность в служении; дирала за уши (как Чацкого) мальчиков, выходивших со свечами при чтении Евангелия и ходивших с тарелочкою за церковным старостой, держала в ришпекте и просвирню, подносившую ей одной большую просвирку. К кресту Офросимова всегда подходила первою; раз послала она дьячка к незнакомой ей даме, которая крестилась в перчатке, громко, на всю церковь, дав ему приказание: „Скажи ей, чтоб сняла собачью шкуру"» (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 154; см. также: *Жихарев С. П.* Записки современника. СПб., 1859. Т. 1. С. 210—211; *Свербеев Д. Н.* Записки. М., 1899. Т. 1. С. 260—262; Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М.; Л., 1989. С. 142). В сатирических куплетах начала XIX в. «Стихи на пруды» Офросимова характеризовалась так:

Вот и матушка родима
Афросимова бежит,
В ней ухваточка любима:
Кулаками всех дарит.

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой прорисовывает образ Ахросимовой в соответствии с иной художественной концепцией, в которой заявляется в сочувственных тонах национальная самобытность подобных натур. Ахросимовой Толстой любуется: «Ждали Марью Дмитриевну Ахросимову, прозванную в обществе terrible dragon (фр.: страшный драгун.— *Ред.*), даму, знаменитую не богатством, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращения. Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург, и оба города, удивляясь ей, втихомолку подсмеивались над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч. М., 1951. Т. 4. С. 72).

В списке «действующих» Хлёстова обозначена как свояченица Фамусова, здесь же он рекомендует ее своей «не-

вестушкой». Строго говоря, Фамусов не прав: *невестка* — это жена брата,— следовательно, должна носить одинаковую фамилию с деверем (братом мужа). Свояченица же — это сестра жены, и потому имеет со свояком фамилии разные. Однако эти тонкости родства в обиходной речи сплошь и рядом размывались, так что ошибка Фамусова вполне обычна.

364. *...арапку-девку...* (ср. стих 382 — *двоих арапченков...*) — При царском дворе и у петербургских и московских бар была манера держать среди челяди негров — «арапов».

Явл. 12. 403. *Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском?* — За *гренадера* Хлёстова принимает Скалозуба по его росту. Первоначально гренадерами (от фр. grenade — граната) назывались солдаты-гранатометчики, к концу XVIII в. гренадеры превращаются в отборные по составу войска, род ударной пехоты. В гренадерские были преобразованы некоторые мушкетерские полки.

404. *Его высочество* — титул великих князей. Следовательно, командиром-попечителем скалозубовского полка был один из братьев Александра I: Константин Павлович, Николай Павлович (будущий император) или Михаил Павлович.

405. *Мушкетерский* (от фр. mousquet) — пехотный полк, в котором солдаты были вооружены мушкетами, фитильными крупнокалиберными ружьями (стреляли из них с подставок).

409. *Выпушка* — кант, обшивка по шву.

Петличка — нашивка на воротнике форменной одежды.

417. *Ваш шпиц, прелестный шпиц...*— Шпиц — комнатная собачка. Следует обратить внимание на неслучайный в комедии параллелизм фраз: несколько выше точно так же рекомендовала Платона Михайловича Наталья Дмитриевна: «Мой муж, прелестный муж...»

Явл. 16. 458. *Желтый дом* — дом умалишенных.

Явл. 19. 482. *К фармазонам в клоб?* — Фармазоны — испорченное слово: франк-масоны (фр. franc-maçons — свободные каменщики), члены религиозно-филантропического общества, распространенного по всей Европе; в России в XVIII в., и особенно в первой четверти XIX в., было много масонских лож (организаций), которые вызывали подозрительное отношение и преследования со сто-

роны правительства. Упоминание их в Г.о.у.— злободневно: по распоряжению Александра I в 1822 г. все масонские ложи были объявлены закрытыми. Сам Грибоедов был членом масонской ложи.

Явл. 20. 489. *Тесак ему да ранец...*— То есть отдать его в солдаты. *Тесак* и *ранец* — принадлежности солдатской амуниции.

492. *Волтерьянец* — последователь французского мыслителя XVIII в. Вольтера; в тогдашнем смысле — вольнодумец.

Явл. 21. 525—526. *И впрямь с ума сойдешь от этих от одних От пансионов, школ, лицеев...*— В этих словах Хлёстовой отразилось озлобление тогдашней реакции против просвещения. В. Ф. Раевский в Сибири вспоминал, как на следствии о декабристах брат царя, великий князь Михаил Павлович обрушился на «пансионы» и «университеты» — ненавистные властям рассадники «вольнодумства». Грибоедов сам был как раз воспитанником и пансиона, и университета.

527. *Да от ланкартачных взаимных обучений.*— Ланкартачный — искаженное слово «ланкастерский». Система английского педагога Й. Ланкастера (1771—1838) состояла в том, «чтоб одну часть учеников употреблять к наставлению прочих» (Сын Отечества. 1818. Ч. 46, № 20. С. 14). Для изучения его опыта в 1816 г. было отправлено за границу четыре петербургских студента, а в 1819 г. в Петербурге образовалось «Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения». О ланкастерской системе много писали в журналах, ею увлекались поборники народного просвещения, передовые офицеры при обучении солдат в армии. В 1821 г. П. А. Вяземский устроил школу по системе Ланкастера в своем подмосковном Остафьеве. Ланкастерские школы особенно пропагандировались декабристами. Политический процесс «первого декабриста» В. Ф. Раевского в 1822 г. был связан с его деятельностью в ланкастерских школах. В. К. Кюхельбекер по выходе из Лицея был членом Комитета Вольного общества учреждения ланкастерских училищ. Обскурантистски настроенные невежественные и косные люди, естественно, могли «с ума сходить» от раздражения по поводу этого движения.

528—529. *...в Петербурге институт Пе-да-го-гический...*— Педагогический институт в Петербурге, основан-

ный в 1804 г., в 1816 г. преобразован в Главный педагогический институт; в 1819 г. на его базе основан Петербургский университет; в 1828 г. институт возобновил свое существование и существовал до 1859 г. С 1817 по 1820 г. преподавателем благородного пансиона при петербургском Педагогическом институте был В. К. Кюхельбекер, общавшийся с Грибоедовым в Тифлисе в пору создания «Горя от ума».

530. *Там упражняются в расколах и в безверьи, Профессоры!!* — Реплика Тугоуховской находится в полном соответствии с проводившимся в начале 20-х гг. XIX в. курсом правительства в отношении учебных заведений. В 1821 г. попечитель петербургского учебного округа Д. П. Рунич обрушился на профессоров Петербургского университета Э. С. Раупаха, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева и А. И. Галича, учредив над ними суд; им ставилось в вину «открытое отвержение истин св. писания и христианства», соединяемое «с покушением ниспровергнуть и законные власти». Профессора были уволены из университета, и им запрещено было преподавание (см.: *Давидович Я.* «Дело» Санкт-Петербургского университета в 1821 году // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 3. С. 145—155.) Такой же погром был учинен М. Л. Магницким в Казанском университете. «Преобразованиям» подвергся в 1822 г. и Лицей, в котором учился Пушкин (см.: *Гессен С. Я.* К истории разгрома пушкинского лицея // Литературный современник. 1937. № 1. С. 252—259).

531—535. *...у них учился наш родня Князь Федор, мой племянник.* — В воспоминаниях Т. П. Пассек рассказывается, что у А. А. Яковлева, дяди Герцена, «был совершеннолетний сын Алексей Александрович, умный, образованный, ученый, известный под названием „Химика“, о котором Грибоедов сказал в своей комедии „Горе от ума“:

Он химик, он ботаник,
Князь Федор, наш племянник».

(*Пассек Т. П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. М., 1963. С. 94). Подробную характеристику А. А. Яковлева-Химика (1795—1868), тоже с указанием на «Горе от ума», дал А. И. Герцен в «Былом и думах» (ч. I, гл. VI // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1956. С. 110—115).

540—541. *Уж коли зло пресечь: Забрать все книги бы, да сжечь.*— Возможно, в данном случае Грибоедов иронически переосмысляет одно из рассуждений Сократа в диалоге Платона «Федр»: «Сократ. Я слышал, что в египетском Навкратисе существовало некое тамошнее древнее божество, которому посвящена была и священная птица, называемая Ибисом; имя же самого демона Февф (Тот). Он первый изобрел число, счет, геометрию, астрономию, сверх того игры в шашки и кости, а также и письмена. Царствовал тогда в Египте Фамус <...> Многое, говорят, высказал он Февфу по поводу искусства и за и против; рассказывать обо всем этом было бы долго. Когда дело дошло до письмен, Февф сказал: „Изучение их, царь, сделает египтян более мудрыми и более памятливыми, ибо найдено вспомогательное средство для памяти и мудрости". Фамус сказал на это: „О великий искусник Февф <...> Ведь они породят в душе научившихся им забвение, вследствие недостатка упражнения в памяти, так как благодаря доверия к письму люди станут вспоминать извне, на основании посторонних знаков, а не изнутри, сами собою. Итак, ты изобрел вспомогательное средство не для памяти, а для припоминания. Ученикам своим ты доставляешь мудрость кажущуюся, а не истинную: став, с твоей точки зрения, многознающими без изучения, люди будут считать себя многоумными, будучи по большей части неумными, а сверх того тягостными в общежитии. Вместо мудрых они станут мнимомудрыми"» (Творения Платона. Т. V. Пг., 1922. С. 160— 161).

Явл. 22. 562. *Ты не в своей тарелке.*— Выражение, укоренившееся в языке вследствие ошибочного перевода французского выражения. См. указание А. С. Пушкина: «Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например <...> Dans son assiette ordinaire, assiette значит положение от слова asseoir, но мы перевели каламбуром — в своей тарелке:—

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума».

(Пушкин. Т. XII. С. 181.)

574—638. *В той комнате незначащая встреча...* и т. д.— Подобие монолога Чацкого — письмо 10-е «Писем из Мос-

квы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола (см. примеч. к действ. 1, явл. 7, ст. 413—414), вероятно, влиявшее на «Горе от ума»: «Я был уже в дворянском собрании.<...> Мне пришло на мысль, что я волшебным жезлом вдруг переношу сюда человека, путешествовавшего по всей Европе, кроме России; ставлю его посреди собрания; даю ему несколько минут осмотреться и вслушаться и потом спрашиваю его: где ты? — Он мне отвечает: кажется, в Бордо или в Марсели.— Почему же так? — Вот почему: общий язык здесь, как я слышу, французский; следственно я во Франции.— Судя по богатству и вкусу нарядов, по великолепной зале, должно бы мне заключить, что я в Париже, но выговор французского языка здесь не чистой: какая-то смесь, похожая на то, что я слыхал в Провансе и на берегах Гаронны — следственно я не в столице Франции, а в каком-нибудь из главных ее городов; в котором же именно, отгадать не могу.— Милостивый государь мой, ваши умозаключения прекрасны и все основаны на самых острых догадках; но со всем тем вы ошибаетесь: здесь нет ни провансалов, ни гасконцев, а все русские: вы — в Москве!» Далее И. М. Муравьев-Апостол много места уделяет французским учителям: «К нам, на Любских судах, вместе с устерсами и Лимбургским сыром, приплывали целые грузы французов,— парикмахеров, поваров, модных торговок и учителей. <...>французики, не только в столицах, но и по всему пространству России рассыпались и находили средства овладеть умами во многих домах, как знатных, так и незнатных» (Сын Отечества. 1814. Ч. XII, № 7. С. 19—21, 25).

575. *Французик из Бордо...*— Образ «французика из Бордо», возможно, подсказан следующим сатирическим «известием» журнала Н. И. Новикова «Трутень»: «На сих днях в здешний порт прибыл из *Бурдо* корабль: на нем кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы.<...> Многие из них в превеликой жили ссоре с парижской полициею <...> и ради того приехали они сюда, и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей.<...> Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учители французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения» (Трутень. 1769.

Л. XVI. 11 августа). Рассуждение Чацкого соотносится с монологом Ветромаха из комедии Я. Б. Княжнина «Чудаки»:

Считаю наш язык за подлинный jargon,
И экспримировать на нем всего не можно.
Чтоб мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нужде говорю я этим языком.
С лакеем, с кучером, со всем простым народом,
Где думать нужды нет. А с нашим знатным родом,
Не знав французского, я был бы дураком.
Скажите, как бы мне влюбиться было можно?
Je brûle, je languis мне как бы то сказать
Прелестной Улиньке? — неужто бы мычать:
«Я млею, я горю!..» — Fé donc...

В 1819 г. в «Трудах Московского общества любителей российской словесности» было напечатано «Письмо неизвестной особы» (за подписью Ш-ий), где рассказывалось: «Недавно в одном из таких обществ, в котором все, кроме воздуха, выписано из Парижа и где, забывая на время все заботы, наши щеголи и щеголихи мечтают, что они точно в Париже,— вздумал было я разрушить очарование, сказавши несколько слов по-русски; признаюсь, это дерзость, но что же из того вышло? Вообразите себе шумную толпу народа, на которую вдруг обрушился громовой удар; точно такое же действие произвели мои слова... По естественному порядку разговора предметом его должен был сделаться русский язык. Нужно было присутствие духа, и я со всем жаром принялся защищать его. Два или три человека пожилых лет держали мою сторону; все прочие вооружились против меня. Я начал говорить о силе нашего языка, о его величии, богатстве — меня и слушать не хотели. „К чему там сила,— говорили одни,— где должна быть нежность?“ „Кто требует величия? — говорили другие.— Оно ничего не значит без приятности“. „Завидный язык,— повторяли молодые люди,— на котором сам Вольтер не нашел бы сказать ни одного острого слова“» (см.: *Пиксанов Н. К.* О языке «Горя от ума» // Уч. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1955. Вып. 25. № 200. С. 20—21).

615. *Чтоб умный, бодрый наш народ...*— В декабристском словоупотреблении применительно к русскому народу чаще встречаем определение: «добрый»; так, в дневнике Н. И. Тургенева от июня 1819 г.: «Неужели славный, умный, добрый народ никогда не возвысится до истинного своего достоинства?» (Архив бр. Тургеневых. Вып. 5. II.

1921. С. 197). П. Г. Каховский писал из Петропавловской крепости: «Сердце цвело во мне, видя ум и простое, убедительное красноречие доброго народа русского» (Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951. С. 509). Н. М. Коншин в письме к Пушкину (август 1831): «Как свиреп в своем ожесточении добрый народ русский» (Пушкин. Т. XIV. С. 216). У Грибоедова, возможно, реминисценция из оды Державина «Вельможа» (1794):

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!

Для языка Грибоедова характерна ассоциация, закрепленная, например, в его примечаниях к «Необыкновенным похождениям и путешествиям Дементия Цикулина»: «Представляем ее (рукопись. — *Ред.*) нашим читателям как удивительный пример ума и решительности простого русского народа» (ср. толкование слова «бодрый» в словаре Даля: бойкий, живой, несонный, невялый; бдительный; смелый, мужественный; дюжий, здоровый; сильный; осанистый, видный, молодцеватый). Таким образом, написание: «Чтоб умный, бодрый наш народ», которое мы находим во всех трех основных источниках текста «Горя от ума», вполне соответствует норме грибоедовского языка и не требует корректировки по неавторизованным спискам, как бы ни распространен был в них иной вариант.

ДЕЙСТВИЕ IV

Жилье — этаж. Ср. в одном из вариантов поэмы А. С. Пушкина <«Езерский»>: «В конуре пятого жилья...» (Пушкин. Т. V. С. 388) и в «Путешествии в Арзрум»: «Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома» (там же. Т. VIII. С. 464). Слово «жилье» («житье») в этом значении встречается также в древних актах (см.: *Алферова Г. В.* Памятник русского зодчества в Кадашах. М.: Просвещение, 1974. С. 147, 148).

Явл. 4. 76. *Зови меня вандалом...* — Вандалы — древнегерманское племя, разграбившее Рим в 450 г. В нарицательном смысле вандал — грубый, невежественный человек.

102. *Камеры* — палаты народных депутатов в конституционных государствах. О них много говорили тогда в русском обществе, особенно в среде декабристов.

...присяжных... — Мнение о суде присяжных подавалось в Сенат в июне 1822 г., но было отвергнуто. Суд присяжных введен был в России только в 1864 г. в результате судебной реформы.

103. *О Бейроне...* — Имя Байрона около 1823—1824 гг. пользовалось в России большой популярностью как имя поэта вольнолюбивого и мятежного.

114. *...без прелюдий...* — т. е. без предисловий, без рассуждений и лишних слов.

135. *«А! нон лашьяр ми, но, но, но»...* — Из популярной в то время оперы Б. Галуппи (1703—1785), приглашенного Екатериной II в Россию, «Didona abbandonata» (*итал.* «Покинутая Дидона»). Поставлена в Петербурге в 1766 г. Опера вся состояла из отдельных арий. В их числе наиболее популярной была та, которую Дидона поет во II действии: «Ah, non lasciar mi, no!» («Ах, не покидай меня, нет!» (*Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // «Звенья». Т. V. М.; Л.: Academia, 1935. С. 105)

137. *Левон и Боринька...* — В «Воспоминаниях» кн. Д. Д. Оболенского (Рус. архив. 1895. Т. III. С. 366) говорится, что слова Репетилова о «Левоне и Бориньке» относились к московским братьям Пашковым. Написание имени Левон (фр. lion — лев) соответствует московской норме произношения грибоедовского времени. Ср.: «Переেду через семь дней в Левонтьевский переулок» (Из письма Д. А. Валуевой к М. А. Волковой от 1 ноября 1812 г.//Отголоски 1812—1813 гг. в письмах М. А. Волковой. М., 1912. С. 50).

147. *Его отрывок, взгляд и нечто.* — Здесь использованы характерные заглавия тогдашних ученых сочинений. Так, Н. И. Греч напечатал в «Сыне Отечества» 1824 г. такие свои сочинения: «Нечто о нынешней русской словесности» (ч. 91), «Взгляд на открытия и замечательнейшие произведения по части наук, искусств и словесности в 1822 году во Франции» (ч. 91, 92), «Воспоминания о Германии. Отрывок» (ч. 98).

150—159. *Но голова у нас, какой в России нету∽Сам плачет, и мы все рыдаем.* — В этом образе, несомненно, обрисован хорошо знакомый Грибоедову Федор Иванович Толстой (1782—1846), офицер лейб-гвардии Преображенского полка, проявивший себя храбрецом в Отечественной войне. Известный бретер, картежник, он убил на дуэлях 11 человек. В поисках приключений принял участие в кру-

госветном путешествии И. Ф. Крузенштерна, за буйное поведение и интриги был высажен командиром на берег, но не во владениях Российско-американской компании и не на Алеутских островах, как ошибочно утверждается в ряде печатных источников, а в Петропавловске-Камчатском, откуда сухим путем он вернулся в Петербург (*см.: Петрицкий В. А., Суетов Л. А.* К истории одного прозвища (Ф. И. Толстой-«Американец») // Рус. литература. 1987. № 2. С. 99—103). Был в дружеских отношениях со многими литераторами, в том числе с А. С. Пушкиным, с которым сначала чуть было не подрался на дуэли. Для Пушкина он стал прототипом Зарецкого в главе VI «Евгения Онегина». Толстой сам признавал свое тождество с грибоедовским «ночным разбойником, дуэлистом». Ознакомившись со списком комедии, принадлежавшим декабристу Ф. П. Шаховскому, он оставил на нем свои пометы: вместо «В Камчатку сослан был...» поставил: «В Камчатку черт носил... (ибо сослан никогда не был)»; вместо: «И крепко на руку нечист»— «В картишках на руку нечист. (Для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола...)» (РГБ).

Я в л . 5. 193. *Фельдфебеля в Волтеры дам...*— Фельдфебель — старший унтер-офицер в роте. Каждой роте полагалось по одному фельдфебелю, вследствие чего власть его над нижними чинами была беспрекословной и жестокой. «Тупой баденский и швабский солдат ни поэтов, ни республики не знает, а дисциплину и своего фельдфебеля знает очень хорошо...» (*Герцен А. И.* Былое и думы. Собр. соч. Т. X. М., 1956. С. 247).

200. *Барон фон Клоц...*— Грибоедов прибегает к характерной фамилии: нем. Klotz —«чурбан».

204. *Реверси* —«название карточной игры, в которую играют четверо полною игрою карт, выключая десяток, и в которой выигрывает тот, кто не возьмет ни одной взятки, а проигрывает тот, кто сочтет во взятках своих больше пеоней (очков.— *Ред.*)... Сия игра изобретена одним гиспанцем и названа реверси (фр. revers — изнанка, неудача.— *Ред.*) для того, что она действительно противна всем прочим играм и в сем может служить эмблемою жизни многих вельмож, у коих целый день проходит в делании всего противного тому, что делает общество, которое трудится и имеет на все определенные часы» (Новый словотолкователь... Т. I—III. СПб., 1803—1804. Ч. 3. С. 514—515).

206. *Он на Фонтанке жил...*— Фонтанка — набережная реки Фонтанки в Петербурге.

215. *Секретари его все хамы, все продажны...*— Процветавшее на Руси взяточничество, лихоимство коренилось в самой ущербности всей государственной системы. «Тогда свода законов,— свидетельствует Н. Дубровин,— не существовало и его заменяло множество указов и постановлений, изданных на отдельные случаи, не приведенных ни в какую систему, часто противоречивших друг другу и разбросанных по разным присутственным местам. Многие указы не распубликовывались и составляли руководство только того присутственного места, коему были даны...» «Приказным во всех правительственных местах,— говорил П. Каховский,— человеколюбие требует не воспрещать брать взятки, или без них они умрут с голоду. Может ли человек содержать себя тридцатью или сорока рублями в год жалования — а есть оклады и того менее — и можно ли на эту сумму иметь квартиру, пищу и пристойную одежду?..» (Рус. старина. 1899. № 4. С. 53—60).

218. *Адрес-календарь* — см. с. 311.

220. *Лахмотьев* — «значимая» фамилия: Грибоедов воспринимает поверхностную дворянскую фронду как недовольство «облохмотившихся».

Явл. 6. 231. *Турусы* — «в просторечии значит враки, пустые рассказы. Насказал турусов» (Акад. словарь. Ч. 6. С. 813).

234. *Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.*— В образе Репетилова пародийно отражены судьба и характер Чацкого, вплоть до отдельных деталей. Чацкий «славно пишет, переводит»,— Репетилов «лепит» вшестером водевильчик. Чацкий был «с министрами в связи», «потом разрыв»,— Репетилов «зять министра» и также в ссоре со своим тестем. Между прочим, и появление («при самом входе падает со всех ног»), и исчезновение Репетилова со сцены («Поди, сажай меня в карету, Вези куда-нибудь») пародийно соответствуют тому, как врывается на сцену и покидает ее Чацкий («Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног», «Карету мне, карету!»). Трагикомическое противостояние героя-идеолога и его шутовской копии, «личности и личины, индивидуальности и подражательности, свободной мысли и следования трафаретам» (*Дурылин Н. С.*

«Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940. С. 199—120) будет дано вслед за Грибоедовым и другими русскими писателями (ср.: Печорин и Грушницкий, Базаров и Аркадий Кирсанов, Ставрогин и Петр Верховенский).

Я в л . 6. 238. *Химеры* — в древнегреческой мифологии — звероподобные чудовища; в переносном смысле — вздор, пустая игра воображения.

Я в л . 7. 245. *Дрянские...*— В юности Грибоедов написал пародийное сочинение «Дмитрий Дрянской», до нас не дошедшее (см.: *Фомичев С. А.* Реконструктивный анализ литературного произведения (Комедия А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской») // Анализ литературного произведения. Л.: Наука, 1976. С. 212—225).

256. *Якобинец* — член Якобинского клуба, революционной организации времен Великой французской революции конца XVIII в.; в нарицательном смысле — политический вольнодумец. Этим наименованием часто пользовались реакционеры и авторы доносов. В трех анонимных доносах шефу жандармов Бенкендорфу в августе 1827 г. (вероятнее всего — Булгарина) отмечались в «Московском телеграфе» места, содержащие в себе «самый явный карбонаризм», а проф. И. И. Давыдов назван: «самый отважный якобинец» (*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература... СПб., 1909. С. 258). Ср. в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (д. IV, явл. VI): попечитель богоугодных заведений доносит «ревизору» Хлестакову: «Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец...»

Я в л. 12. 356—362. *Мне завещал отец∾чтоб ласкова была.*— Ср. у А. Н. Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова» (1789): «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто, хотя мизинцем, до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угощения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как-то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят» (Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева.

Ч. V. М., 1811. С. 15). Образ этот встречается и в современной Грибоедову журналистике:

«К н я з ь

Послушай, любезный Нулиев: мне хочется сделать тебе один вопрос. Здесь церемонии не нужны; скажи мне откровенно, каким способом тебе удалось на том свете из ничего сделаться чем-нибудь?

Н у л и е в

Весьма легким.— Я не имел никакой природной гордости. При первом появлении моем на свет я принялся ласкать, подличать и таким образом полз да полз и наконец დополз не до чина знатного человека, но до позволения бывать в хороших обществах, оказывать всякого рода услуги своим покровительницам, переносить вести и составлять иногда партию в бостон. Мужья, для коих я казался нимало не опасным, ласкали меня из угождения своим супругам, жены любили меня по привычке. Я сделался для них так же необходим, как спальные собачки, попугаи и прочие домашние звери» (*З<агоскин> М.* Разговор о царстве мертвых // Сев. наблюдатель. 1817. Ч. I. № 4. С. 119). Уже в ранней комедии «Студент», написанной в соавторстве с П. А. Катениным, Грибоедов намечал некоторые молчалинские черты в Полюбине: на протяжении всей пьесы в молодом человеке настойчиво подчеркивалось «умение подслужиться», что даже вызывает раздражение его друга, Саблина: «Ступай и подличай!» Выражения «я только придерживался вашего мнения»; «ваши слова могут служить наставлением» типичны для Полюбина; от этого уже недалеко до молчалинского: «В мои лета не должно сметь Свое суждение иметь».

Я в л. 14. 441. *В работу вас, на поселенье вас.*— Указом 1765 — 1767 гг. Екатерина II подтвердила право помещиков ссылать непокорных крестьян на каторгу в Сибирь, по своему произволу. В 1802 г. Александр I отменил это право, но в 1822 г. оно было восстановлено.

452. *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов...*— В Саратовской губернии было имение Прасковьи Юрьевны Кологривовой, властной помещицы, послужившей Грибоедову прототипом образа упоминаемой в действии III «Та-

тьяны Юрьевны» (см.: *Храбровицкий А. В.* Русские писатели в Пензенской области. М., 1946. С. 43).

454. *Святцы* — церковная книга, содержащая список имен святых и перечень праздников православной церкви, расположенных в календарном порядке.

491. *Паж* — юный придворный, выполнявший различные поручения членов царской фамилии.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В разделе «Другие редакции и варианты» кроме текста Музейного автографа печатаются: перечень действующих лиц Бехтеевского списка, дополняющий Музейную редакцию, в которой такой перечень отсутствует, а также варианты Жандровского списка и первопечатного текста альманаха «Русская Талия на 1825 год». Варианты как правило публикуются целым стихом. Если выписывается только часть стиха, то слева от нее, перед знаком /, приводится для сравнения отрывок основного текста, точно соответствующий по объему данному варианту. Знак◊, поставленный после варианта, означает, что в том же рукописном источнике последующим исправлением автор выработал вариант, совпадающий с чтением публикуемого в книге основного текста Г. о. у.

МУЗЕЙНЫЙ АВТОГРАФ
(Ранняя редакция)

Автограф: ГИМ. 40865 (арх. 2415) / А819.

Впервые полностью: Рукопись комедии «Горе от ума»/Редакция, вступительная статья и примечания В. Е. Якушкина. Палеографическое описание А. С. Станкевича // Императорский Российский Исторический музей: Описание памятников. Вып. 3. М., 1903.

Впоследствии Музейный автограф печатался в следующих изданиях: ПССП Т. П.; *Грибоедов А. С.* Соч. в стихах / Подготовка текста и примечания И. Н. Медведевой. Л.: Сов. писатель, 1967 (Б-ка поэта, Большая серия. Изд. 2); *Грибоедов А. С.* Горе от ума / Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. М.: Наука, 1969 (Лит. памятники); *Грибоедов А. С.* Соч. в

стихах / Подготовка текста и примечания Д. М. Климовой. Л.: Сов. писатель, 1987 (Б-ка поэта, Большая серия. Изд. 3).

Печатается по автографу ГИМ. Текст настоящего издания воспроизводит окончательный (верхний) слой Музейного автографа, в подстрочных примечаниях приводятся отмененные варианты, последовательные слои которых обозначаются литерами *а, б, в* и т. д.

Описание и историю создания рукописи см. выше, с. 262.

АКТ I

С ц. 7. 402. *С ней доктор Фациус?* — Фациус Иван и Фациус Иван же (его сын) служили в России в конце XVIII — начале XIX в. по министерству иностранных дел (см.: Русский биографический словарь. Т. 21. СПБ., 1901. С. 25—26). Известны несколько книг по медицине д-ра Фациуса, 1830-х годов. В оркестре гр. Н. П. Шереметева с 1780 по 1805 г. играл виолончелист Иоганн Готлиб Фациус. После 1805 г. он жил еще в Москве: (см. *Елизарова Н. А.* Театры Шереметевых. М., 1944. С. 345—346).

412. *Гуменце* — обнаженная маковка головы, темя; лысина.

АКТ II

С ц. 1. 15. *А вынос у Николы в сапожках.*— Церковь Николы в сапожках была близ Кутафьи башни, на нынешней Манежной улице в Москве; снесена в 1838 г.

С ц. 9. 482. *Эндимион* — по древнегреческой мифологии, юный любовник Селены (Луны), навечно усыпленный богами и спящий у ее ног. Здесь этим именем Чацкий наделяет Молчалина.

АКТ IV

С ц. 5. 195. *Я школы Фридриха...*— Имеется в виду король Фридрих II (1712—1786), создавший в Пруссии сильное военно-абсолютистское государство.

БЕХТЕЕВСКИЙ СПИСОК

Рукописная копия Г. о. у., восходящая к тексту Музейного автографа. ИРЛИ. Ф. 496. Собр. Н. К. Пиксанова.

Впервые описан: ПССП. Т. II. С. 231.

В настоящем издании воспроизводится перечень действующих лиц (см. об этом выше, с. 264).

ЖАНДРОВСКИЙ СПИСОК

Список с авторской правкой. ГИМ. Арх. 2566 / А 819.

Впервые подробно описана и напечатана полностью (способом «двойного печатания», позволившим воспроизвести все слои правки с некоторыми, правда несущественными, ошибками): «Горе от ума». Комедия А. С. Грибоедова. Текст Жандровской рукописи, хранящейся в Императорском Российском Историческом музее им. имп. Александра III в Москве / Редакция, введение и примечания Н. К. Пиксанова. М.: Л. Э. Бухгейм, 1912.

Описание и историю создания рукописи см. выше, с. 265.

«РУССКАЯ ТАЛИЯ НА 1825 ГОД»

Напечатано в альманахе: Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год / Издал Фаддей Булгарин. СПб.: В типографии Н. Греча (цензурное разрешение 15 ноября 1824 г. Цензор А. Бирюков).

Грибоедовский текст (явления 7—10 действия I и все действие III) занимает в этой книге с. 257—316 и озаглавлен: «Из комедии „Горе от ума“». В конце текста — подпись: А. Грибоедов. Списка действующих лиц в публикации нет, а при первом упоминании главных действующих лиц подстрочно делаются пояснения: Софья Павловна — «Дочь богатого московского жителя»; Лиза — «Служанка»; Чацкий — «Молодой человек, возвратившийся из путешествия, воспитанный вместе с Софиею»; Фамусов — «Отец Софии Павловны».

Большая часть вариантов «Русской Талии» цензурного происхождения, творческими вариантами Грибоедова они не являются (см. также с. 266).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГИМ — Государственный исторический музей (Отдел письменных источников). Москва.

ГЛМ — Государственный литературный музей. Москва.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. С.-Петербург.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив. С.-Петербург.

РНБ — Российская национальная библиотека. С.-Петербург.

Печатные источники

Акад. словарь — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. СПб., 1806—1822.

Воспоминания 1929 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова. Примечания И. С. Зильберштейна. М.: Федерация, 1929.

Воспоминания 1980 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. [Составление, вступительная статья, подготовка текста С. А. Фомичева. Редакция В. Э. Вацуро. Комментарии П. С. Краснова]. М.: Худож. литература, 1980.

Гершензон — Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. 1914.

Материалы — А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сборник научных трудов / Ответственный редактор С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1989.

ПССП — *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. / Под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Т. I—III. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1912—1917 (Академическая б-ка русских писателей. Вып. 8).

Пушкин — *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI.

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Ответственный редактор
Л. И. Захаров

Художник
В. Г. Бахтин

Технический редактор
Л. П. Никитина

Корректор
В. Д. Чаленко

Компьютерная верстка
Н. Н. Зайцевой

Издательство «Нотабене»
199155, Санкт-Петербург, пр. КИМа, 30
ЛР № 062907 от 4.08.1993

Фотоформы изготовлены ГИПК «Лениздат»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.12.1994.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 21,24. Уч. изд. л. 19.[illegible]
Тираж 15000 экз. Зак. 1422

Технологическая подготовка АО «Норинт»

Отпечатано в АООТ «Иван Федоров»
Комитета Российской Федерации по печати
191126, Санкт-Петербург, Звенигородская ул., 11